

International Journal CRIMINAL PROCEDURE

PROBLEMS OF THEORY
AND PRACTICE

IJCP

IJCP

**CRIMINAL PROCEDURE:
PROBLEMS OF THEORY
AND PRACTICE**
**УГОЛОВНОЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВО:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И
ПРАКТИКИ**
EDITORIAL BOARD

N. Aliyev,
doctor of law,
(Republic of Azerbaijan)

Н. Алиев,
доктор юридических наук,
(Республика Азербайджан)

Yu.M. Antonyan,
doctor of jurisprudence,
professor, honored worker of science

Ю.М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

E.A. Antonyan,
doctor of jurisprudence, professor

Е.А. Антонян,
доктор юридических наук, профессор

S.N. Baburin,
doctor of law, professor

С.Н. Бабурин,
доктор юридических наук, профессор

A.A. Bakradze,
doctor of jurisprudence

А.А. Бакрадзе,
доктор юридических наук

V.V. Vachila,
candidate of law, assistant professor

В.В. Бачила,
кандидат юридических наук, доцент

E. N. Begaliev,
doctor of law, associate Professor, Honorary
worker of education of the Republic of
Kazakhstan

Е.Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, доцент, Почетный
работник образования Республики Казахстан
(Республика Казахстан)

A.R. Belkin,
doctor of law, professor, academician of RAEN

А.Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор,
академик РАЕН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

G.A. Vasilevich,
doctor of law, professor, honored lawyer
of the Republic of Belarus

Г.А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РБ

A.F. Volynsky,
doctor of jurisprudence, professor,
honored lawyer of the Russian Federation

А.Ф. Волынский,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

V.Ya. Gavrilov,
doctor of jurisprudence, professor

В.Я. Гаврилов,
доктор юридических наук, профессор

A.Ya. Grishko,
doctor of law, professor

А.Я. Гришко,
доктор юридических наук, профессор

G.S. Gurbanov,
doctor of law, professor

Г.С. Гурбанов,
доктор юридических наук, профессор

M.D. Davitadze,
doctor of law, professor

М.Д. Давитадзе,
доктор юридических наук, профессор

S.V. Dubrovin,
doctor of law, professor, honored worker of higher
school of Russia

С.В. Дубровин,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

I.E. Zvecharovsky,
doctor of law, professor, honored lawyer of the
Russian Federation

И.Э. Звечаровский,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

N.G. Ivanov,
doctor of law, professor, honored lawyer
of the Russian Federation

Н.Г. Иванов,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

N.G. Kadnikov,
doctor of law, professor Honorary worker
of higher professional education of Russia

Н.Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

R. Kvaratskhelia,
doctor of law

Р. Кварацхелия,
доктор юридических наук

N.A. Kolokolov,
doctor of law, professor

Н.А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор

O.S. Kuchin,
doctor of law, associate Professor,
academician of RAE, Honored worker
of science and technology RAE

О.С. Кучин,
доктор юридических наук, доцент,
академик РАЕ, Заслуженный деятель
науки и техники РАЕ

V.P. Lavrov,
doctor of jurisprudence, professor,
Honored worker of science of the
Russian Federation

В.П. Лавров,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

S.Ya. Lebedev,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

С.Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

V.O. Luchin,
doctor of law, professor,
honored lawyer of the Russian Federation
honored worker of science

В.О. Лучин,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ, Заслуженный
деятель науки РФ

N.P. Mailis,
doctor of law, professor,
honored lawyer of the Russian Federation
honored worker of science

Н.П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ,
Заслуженный деятель науки РФ

G.V. Mirzoev,
doctor of law, professor, honored lawyer
of the Russian Federation

Г.В. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

S.B. Rossinsky,
doctor of jurisprudence

С.Б. Россинский,
доктор юридических наук

Z.V. Soktoev,
doctor of law

З.В. Соткоев,
доктор юридических наук

B.A. Spasennikov,
doctor of law doctor of Medical
Sciences professor

Б.А. Спасенников,
доктор юридических наук,
доктор медицинских наук, профессор

O.V. Staroverova,
doctor of law

О.В. Староверова,
доктор юридических наук

A.G. Khabibulin,
doctor of law, professor

А.Г. Хабибулин,
доктор юридических наук, профессор

R. Chenghis,
president of Law enforcement
University, professor

Р. Чингиз,
Президент Университета
правоохранительных органов Монголии,
профессор

L.T. Chikhladze,
doctor of jurisprudence, professor

Л.Т. Чихладзе,
доктор юридических наук, профессор

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of economic
sciences, professor

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юри-
дических наук, доктор экономических наук,
профессор, лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

Registration certificate
404499217

Editor-in-chief

N.P. Mailis,
doctor of law, professor,
honored lawyer of the Russian
Federation honored worker
of science

*Representations in Russia:
Chief editor*

of Joint editorial

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of
economics, professor, laureate
of the Russian Federation
Government prize in Science
and Technology.

*Representations
in Russia:*

V.N. Zakaidze,
CEO of publishing house
«UNITY-DANA»
1 Irina Levchenko,
Moscow, 123298

in Georgia:

A. Kldeiseli,
44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi,
0186, Righteous Georgia
Tel./Fax: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

in USA:

D. Skhirtladze, MD, MPH
3565 Edencroft Road, Huntingdon
Valley, Pennsylvania
+12157605939
E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.
com

in Israel:

L.N. Tepman,
doctor of economical sciences,
professor
3, Tze'Elim, Yokneam
E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

I.T. Chariev,
doctor of pedagogical sciences,
professor, academician of the IASP
30, Gagarin str., Shymkent
Oål: +77012608938
E-mail: ergash-39@mail.ru

Editorial staff and external
reviewers are not responsible for the
quality, accuracy and correctness
of Responsibility for the quality,
accuracy and correctness of citing
of works solely lies with the

www.unity-dana.ru
www.nion.org

CONTENTS 3/2020

VASHAKIDZE N., Unconscious bullying in the family: manifestations, causes, and consequences	5
NGUYEN THANH PHUC. Forensic examination of narcotic substances for investigation and solving of crimes in the Socialist Republic of Vietnam	11
GALUZO V.N. On the role of extrapolation in the implementation of historical and legal research in the Russian Federation	13
ERIASHVILI N.D., GALUZO V.N., Is it permissible to reform the criminal law without the Constitution of the Russian Federation?	17
MURASHEV, P.M., ERIASHVILI N.D., About the purpose of expert research in criminal proceedings in Russia (historical and legal aspect)	22
SHARIFZODA M.S. The causal factor complex of misconduct in the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan: ways to solve the problem	25
BAZHANOV S.V. Correlation of form and content in the conceptual apparatus of the Russian criminal procedure legislation	29
ERIASHVILI N.D. Constitutional provision of national security in foreign countries.....	36
GALUZO V.N. The relationship between the concepts of «national security» and «law and order»	39
ZHIGAREV E.S. Personal characteristics of minors and individual prevention	44
VASILENKO G.N. Prevention of administrative offenses, as part of the prevention of administrative tort by urban measures	48
DENISOV N.L., ROMASHKINA N.YU. Use of electronic payment systems for criminal purposes.....	52
SOLOMATINA E.A., BIN T.PH. On the criminological aspects of road traffic crimes and offenses in Vietnam.....	55
MOLCHANOVA T.V. The future of organized crime in a virtual environment.....	60
MARAYEVA A.V. Reasons for the rehabilitation of nazism in the Russian Federation	62
SEMOCHKINA A.A. Crimes committed by minors in the field of computer information - features and problems of qualification	64
FADEEV V.N. The law and the criminal realities.....	67
KHINEVICH K.I., KIRYUKHIN A.B. The use by athletes of doping as a global threat to the national security of the Russian Federation	72
UTKIN V.A. The law on the prevention offences and practice	75
SHURAEV A.A. Modern destructive information technologies youth engagement technologies in extremist activity.....	79
DOLBILOV A.V. Economic crimes and corruption as a threat to national security of Russia	83
FILATOVA I.V. Legalization of money acquired by criminal means in the context of digitalization of the economy	85

СОДЕРЖАНИЕ 3/2020

Свидетельство о регистрации
404499217

Главный редактор

Н.П. Майлис,

доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ
заслуженный деятель науки РФ

*Представительства
в России:*

Главный редактор

Объединенной редакции

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,

доктор экономических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства РФ

в области науки и техники

В.Н. Закаидзе,

Генеральный директор

Издательства «ЮНИТИ-ДАНА»

123298 Москва,

ул. Ирины Левченко, д.1

в Грузии

А.Клденсели,

0177 Тбилиси,

пр. Александра Казбеги, д.44,

Справедливая Грузия. Тел./факс:

+995322421207/08

Е-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

в США:

Д. Схиртладзе, доктор медицины

Штат Пенсильвания,

г. Хантингдон Вэли,

ул.Эденкрофт Роуд 3565

Е-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле:

Л.Н. Тепман,

доктор экономических наук, профес-
сор,

г. Йокнеам, ул. Цеелим, д.8

Е-mail: tepman32@list.ru

в Республике Казахстан:

И.Т. Чариев, доктор

педагогических наук, профессор,

академик МАНПО

г. Шемкент, ул. Гагарина,

д.30, кв.57

тел: +77012608938

Е-mail: ergash-39@mail.ru

Отпечатано в цифровой типографии

ООО «Буки Веди» на оборудовании

Konica Minolta 105066, Москва, ул. Но-

ворязанская, д.38, стр. 1, пом. IV

Заказ

Редакция и внешние рецензенты
не несут ответственности за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений авторами
статей. Ответственность за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений несут
исключительно авторы
опубликованных материалов.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

ВАШАКИДЗЕ Н. Бессознательное запугивание в семье: проявления, причины и последствия.....	5
НГУЕН ТХАНЬ ФУК. Криминалистическая экспертиза по наркотическим веществам при расследовании и раскрытии преступлений в Социалистической Республике Вьетнам	11
ГАЛУЗО В.Н. О роли экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации.....	13
ЭРИАШВИЛИ Н.Д. ГАЛУЗО В.Н. Допустимо ли реформирование уголовного законодательства без учета Конституции Российской Федерации?	17
МУРАШЕВ П.М., ЭРИАШВИЛИ Н.Д. О предназначении экспертных исследований в уголовном процессе России (историко-правовой аспект)	22
ШАРИФЗОДА М.С. Причинно-факторный комплекс правонарушений законности служебной дисциплины в органах внутренних дел Республики Таджикистан: проблемы и пути решения.....	25
БАЖАНОВ С.В. Соотношение формы и содержания в понятийном аппарате российского уголовно-процессуального законодательства.....	29
ЭРИАШВИЛИ Н.Д. Конституционное обеспечение национальной безопасности в зарубежных странах.....	36
ГАЛУЗО В.Н. Соотношение понятий «национальная безопасность» и «правопорядок»	39
ЖИГАРЕВ Е.С. Личностные особенности несовершеннолетних и индивидуальная профилактика	44
ВАСИЛЕНКО Г.Н. Предупреждение административных правонарушений, как часть профилактики проявлений административной деликтности мерами урбанистического характера.....	48
ДЕНИСОВ Н.Л., РОМАШКИНА Н.Ю. Использование электронных платежных систем в преступных целях	52
СОЛОМАТИНА Е.А., БИНЬ Д.Ф. К вопросу о криминологических аспектах дорожно-транспортных преступлений и правонарушений во Вьетнаме.....	55
МОЛЧАНОВА Т.В. Будущее организованной преступности в виртуальной среде.....	60
МАРАЕВА А.В. Причины реабилитации нацизма в Российской Федерации	62
СЕМОЧКИНА А.А. Преступления, совершаемые несовершеннолетними в сфере компьютерной информации - особенности и проблемы квалификации	64
ФАДЕЕВ В.Н. Закон и криминальные реалии	67
ХИНЕВИЧ К. И., КИРЮХИН А.Б. Употребление спортсменами допинга как глобальная угроза национальной безопасности Российской Федерации	72
УТКИН В.А. Законодательство о профилактике правонарушений и практика его применения	75
ШУРАЕВ А.А. Современные деструктивно-информационные технологии вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность	79
ДОЛБИЛОВ А.В. Преступления экономической и коррупционной направленности как угроза национальной безопасности России.....	83
ФИЛАТОВА И.В. Легализация денежных средств, приобретенных преступным путем в условиях цифровизации экономики	85

UNCONSCIOUS BULLYING IN THE FAMILY: MANIFESTATIONS, CAUSES, AND CONSEQUENCES

Natalia Vashakidze,

Candidate of legal sciences Lomonosov Moscow State University
nataliavashakidze@mail.ru

Наталья Вашакидзе,

кандидат юридических наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Для цитирования: Н. Вашакидзе Бессознательное запугивание в семье: проявления, причины и последствия. // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С.5-10.

Annotation. This article analyses and justifies the need to introduce the author's concept of "unconscious bullying" into scientific circulation, proposes its definition and considers unconscious bullying in the aspect of family-parental relationships; reveals the concept, manifestation, and causes of unconscious bullying in the family; concludes that special measures are needed to prevent unconscious bullying.

Keywords: Unconscious bullying, child-parental relationships, family aggression, reasons for unconscious bullying in the family

Introduction

Constant humiliation, threats, dissemination of rumors of different content aimed at a person, as well as other measures of negative psychological and physical impact - this is bullying. If it occurs from close relatives, then they talk about bullying in the family.

Harassment is not a conflict of opposite sides, where each participant can "respond" to the enemy's aggressive actions. Bullying is distinguished by the fact that the victim is helpless, cornered, and accordingly cannot cope with the existing problem. Bullying most often affects more emotional people who may have difficulty restraining tears, emotions.

Therefore, their behavior attracts attention, due to psychological weakness; he becomes a victim over whom it is easier to prove his superiority and strength. Bullying, including can be used in various forms. Modern researchers propose several commonly known classifications of it, each of which has the right to exist, but we will continue to substantiate our own author's position, expressed earlier that the proposed classifications are not sufficiently complete and detailed.

Therefore, we propose to introduce into scientific circulation such an author's concept as "unconscious bullying", since, quite often, bullying actors carry out systematic aggressive acts of intimidation to arouse fear in another person and thus subjugate him unknowingly, and in some cases based on positive intentions, that is, bullying is carried out unknowingly, which

makes it possible to claim the presence of such a phenomenon as "unconscious bullying".

In this regard, we believe that it is necessary to define unconscious bullying as an unconscious manifestation of psychological and violent actions, which have a long context, aimed at a subject who is unable to protect himself, carried out due to a lack of understanding of their consequences.

The actors of unconscious bullying can be both: children and adults. Within the framework of this article, unconscious bullying in the family is investigated, its cause and consequences are determined.

Unconscious bullying in the family: manifestations, causes, and consequences

As you know, each family implements its model of family-parental relations and there are no identical models of family upbringing. At the same time, quite often in the family, there is unconscious bullying, when parents unknowingly commit psychological and violent actions that have a prolonged context aimed at a child who is unable to protect himself, carried out due to lack of understanding of their consequences.

There are many reasons for unconscious bullying in the family to the child. First of all, one can point to a predisposition in the aspect of character accentuation.

Unconscious bullying in the family in many of its manifestations is similar to conscious bullying, but differs in that, according to the parents'

CRIMINAL PROCEDURE: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

conviction, their actions benefit the child since they are performed for his upbringing, and there are several types 2, p. 150:

-Physical violence in which children are physically assaulted and physically injured. At the same time, parents, or one of them, are sincerely convinced that this is done for the benefit of the child, justifying this by the fact that physical punishment was also applied to them in their childhood, and this helped them become "decent" people;

-Psychological is manifested in the humiliation of the child, psychological abuse of his personality through insults and humiliation.

At the same time, the actors of unconscious bullying in the family can be as one of the spouses to each other and the child, and both parents, as well as other family members, most often older siblings, who are simply convinced that, by the right of precedence, they are allowed to act, aimed at subjugating younger brothers or sisters to their will, while they are not aware, that in this case, they become the bullies, that is, in this case, there is unconscious bullying, which, in our conviction, is more dangerous than conscious bullying.

Unconscious bullying occurs when conflicts become the norm in the family during which dad humiliates mother and mother - dad.

Often adults assert themselves at the expense of the child, trying with "good intentions" to realize their career and life aspirations that have not come true in him 3, p. 160

The manifestation of unconscious bullying in the family entails a chain of negative manifestations, for example, dad offended his mother, who, in upset feelings, unknowingly transfers his offense to the child, and the child, in turn, can also pour his own negative emotions on younger family members, pets or become a bully in society.

If the norm in the family is aggressive behavior, and adults transfer responsibility to children - for their emotions, for their failures - this is the manifestation of unconscious bullying. One of the reasons for unconscious bullying is the primitive level of communication, a low level of culture, the lack of pedagogical and psychological skills, and the low level of family culture is perceived by the child as an acceptable norm.

Families in which unconscious bullying occurs are characterized by a situation when, instead of participation by parents, the child is faced with sarcasm and bullying. When parents, due to their pedagogical and psychological illiteracy

and underdevelopment, apply such methods of upbringing to children, as ignoring, boisterous, other types of emotional and even physical violence to do so, that the child must learn to withstand future difficulties, it is also a manifestation of unconscious bullying, the result of which can be that the child in the future such a relationship at an unconscious level can be perceived as an acceptable form of the relationship in society and turn also become unconscious mulling.

This is confirmed by research by Australian psychologists, who analyzed the responses of more than 4000 thousand teenagers about the reasons that prompted them to become bullies. More than 36% of respondents could not indicate the reason for their behavior, which also proves that they acted in situations of bullying unknowingly 9, p. 150.

The trigger mechanism for unconscionable bullying is the nature of family relationships; a negative model of parental education implemented in the family, which causes a constantly high level of stress of the child, an internal feeling of insecurity, anxiety that needs to be somehow removed. And most often, the child tries to remove these negative factors by perceiving the deviant behavior model.

Unconscious bullying manifests itself in situations where parents rash, use horrible, toxic phrases and expressions on the machine, which is a place of an educational nature, have a humiliating and breaking personality, while unconscious family bullfighters do not even think about the consequences, this can lead, as they are convinced that they stimulate this child to the right behavior model. In particular, these are phrases that are derogatory regarding the appearance of the child, which for some reason does not suit parents, for example, you are skinny like Koshchey or stop eating, and no clothes converge on you.

Quite often in families with a negative model of upbringing, parents express dissatisfaction with their child, and his success in the study uses such expressions: well, why are you so stupid? I don't care what you want and what you say, I am not interested in your problems; you want to roar - roar outside the door; out of my eyes.

They also humiliate the dignity of the child by using phrases: chicken is not taught eggs; "Molokosos", you are no one without me at all; you are an empty place; Yes, I..., yes, I... you will regret being born; if you do not do what I demand, then cope with all your problems yourself; do not hope for me, no one helped me, I managed myself; don't be a rag, let's give it up! What do you mean scary?

Especially unconscious bullying is manifested when parents carry out the transfer of their negative emotions, turning to the child with such phrases: your dad is a loser. You will listen to him; you will become the same loser. The woman in the family - to keep quiet and serve on the table, remembered? You are as stupid as your mother... etc.

From this, the child concludes that: no one needs him that he cannot count on the help of his parents, he is weak, and therefore, in order not to be considered a weak man, he must attack.

In such cases, the child perceives as reinforcing the formed negative beliefs (With me it has always been, and always will be), such popular postulates as: "The best defense is attack"; with wolves to live in, in wolf to take out; the strongest natural selection survives; my hut from the edge; the initiative is punishable, etc. Children, who are victims of unconscious bullying, as well as in cases with bullying conscious, may encounter health problems, both physical and mental, and developmental abnormalities are also possible 5, p. 80.

Unfortunately, studies of children who have undergone unconscious bullying to date have not been conducted, but since we have indicated that the negative consequences of unconscious bullying are practically no different from the effects of conscious bullying, let us turn to the Avon Longue Study of Parents and Children (ALSPAC), which was conducted by British psychologists 10, p. 19. A total of 15,000 families were surveyed. The initial survey of children was conducted at the age of 12, they were offered a questionnaire on the psychological state, in which there were questions about harassment in the family and at 18 years old children, who indicated the presence of facts of domestic violence were examined in medical institutions. A sample of families with several children was taken for analysis.

The concept of harassment included physical violence, regular insults, and slander. Of the 3,596 children, 664 were victims of sibling aggression, 486 were instigators of bullying, and 771 children were in both roles. By the age of 18, psychoses with and without schizophrenic symptoms developed in 55 adolescents. Psychologists found out: in children who experienced harassment-related events several times a week, the risk of developing psychoses increased 2-3-times - both in the victims and in the instigators. For those who became victims of harassment at home and school, the probability increased by an average of 4-times. At the same

time, children who were humiliated by brothers or sisters more often faced peer aggression at school.

As factors influencing the behavior of unconscious children, we highlight the level of family income, parental education (most often low), the presence of depression and other mental disorders in parents, and a constant aggressive family environment. Moreover, based on experimental data provided by researchers, it can be concluded that there is a connection between bullying by older siblings, associated with bullying by parents, and more severe psychological consequences for a child from such a family 4, p. 247.

Of course, the problem of unconscious bullying is also important, as is the problem of bullying conscious while unconscious bullying is a more complex phenomenon, since it is difficult to identify and is performed unknowingly and rash, but is also a signal of a nascent psychotic disorder 6, p. 23.

Personal positions, forms of behavior, values, moral principles, and taboos are the result of the family system. The family forms aggressors, victims, or a controlled crowd. Children who become victims of unconscious bullying, being exposed to it in the family, or watching it to other members of the family, will choose one of three roles - behavior strategies that are characteristic of the bullying-conscious. They will become either an aggressor or a victim, and most often it is children who constantly experience unconscious bullying who become passive witnesses of conscious bullying because they become so insensitive due to the habit of adapting to a situation of constant humiliation and pressure that they feel quite calmly when they show aggression towards others, taking a position of non-intervention.

We are convinced that since birth, each child is good, capable of kindness, care, love, friendship, mutual aid, etc. They can remain only if observe and feel to them cares and love from the most significant for themselves adults - parents and other family members.

Studies show that today the number of children with signs of psychopathic behavior is increasing 7, p. 37. This is a tragedy and a great difficulty for everyone around such a child. Since they do not develop empathy, sympathy, conscience, responsibility, kindness; the level of fear, whatever (including punishments) is significantly lower than in other children without signs of the psychopath, and this is due to both social and biological factors

CRIMINAL PROCEDURE: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

11, p. 667. Therefore, the methods of raising these children should be different, not allowing the manifestation of unconscious bullying in any form.

Completely we share the opinion of E. Burn and other authoritative authors, researchers, psychotherapists, about that, persecutors, the victims, losers. They are a result of the influence of society [1, p. 234] including a consequence of the impact of unconscious bullying. Because the most significant decisions of the installation are laid down in the child at the earliest age (up to 6 years), it is the family that makes the child the winner, pursuer, or victim. And therefore, there is a great danger that in a family where unconscious bullying is a model of behavior, the child will get used to being laughed at, rigged, teased ("with love and best intentions" according to some parents). At first, he feels discomfort and powerlessness, desire, and inability to stop this bullying. And then he develops protective mechanisms, how to survive this persecution inside: displacement (I don't remember anything), denial (and it doesn't hurt me at all, there was nothing like that) and others, there are many of them. At the same time, there is no formation of adequate ways to resist atrocities, ask for help, protect you, stop disgrace, and be the leader of "good forces and deeds".

As a result of parental behavior, and the style of education using unconscious bullying, children form many, curved ideas about themselves and others, about the rules of "interaction of this adult world", unmet needs that try to satisfy distorted, if not perverted, ways. They need self-approval. Such a situation is characteristic if parents do not help and support, and seriously compete, compete, recoup, and ego-trip on children.

If parents laugh, tease, talk about insulting of the younger ones, considering this to be only an innocent joke, that is, there is a manifestation of unconscious bullying, then children will so want to assert themselves at the expense of even younger or weaker ones.

Victims of unconscious bullying more often need to show their strength. Unfortunately, it is not uncommon for parents, respectively their children, to be considered by force to be solely physical, intimidating, blackmailing, manipulating, insulting another, and exercising all kinds of authority [8, p. 76]. For obvious reasons, the children of these parents will show strength through the destructive effects of this kind.

They need to be important, valuable, heard for many children who are victims of unconscious

bullying by parents and other family members remain unrealized. Parents are once, not interested, there are more important things and topics, figures, and authorities. It's sad and sad. After all, it is important for each of us, and first of all the child, to know and feel unconditional acceptance (that you are simply loved as you are), as well as respect, attention to achievements, successes, manifestations, victories, etc. Very often, when "positive" behavior and methods failed to attract the attention of adults, interesting parents, the child seeks to achieve "respect" and increase his status in the family far from good ways.

Unconscious bullying mediates the need to relieve emotional stress that arose as a result of psychological or physical unconscious aggression. After all, often, parents simply transfer their negative psychological emotions and problems to the child, as well as failures, which can manifest themselves both in screaming and physical impact (punishment). If the eldest child is punished, likely, he will unconsciously show the same aggression towards the youngest. And this is also a manifestation of unconscious bullying. An offended younger family member who has experienced unconscious aggression needs to express the suppressed anger and resentment that he can show against an adult offender. Therefore, he is looking for a "target," over which he can also be a bullying actor. Most often, such actions are also unconscious, but their essence does not change from this since behind demonstrative aggressive and cruel behavior, the victim on a subconscious level tries to hide his experiences, fears, frustrations, etc. 12, p. 45

As you know the most dangerous and problematic, primarily for physiological reasons, is adolescence, which is characterized by uneven stages or even jumps in psychological and physical development. During this period, adolescents have a level of claim far ahead of the level of opportunity. The level of criticism and self-criticism increases, self-dissatisfaction, disappointment, frustration, supported by hormonal leaps, which causes many fears and doubts, which in turn increases the danger of suicidal behavior. In current studies, the authors unanimously conclude that there are causal associations between bullying presence facts and suicide-related behavior 5, p. 83.

At the same time, the danger of unconscious bullying is that it is difficult to recognize and often in the family is perceived by parents as a norm or orientation in upbringing.

Every child, and especially more in adolescence,

needs a safe opportunity to be accepted and understood by loved ones (parents), to share their innermost experiences with good loving close adults who can share this huge emotional heat. If this does not happen, emotions will still find a way out, however, the way they are expressed may not be safe, since to prove to myself and my parents that "I am not a loser," he may try to do this at the expense of others and as a result, he can become a buller, and subsequently get into criminal stories, as such children form a distorted idea of conflict resolution and social interaction.

If the child in the family is constantly explained that you are not as you should; must be different; going not to dance, but to fight and vice versa; Being like dad and the like, it is likely that a child may become a victim of conscious bullying in society since children exposed to unconscious pressure from parents are characterized by increased sensitivity, physical weakness, anxiety, resentment, a tendency to tears, underestimated self-esteem, lack of friends and social support. They suffer from physical aggression, psychological trauma that adversely affects self-esteem and social adaptation. The most frequent consequences include a decrease in academic performance, refusals to attend school, self-harming behavior. Such children have a need-desire, in any way to attract the attention of parents to themselves, since if in everyday life they do not show interest in the problems of the child, then in case of an emergency they will be forced to pay attention to the child, so the child can provoke such situations - illness, fight, theft, etc.

Victims of unconscious bullying very often do not have personal boundaries. After all, the norm is such behavior, when physical material and emotional boundaries are violated, a healthy emotional reaction must manifest itself in the form of a sense of anger when there is a surge of energy to stand up for itself, defend yourself, and fight back. However, if a psychological setting of a ban on standing up for them is formed, then such a child is not able to resist the aggressor and therefore such children are forced to adapt and, accordingly, get used to being a victim, become forever guilty. It is on the feeling of guilt, shame, insolvency of such a child that the life position "I am not OK" is formed. Bullying victims may later experience health and performance difficulties, possible symptoms of anxiety-depressive disorders, apathy, headaches and enuresis, and a tendency to attempt suicide. The experience of the victim contributes to the formation of their understanding of society as a

world of complete danger, but them as unable to influence what is happening.

If the child in the family often feels weak and unprotected, unworthy to have his opinion, desires, thoughts, he does not have confidence in his right to protect his parents and therefore he is forced to cope with his problems independently, he does not have. It does not require proof that each child needs the support and protection of the family. Parents should be his reliable rear, which in the future will give and strength to effectively solve their problems.

The greatest fear is caused by children who, as a result of unconscious bullying by a parent, form a position of neutrality, as this contributes to the formation of immorality, cruelty, and indifference.

Children usually do not tell much of what happens in the family, including about the pressure to which they are subjected by their parents, and therefore in such situations the role of society increases, primarily in the person of an educational institution, neighbors, institutions of additional education, which in such situations should help the child, instill skills to resist unconscious bullying in the family.

Conclusions

It does not require justification for the statement that unconscious bullying should be fought, as well as conscious since it cannot be fair because the "strong" receive satisfaction from the fact that the "weak" suffers. It is clear that it is impossible to completely get rid of unconscious bullying, but the extent of its spread can be reduced. At the same time, the prevention of unconscious bullying has certain features, so if in educational institutions, among teachers and psychologists, the problem of aggression in the family is sufficiently updated, then this aspect is practically not taken into account in the family. Therefore, no preventive work will have the expected effect until it is the parents who penetrate, take care of their psychological literacy and healthy behavior. To raise a physically and mentally healthy child, a successful member of society, it is important for parents to study the stages of psychological development of children, to know and satisfy their psychological needs, to be guided by methods of competent education, and ways of effective healthy interaction in the family.

The problem of unconscious bullying is the topic of psychological boundaries and moral and ethical values of society. If at least one family member does not have borders, the expectation that the borders of children will be formed adequately can

be considered a utopia. Concepts and ethical values are laid down primarily by a parental example. However, society, including the state, should help the family in this matter, primarily by providing the necessary pedagogical and psychological information about unconscious bullying, which should be available. Social networks should be actively used to disseminate such information, and mandatory training should be introduced for problem families on the psychological relationship in the family and the age characteristics of the child.

Mother Teresa also said that only kindness can save the world, so parents, all adults should make every possible effort to ensure that kindness, humanity, morality, respect are not just words, but those true values that are professed in the family and instilled in our children.

The key point in preventing unconscious bullying is the formation of a safe family environment, that is, the conditions under which the influence of factors provoking violence is maximally reduced or leveled. It is unacceptable to betray their children, since they, like none of the others in this complex world, need the support of adults and a sense of security in the family.

Bibliography

1. Bern E. Transactional analysis in psychotherapy. M.: Eksmo, 2009. 416 p.
2. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Bulling as

an object of research and a cultural phenomenon. Psychology. Zhurn. HSE. 2013. T. 10. N3. P. 149-159.

3. Glassman O.L. Psychological features of bullying participants//News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2009. N105. P. 159-165.

4. Huseynova E.A., Yenikolopov S.N. The influence of the teenager's position in the bullying on his aggressive behavior and self-esteem. Psychological science and education. 2014, N2. P. 246-256.

5. Zharova D.V., Terekh E.Yu. Psychological features of teenage bullying. Ped. Rev. 2018. N1(19). P. 79-84.

6. Zinovieva N.O., Mikhailova N.F. Psychology and psychotherapy of violence. A child in a crisis situation. St. Petersburg. Speech, 2003. 247 p.

7. Solovyova S.L. Psychology of extreme states. St. Petersburg: ELBI, 2003. 128 p.

8. Evans P. How to protect yourself from insult. Per from English. M.: AST, 2004. 346 p.

9. Allison S., Roeger L., Smith B., Isherwood L. Family histories of school bullying: implications for parent-child psychotherapy. Australasian Psychiatry. 2014. vol. 22. P. 149-153.

10. Baldry A.C., Farrington D. P. Bullies, and delinquents: Personal characteristics and parental styles. Journal of Community & Applied Social Psychology. 2000. 10(1). P. 17-31.

11. Schwartz D., Dodge K.A., Pettit G.S., Bates J.E. The early socialization of aggressive victims of bullying. Child Development. 1997. 68. P. 665-675

12. Zottis G.A., Salum G.A., Isolan L.R., Manfro G.G., Heldt E. Associations between child disciplinary practices and bullying behavior in adolescents. J Pediatr (Rio J). 2014.

FORENSIC EXAMINATION OF NARCOTIC SUBSTANCES FOR INVESTIGATION AND SOLVING OF CRIMES IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО НАРКОТИЧЕСКИМ ВЕЩЕСТВАМ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Nguyen Thanh Phuc,

Deputy Head of The People's Police University in Ho Chi Minh City, Ministry of Public Security of the Socialist Republic of Vietnam, doctor of law
nguyenthanhphuc6886@gmail.com

Нгуен Тхань Фук,

Заместитель начальника Университета Народной полиции г. Хошимин Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, доктор юридических наук

Научная специальность: 12.00.12 - криминалистика, экспертно-криминалистическая деятельность, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Нгуен Тхань Фук. Криминалистическая экспертиза по наркотическим веществам при расследовании и раскрытии преступлений в Социалистической Республике Вьетнам // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С.11-12.

Annotation. The article discusses issues related to the concept and classification of narcotic substances according to legal norms, as well as the forensic examination of narcotic substances in the Socialist Republic of Vietnam.

Keywords: forensic examination, narcotic substances, psychotropic substances, precursor substances

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с понятием и классификацией наркотических веществ по правовым нормам, а также криминалистической экспертизой по наркотическим веществам в Социалистической Республике Вьетнам.

Ключевые слова: судебная экспертиза, наркотические вещества, психотропные вещества, прекурсорные вещества

В Социалистической Республике Вьетнам (далее – Вьетнам), как и во многих других странах мира, преступление, связанное с наркотиками, является одним из особых опасных и сложных преступлений.

Хотя в законах каждой страны содержатся положения о преступлениях, связанных с наркотиками, с очень строгими наказаниями, в том числе смертной казни, а в странах есть международные договоры и конвенции о предупреждении данного вида преступления, но это все еще происходит в огромном масштабе с высоким количеством наркотиков и соучастников преступлений, особенно во Вьетнаме.

Глава XX Уголовного Кодекса Вьетнам «Преступные по наркотикам» предусматривает преступления и наказания за незаконные действия, в том числе: выращивание растений, содержащих наркотические вещества; производство, продажа, хранение, транспортировка или присвоение наркотических веществ, предварительных веществ и инструментов, используемых для незаконного производства или использования наркотиков; организация,крытие использования

или принуждение других людей к незаконному употреблению наркотиков; и нарушение правил, регулирующих использование наркотических средств или других наркотических веществ [5].

В соответствии со ст. 2 Закона № 13 /VBHN-VPQH от 23 июля 2013 года «О профилактике наркомании и борьбе с наркотиками» понятия наркотических веществ понимаются следующим образом: «наркотические вещества - это вещества, вызывающие привыкание, центроострительные нейротропные вещества, предписанные в списках, обнародованных правительством».

Соответственно, вещества, вызывающие зависимость, являются стимуляторами или нейросупрессантами, которые легко вызывают привыкание у пользователей. Психотропными веществами являются стимуляторы, нейросупрессанты или галлюциногены, если их многократно использовать, это может привести к зависимости у пользователей.

Химические вещества-прекурсоры являются незаменимыми химическими веществами в процессе приготовления и производства наркотических веществ, указанных в перечне, обнародованном

дованном правительством. Наркотики, вызывающие зависимость, и центростремительные нейротропные лекарства – это лекарства, прописанные в списках, опубликованных Министерством здравоохранения.

Они содержат вещества, указанные в п. 2 и 3 настоящей статьи. К лекарственным растениям относятся мак, марихуана или другие растения, содержащие наркотические вещества, предписанные правительством [1].

Кроме того, существуют и лекарственные препараты для медицинского применения, которые содержат наркотические, психотропные и прекурсорные вещества. Распоряжение № 20/2017/ТТ-ВУТ от 10 мая 2017 года Министерства здравоохранения и постановление правительства № 54/2017/ НД-СР от 8 мая 2017 года подробно предусматривают ряд статей и мер по реализации Закона «О фармации», в том числе описания о специальных контролируемых лекарствах (включая наркотические средства, психотропные препараты, прекурсоры); комбинированных лекарствах, содержащих активные ингредиенты захватывающий; комбинированных препаратах, содержащих психотропные препараты; комбинированных лекарственных препаратов, содержащих прекурсоры, которые должны находиться под особым контролем.

По-прежнему существует ряд вопросов, которые не были конкретно рассмотрены и необходимо прояснить, чтобы иметь соответствующие правила контроля, решающие определенные проблемы [3, 4].

Согласно вьетнамскому законодательству, одним из обязательных правовых требований для вынесения решения о преступлениях, связанных с наркотиками, является назначение и проведение судебной экспертизы наркотических веществ.

Поскольку заключение эксперта является не только доказательством в уголовном судопроизводстве в соответствии со ст. 87 Уголовно-процессуального кодекса Вьетнама, но и научным основанием обвинения и судебного решения в соответствии с действующей политикой судебной реформы во Вьетнаме [6].

Как уже отметили, для расследования уголовных дел, связанных с наркотиками, органы, ведущие судопроизводство, в том числе следственных органов, суда и прокурора, должны назначать судебную экспертизу наркотических веществ. В настоящее время во Вьетнаме компетентными органами по производству криминалистических экспертиз по наркотическим веществам являются Центр по экспертизам наркотических веществ, который принадлежит Институту криминалистической техники, и отделения криминалистической техники провинциального уровня Министерства общественной безопасности Вьетнам.

Кроме определения типа, вида наркотических веществ и прекурсорных веществ и их назначения, основной задачей производства экспертизы по наркотическим веществам является определение их количества.

Необходимо отметить, что для наркотических веществ жидкостного или твердого состояния, растворявшихся в растворе, весь раствор не считается жидким лекарственным средством. При данном случае, должно быть определено количество наркотика в растворе для расчета веса этого наркотика.

Согласно Распоряжению, регулиющему применение ряда положений главы XX УК Вьетнам «Преступные по наркотикам», № 08/VBHN-BCA от 31 декабря 2015 года, во всех случаях, когда изъяты вещества, предположительно являющиеся наркотиками или прекурсорами, используемые для незаконного производства наркотических веществ, должна быть назначена и проведена экспертиза для определения типа и веса количества изъятых наркотических веществ и прекурсорных веществ.

Выводы на заключения экспертизы также должны соответствовать Официальной рассылке № 1075/С54 (ТТ2) от 29 августа 2016 года Департамента следственной полиции Министерства общественной безопасности Вьетнам «О выводах заключения эксперта по наркотикам и извлечении образцов наркотиков и отправке их на экспертизу» [2]. При этом, вес наркотических веществ и прекурсорных веществ, направленных на экспертизу в твердом виде, рассчитывается по произведению веса образца и его содержания. А вес наркотических веществ и прекурсорных веществ, направленных на экспертизу в жидкой форме, рассчитывается по произведению объема образца и концентрации.

На основании выявления веса наркотических веществ, компетентные следственные органы принимают решение о возбуждении уголовных дел и привлечении обвиняемых.

Список литературы

1. Закона № 13/VBHN-VPQH от 23 июля 2013 года «О профилактике наркомании и борьбе с наркотиками».
2. Официальная рассылка № 1075/С54 (ТТ2) от 29 августа 2016 года Департамента следственной полиции Министерства общественной безопасности Вьетнам «О выводах заключения эксперта по наркотикам и извлечении образцов наркотиков и отправке их на экспертизу».
3. Постановление правительства № 54/2017/НД-СР от 8 мая 2017 года.
4. Распоряжение № 20/2017/ТТ-ВУТ от 10 мая 2017 года Министерства здравоохранения.
5. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 года № 100/2015/QH13.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 года № 101/2015/QH13.

ON THE ROLE OF EXTRAPOLATION IN THE IMPLEMENTATION
OF HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH IN THE RUSSIAN FEDERATION

О РОЛИ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИСТОРИКО-
ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Vasilii Nikolaevich Galuzo,

PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science vgrmn@yandex.ru

Василий Николаевич Галузо,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки
vgrmn@yandex.ru

Для цитирования: В.Н. Галузо. О роли экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации. // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С.13-16.

Annotation. In the article on the basis of the analysis of legal literature and legislation on extrapolation as a method of scientific knowledge, and its application in the implementation of historical and legal research, several judgments are substantiated: the purpose of philosophy in the development of methods of cognition, which features should be used in different branches of science, including both in historical and in law; in jurisprudence extrapolation will establish the development of specific legal institutions and their original purpose; this extrapolation allows to establish the legal institution of power of attorney: to ensure uniform implementation of legislation by the representatives of the office of the Prosecutor; that extrapolation allows to establish the essence of the legal institution of combating crime: the exclusive duty of the representatives of authorized positions, currently consisting of separate law enforcement agencies (especially the interior); it is extrapolation, confirming the essence of exclusive personal responsibility of representatives of positions that will eliminate corruption-generating loopholes in the current law enforcement personnel (especially employees of internal Affairs bodies).

Keywords: Russian Federation, legislation, Constitution of the Russian Federation, philosophy, law, history, historical and legal research, method of scientific knowledge, extrapolation, position, state body

Аннотация. В статье на основе анализа юридической литературы и законодательства об экстраполяции, как методе научного познания, и его применении при осуществлении историко-правовых исследований, обосновано несколько суждений: предназначение философии - в разработке методов познания, которые с учетом особенностей должны использоваться в разных отраслях науки, в том числе и в исторической, и в юридической; в юридической науке экстраполяция позволит установить развитие конкретных правовых институтов и их первоначальное предназначение; именно экстраполяция позволяет установить суть правового института власти прокурора: обеспечение единообразного исполнения законодательства представителями должности прокурора; именно экстраполяция позволяет установить суть правового института противодействия преступности: исключительная обязанность представителей управомоченных должностей, ныне состоящих в отдельных правоохранительных органах (в особенности, органы внутренних дел); именно экстраполяция, подтверждающая суть исключительной персональной ответственности представителей должностей, позволит устранить коррупциогенность в деятельности нынешних сотрудников правоохранительных органов (в особенности, сотрудников органов внутренних дел).

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, Конституция РФ, философия, право, история, историко-правовое исследование, метод научного познания, экстраполяция, должность, государственный орган

Предметом данной статьи является экстраполяция, как метод научного познания¹, и обоснование его применения при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации².

Экстраполяция применяется в качестве метода научного исследования в разных отраслях

науки.

Так, П.В. Терелянский применил экстраполяцию при исследовании закономерностей в экономической науке³.

В монографии Н.Л. Поповой, посвященной «анализу одного из логико-методологических средств современного научного познания –

приема экстраполяции», является актуальным следующее обобщающее суждение: «Значение исследований различных логико-методологических средств современной науки, в том числе экстраполяции как гносеологической процедуры, служит развитию одной из прогрессивных тенденций в современном научном познании – методологическому синтезу знаний, связанному с выявлением общей характеристики научного познания нашей эпохи в целом и внутринаучному механизму синтеза различных дисциплин ... Эти исследования в дальнейшем будут способствовать созданию общей методологии науки, представляющей собой аккумуляцию опыта творческой человеческой деятельности, человеческого познания, вычленению основных, исторически обусловленных тенденций в познании и обобщении опыта формирования научных открытий»⁴.

Представляются актуальными и обобщающие суждения группы авторов – единомышленников (В.А. Андрусенко, Д.В. Пивоваров и А.С. Алексеев): «Научная экстраполяция как метод осознанного переноса знания об исследованных объектах, а также перенос соответствующих практических или теоретических действий с ними на новые предметные области выступает весьма важным и эффективным средством практически во всех областях научного познания»; «Требование правильности научной экстраполяции в строгом смысле, следовательно, предполагает: во-первых, проблемно-теоретические осмысление оправданности распространения начального знания на более широкий круг явлений; во-вторых, необходимость включения первоначально сформулированной закономерности в сферу эмпирического исследования и в теоретический мир с последующей проекцией ее символизированной модели на научную картину мира; в-третьих, реальную возможность расширить вследствие этого исходную эмпирическую базу посредством мысленного конструирования схем будущих практических экспериментальных ситуаций»; «Научная экстраполяция – не абсолютно универсальный метод научного поиска.

Он обладает своей спецификой и успешность его применения предполагает его тесную согласованность с прочими научными исследовательскими процедурами»; «... метод научной экстраполяции является достаточно эффективным, подлинно научным и практически оправданным методом научного познания, требующим к себе пристального внимания методологов и дальней-

шего изучения»⁵.

Нами проводилось исследование законодательства, систематизированного в Российской Империи в первой половине XIX в.⁶, что позволило нам отказаться от многих «мифов» социально-экономической жизни предшествующих эпох.

Укажем лишь на некоторые из них.

В первую очередь мы обратили внимание на существование в Российской Империи именно «должностей», представители которых осуществляли те или иные полномочия от имени государства.

Так, представители «должности прокурора» осуществляли надзор⁷. Именно данное обстоятельство обосновывалось нами в качестве заимствования положений о надзоре за исполнением законодательства представителями реанимируемой должности прокурора посредством экстраполяции в действующее законодательство Российской Федерации⁸. Однако в теории предлагалось «квазиэкстраполяция», когда обосновывалось суждение о том, что в Российской Империи уже существовали государственные органы, в том числе и прокуратура.

Исследование законодательства Российской Империи позволило нам обнаружить закономерность превращения должности в государственный орган⁹.

В этой связи представляются небезосновательными суждения И.Н. Сурманидзе («Таким образом, существенными признаками, позволяющими выделить из всего состава государственных служащих должностных лиц, являются следующие:

- указанные служащие наделены как властными полномочиями по отношению к иным государственным служащим по организации деятельности аппарата государственного органа (т.е. полномочиями по решению вопросов должностного продвижения государственных служащих, присвоения им классовых чинов, воинских и специальных званий, применения поощрительных и дисциплинарных санкций и т.д.), так и властными полномочиями в отношении физических и юридических лиц, не находящихся в служебной зависимости от них (т.е. полномочиями по подписанию индивидуальных или нормативных правовых актов, по принуждению, применению мер наказания и т.д.);

- могут управлять и распоряжаться денежными и иными материальными фондами государственного органа, принимать соответствующие

юридически значимые решения в отношении государственного имущества, а также совершать иные действия в отношении указанных объектов»¹⁰.

Также необходимо иметь в виду и именно противодействие преступности представителями отдельных должностей, что является актуальным и для Российской Федерации¹¹.

Теперь о некоторых нормативных правовых актах Российской Федерации, тем или иным образом относящимся к экстраполяции.

Так, в Уголовном кодексе РФ от 24 мая 1996 г.¹² (введен в действие с 1 января 1997 г.¹³) в частности, обнаруживаем несколько статей именно о должностях: ст. 44 («Видами наказаний являются: ... б) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью»); ст. 47 «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью»¹⁴.

Предметом регулирования Федерального закона РФ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 23 ноября 2012 г.¹⁵ являются «правовые и организационные основы осуществления контроля за соответствием расходов лица, замещающего государственную должность (иного лица), расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей доходу данного лица и его супруги (супруга) в случаях и порядке, установленных настоящим Федеральным законом ..., а также определяет категории лиц, в отношении которых осуществляется контроль за расходами, порядок осуществления контроля за расходами и механизм обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы» (ст. 1).

В преамбуле Федерального закона РФ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 22 марта 1995 г.¹⁶ закреплено следующее положение: «В целях обеспечения государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, отдельных категорий военнослужащих, сотрудников органов государственной охраны, осуществляющих функции, выполнение которых может быть сопряжено с посягательствами на их безопасность, а также создания надлежащих условий для отправления правосудия, борьбы с преступлениями и другими правонарушениями настоя-

щий Федеральный закон устанавливает систему мер государственной защиты жизни, здоровья и имущества указанных лиц и их близких».

В постановлении СНД РФ «Об утверждении результатов тайного голосования по вопросу об отрешении от должности Президента Российской Федерации» № 4681-1 от 28 марта 1993 г.¹⁷ фактически речь идет о новом для Российской Федерации правовом институте - «отрешение от должности»¹⁸.

Таким образом, применение экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований позволит обеспечить объективность таковых и особенно для государств с многовековой историей, каковым является Россия.

Изложенное также позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, предназначение философии - в разработке методов познания, которые с учетом особенностей должны использоваться в разных отраслях науки, в том числе и в исторической, и в юридической.

Во-вторых, в юридической науке экстраполяция позволит установить развитие конкретных правовых институтов и их первоначальное предназначение.

В-третьих, именно экстраполяция позволяет установить суть правового института власти прокурора: обеспечение единообразного исполнения законодательства представителями должности прокурора.

В-четвертых, именно экстраполяция позволяет установить суть правового института противодействия преступности: исключительная обязанность представителей управомоченных должностей, ныне состоящих в отдельных правоохранительных органах (в особенности, органы внутренних дел).

В-пятых, именно экстраполяция, подтверждающая суть исключительной персональной ответственности представителей должностей, позволит устранить коррупциогенность в деятельности нынешних сотрудников правоохранительных органов (в особенности, сотрудников органов внутренних дел).

¹На данное предназначение экстраполяции уже обращают внимание некоторые ученые, в том числе и мы (см. об этом, например: Макарычев С.П. Экстраполяция как метод познания: Автореферат дисс. ...

- канд. философских наук. Горький, 1967; Попова Н.Л. Экстраполяция как средство современного научного познания: Автореферат дисс. ... канд. философских наук. Львов, 1980; Селиванова Н.И. Экстраполяция в структуре развивающегося знания: Автореферат дисс. ... докт. философских наук. М., 1993; Яровой А.В. Экстраполяция в социальном познании (философский анализ): Автореферат дисс. ... канд. философских наук. Тверь, 2011; Галузо В.Н. О допустимости использования метода экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации // *Право и жизнь*. 2015. № 8. С. 155-181.
- ²Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // *Вестник Московского университета МВД России*. 2010. № 5. С. 119-123).
- ³Терелянский П.В. Прогнозирование зависимости «цена – качество» на основе экстраполяции экспертных оценок // *Экономический анализ: теория и практика*. 2009. № 9.
- ⁴Попова Н.Л. Экстраполяция как средство научного познания и интегративный фактор в науке: Монография. Киев: Наукова думка, 1985. С. 2, 106-110.
- ⁵См.: Андрусенко В.А., Пивоваров Д.В., Алексеев А.С. Экстраполяция в научном познании (специфика и проблема правильности): Монография. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1986. С. 114-118.
- ⁶Подробнее об этом см., например: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в России (1649-1913): Учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007; он же: Систематизация законодательства в России (историко-правовое исследование): Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2009.
- ⁷Подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Власть прокурора в России (историко-правовое исследование): Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2008; он же: Должность прокурора в России (1825-1917) (историко-правовое исследование). Часть II. Действенность права: Монография. М.: Изд-во СГУ, 2011.
- ⁸Подробнее об этом см.: Галузо В.Н. От надзора представителей «должности прокурора» в Российской Империи к многофункциональной деятельности прокуратуры в Российской Федерации // *Закон и право*. 2011. № 10. С. 43-44.
- ⁹Галузо В.Н. «Присутственное место» или «государственный орган»: допустимо ли отождествление? // *Вестник Московского университета МВД России*. 2011. № 6. С. 77-79.
- ¹⁰Сурманидзе И.Н. Должности и должностные лица государственной службы // *Административное право и процесс*. 2009. № 1.
- ¹¹Подробнее об этом см., например: Галузо В.Н. Борьба с преступностью в России: состояние и перспективы развития // *Закон и право*. 2008. № 7. С. 35-36.
- ¹²См.: СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; ...; РГ. 2019. 4 декабря.
- ¹³См.: О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 24.05.1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955.
- ¹⁴В юридической литературе уже имеются публикации относительно данного правового института (см., например: Колоколов Н.А. Временное отстранение от должности: алгоритм процессуального действия (ст. 114 УПК РФ) // *Российский следователь*. 2011. № 7. С. 9–12; Баландюк О.В. Временное отстранение от должности: вопросы исполнения в уголовном процессе // *Российский следователь*. 2016. № 16. С. 10 – 13).
- ¹⁵См.: СЗ РФ. 2012. № 50 (часть IV). Ст. 6953.
- ¹⁶См.: СЗ РФ. 1995 № 17. Ст. 1455.
- ¹⁷См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 14. Ст. 498.
- ¹⁸В юридической литературе уже имеется публикации относительно данного правового института (см., например: Громов В.Г. Институт отрешения от должности в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации // *Современное право*. 2016. N 10. С. 32 – 38; Распопин М. Отрешение от должности главы муниципального образования // *Законность*. 2007. № 10; Зыкова Н.С. Отрешение от должности Президента РФ и участие в этой процедуре Конституционного Суда РФ // *Конституционное и муниципальное право*. 2006. № 11).

IS IT PERMISSIBLE TO REFORM THE CRIMINAL LAW WITHOUT
THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION?

ДОПУСТИМО ЛИ РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
БЕЗ УЧЕТА КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

Nodari Darchoevich Eriashvili,

doctor of Economics, candidate of juridical Sciences, candidate of historical Sciences, laureate of RF Government prize in science and technology

Vasilii Nikolaevich Galuzo,

PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science

Нодари Дарчоевич Эриашвили,

доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники
professor60@mail.ru

Василий Николаевич Галузо,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки
vgrmn@yandex.ru

Для цитирования: В.Н. Галузо, Н.Д. Эриашвили. Допустимо ли реформирование уголовного законодательства без учета Конституции Российской Федерации? // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С.17-21.

Annotation. In the article on the basis of the analysis of legal literature and legislation on the laws of criminal law reform in the Russian Federation, several judgments are made: the criminal legislation of the Russian Federation is a set of normative legal acts with different legal force, containing criminal law norms on crimes and criminal liability; the normative legal act, specially designed to regulate relations involving crimes, is the criminal code of the Russian Federation; in the system of normative legal acts of the Russian Federation, the Criminal code of the Russian Federation takes the place of the Federal law of the Russian Federation; all other Federal laws of the Russian Federation and subordinate normative legal acts, containing criminal law norms, cannot contradict the Criminal code of the Russian Federation; modifications of the Criminal code of the Russian Federation through numerous amendments and additions encourage the adoption in the Russian Federation of the second Criminal code of the Russian Federation.

Keywords: Russian Federation, legislation, criminal legislation, normative legal act, Constitution of the Russian Federation, Federal law of the Russian Federation, criminal code of the Russian Federation, subordinate normative legal act, crime

Аннотация. В статье на основе анализа юридической литературы и законодательства относительно закономерностей реформирования уголовного законодательства в Российской Федерации высказано несколько суждений: уголовное законодательство Российской Федерации представляет совокупность нормативных правовых актов с разной юридической силой, содержащих уголовно-правовые нормы о преступлениях и об уголовной ответственности; нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования отношений, сопряженных с преступлениями, является Уголовный кодекс Российской Федерации; в системе нормативных правовых актов Российской Федерации Уголовный кодекс Российской Федерации занимает место федерального закона Российской Федерации; все иные федеральные законы Российской Федерации и подзаконные нормативные правовые акты, содержащие уголовно-правовые нормы, не могут вступать в противоречие Уголовному кодексу Российской Федерации; видоизменения Уголовного кодекса Российской Федерации посредством внесения многочисленных изменений и дополнений побуждают к принятию в Российской Федерации второго по счету Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, уголовное законодательство, нормативный правовой акт, Конституция Российской Федерации, федеральный закон РФ, Уголовный кодекс Российской Федерации, подзаконный нормативный правовой акт, преступление

Предметом данной статьи является уголовное законодательство¹ и процесс его реформирования.

Первоначально о состоянии теории.
Так, А.В. Елинский на основе анализа «правовых позиций Конституционного Суда РФ, в

которых на основании положений Конституции РФ были сформулированы основополагающие требования, предъявляемые к качеству уголовного закона» сформулировал обобщающий вывод: «Таким образом, основополагающими конституционно обусловленными требованиями, предъявляемыми к уголовному закону, являются: недопустимость произвольности уголовно-правовой нормы; справедливость, соразмерность и индивидуализация (дифференциация) уголовной ответственности и наказания; формальная определенность уголовно-правовой нормы»².

Названному автору удалось определить «направления конституционализации российского уголовного законодательства с точки зрения разработки проекта нового Уголовного кодекса» (всего восемь) («Перечисленные направления конституционализации отечественного уголовного законодательства, разумеется, не следует оценивать как исчерпывающие.

Целый ряд аспектов частного характера, которые хотя традиционно и анализируются в рамках лишь узко отраслевого подхода к уголовному праву, тем не менее могут иметь конституционно-правовую значимость. Здесь следует отметить проблемы квалификации по совокупности преступлений в случаях, когда одно и то же деяние образует и отдельное преступление, и квалифицирующий признак другого преступления; дискуссии о том, следует ли определять категорию преступления исходя из санкции, предусмотренной за данное преступление нормой особенной части уголовного закона, либо исходя из срока или размера наказания, фактически назначаемого виновному лицу приговором суда; вопрос о том, не будет ли противоречить Конституции РФ установление наказания в виде пожизненного лишения свободы без права досрочного освобождения, и если да, то в каких случаях; вопрос о допустимых пределах позитивной дискриминации в контексте регламентации назначения видов наказаний (см., например, ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ) и др.

Эти и многие другие проблемы не могут быть разрешены без обращения к принципам и гарантиям, закрепленным в российской Конституции, положениям международно-правовых актов и прецедентам Европейского суда по правам человека»³.

О.В. Бондаренко «в процессе исследования пришел к выводу о том, что эффективность борьбы с преступностью во многом зависит от качественного уголовного закона и его грамотного

толкования» («На наш взгляд, ВС мог бы развить правовые позиции КС и по другим проблемным позициям УК, например по поводу толкования принципа *non bis in idem* (применительно к институтам судимости, множественности преступлений и дополнительных наказаний, практике возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам, пересмотру приговоров в кассационной и надзорной инстанциях, направлению дел на новое судебное рассмотрение, отмены условного осуждения и условно-досрочного освобождения от наказания).

И вообще назрело время для проведения совместного заседания пленарных присутствий Конституционного и Верховного Судов России, посвященного обеспечению конституционности норм по борьбе с преступностью. Для этого есть и достойный повод - 20-летие Основного Закона страны, и достойные причины (накопленный проверочный опыт КС, наличие профильного постановления Пленума ВС по вопросам применения норм Конституции судами общей юрисдикции»⁴.

И.А. Петиным «с точки зрения последовательного диалектического подхода к преступлению как социальному явлению и правовому феномену в рамках причинно-следственных связей и конституционных норм о человеке как высшей ценности» предпринята попытка «определить направление достижения целей уголовного наказания и задач соответствующего законодательства с помощью новой редакции ряда статей Общей части Уголовного кодекса РФ» («В целом можно сказать, что любое внешнее поведение индивида зависит от качества получаемой и воспринимаемой им информации о внешнем мире, сущности жизненных ситуаций и моделях поведения в них.

В связи с этим на первое место по эффективности выходит информационный уровень воздействия на субъекта. При этом совершенное преступление превращается в индикатор фактического состояния общества, который вместо моральных и эмоциональных «сотрясений воздуха» необходимо использовать в качестве отрицательной обратной связи для выявления причин и условий преступлений с последующим планомерным их устранением.

Для создания новой концептуальной модели уголовного кодекса, а равно для достижения целей уголовного наказания и задач соответствующего законодательства, предлагается внести следующие изменения в уголовное законодательство»⁵.

Неопределенно суждение правоприменителя Д.В. Гурина: «Разнообразие типов территориального устройства государств и существование различных подходов к разграничению властных полномочий между государственным центром и регионами открывают принципиальную возможность децентрализации уголовно-правового ресурса путем более или менее активного вовлечения в процесс реализации права государства на уголовное наказание региональных властей, вводят дополнительное, «вертикальное» измерение в схему распределения карательной власти внутри государства.

Весьма актуальными соответствующие вопросы являются и для Российской Федерации, в связи с чем в статье предпринимается попытка оценить необходимость и возможные пути активного вовлечения субъектов в процессы уголовно-правового регулирования» («Подводя итог вышеизложенному, следует вновь констатировать, что проблема территориального распределения права государства на уголовное наказание между центром и регионами и поиска соответствующего баланса между уголовно-правовыми властными компетенциями внутри государства далеко не сводится к вопросу о самостоятельном уголовном законодательстве субъектов и в принципе не замыкается сама на себе.

От ее решения, от того, будут ли при отправлении государством права на уголовное наказание надлежащим образом учтены социальные, политические и в первую очередь культурные региональные особенности - как в плане уголовно-правовой «поддержки» тех или иных институтов и обычных норм, так и в рамках усиления ответственности в связи с проявлениями обычаев и традиций, идущих вразрез с конституционными ценностями, напрямую зависит уровень региональной (локальной) легитимации уголовного права»⁶.

Противоречивые суждения ученых и практиков во многом предопределяют и несовершенство уголовного законодательства Российской Федерации⁷.

В первую очередь обращаем внимание на Конституцию Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.⁸, в которой использованы термины «уголовное законодательство» и «уголовная ответственность»: ст. 71 (п. «о») («В ведении Российской Федерации находятся: ... о) судостроительство; прокуратура; уголовное и уголовно-исполнительное законодательство; амнистия и помилование; гражданское законодательство;

процессуальное законодательство; правовое регулирование интеллектуальной собственности ...»; ст. 122 (ч. 2) («2. Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в порядке, определяемом федеральным законом»).

Положения Конституции РФ об уголовном законодательстве реализовано в нормативном правовом акте, по юридической силе приравненном к федеральному закону РФ⁹: в Уголовном кодексе РФ (УК РФ) от 24 мая 1996 г.¹⁰, введенном в действие с 1 января 1997 г.¹¹.

В названном нормативном правовом акте фактически отождествлены термины «уголовное законодательство» и «уголовный закон» («1. Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс. 2. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права» - ст. 1; «2. Применение уголовного закона по аналогии не допускается» - ч. 2 ст. 3; «1. Преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния. 2. Временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий» - ст. 9; «1. Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет. 2. Если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом» - ст. 10).

Термин «уголовный закон» употребляется и в иных федеральных законах РФ¹².

Термин «уголовный закон» употребляется и в подзаконных нормативных правовых актах. В частности, таковой обнаруживаем в постановлении Правительства РФ «О мерах по оказанию содействия избирательным комиссиям в реали-

зации их полномочий при подготовке и проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва» № 315 от 16 апреля 2016 г.¹³.

Термин «уголовный закон» использован и в решениях государственных судебных органов: в постановлении Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в связи с жалобами граждан А.И. Залютдинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Чердняк» № 23-П от 14 июня 2018 г.¹⁴; в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» № 1 от 1 февраля 2011 г.¹⁵; в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» № 51 от 19 декабря 2017 г.¹⁶.

Таким образом, реформирование уголовного законодательства должно проводиться на основе Конституции РФ. Изменения в Уголовный кодекс РФ, как нормативный правовой акт, специально предназначенный для регулирования отношений, сопряженных с преступлениями, могут вноситься посредством принятия исключительно федеральных законов РФ. Иначе неизбежны нарушения правил комплексного правоприменения (коллизия).

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, уголовное законодательство Российской Федерации представляет совокупность нормативных правовых актов с разной юридической силой, содержащих уголовно-правовые нор-

мы о преступлениях и об уголовной ответственности.

Во-вторых, нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования отношений, сопряженных с преступлениями, является Уголовный кодекс Российской Федерации.

В-третьих, в системе нормативных правовых актов Российской Федерации Уголовный кодекс Российской Федерации занимает место федерального закона Российской Федерации.

В-четвертых, все иные федеральные законы Российской Федерации и подзаконные нормативные правовые акты, содержащие уголовно-правовые нормы, не могут вступать в противоречие Уголовному кодексу Российской Федерации.

В-пятых, видоизменения Уголовного кодекса Российской Федерации посредством внесения многочисленных изменений и дополнений побуждают к принятию в Российской Федерации второго по счету Уголовного кодекса Российской Федерации.

¹Нами уже рассматривались отдельные аспекты непосредственно уголовного законодательства (см., например: Галузо В.Н. О системе уголовного законодательства в Российской Федерации / Конвенционные начала в уголовном праве: Международная научно-практическая конференция 22 ноября 2013 года / Отв. ред. Б.В. Яценко. М.: РПА Минюста России, 2014. С. 99-104; он же: «Уголовный закон» или «уголовное законодательство» в Российской Федерации: проблема соотношения терминов / Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: Сборник материалов международной научно-практической конференции, 23 мая 2014 г. / Науч. ред. С.Л. Никонович. Тамбов-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2014. С. 74-78 Галузо В.Н., Никонович С.Л. Уголовное законодательство в системе законодательства Российской Федерации / Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Волгоград, 14-15 мая 2015 г. / Отв. ред. В.И. Третьяков. Краснослободск (Волгоградская область): ИП Головченко Е.А., 2015. С. 117-123).

²Елинский А.В. Конституционно обусловленные

требования, предъявляемые к уголовному закону (практика Конституционного Суда России) // Российская юстиция. 2011. № 5. С. 8-12.

³См.: Елинский А.В. Некоторые направления конституционализации российского уголовного законодательства с точки зрения разработки проекта нового Уголовного кодекса // Юридический мир. 2012. № 4. С. 35-37.

⁴Бондаренко О.В. Развитие правовых позиций Конституционного Суда РФ в актах толкования уголовного закона Верховным Судом РФ // Российский судья. 2013. № 11. С. 32-36.

⁵Петин И.А. Конституционная направленность целей наказания и задач уголовного законодательства // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 17-20.

⁶Гурин Д.В. Децентрализация уголовного законодательства: pro и contra // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 3. С. 92-105.

⁷Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

⁸См.: СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? //

Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102.

⁹О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30.

¹⁰См.: СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; ...; 2018. № 47. Ст. 7141.

¹¹См.: О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 24.05.1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955.

¹²См., например: О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: ФЗ РФ от 21.04.2010 г. // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144; ...; 2016. № 52 (часть V). Ст. 7499. Здесь же обращаем внимание и на неопределенность названия структурных элементов отдельных статей ФЗ РФ от 21.04.2010 г. Предложение АО «КонсультантПлюс» о выделении частей и пунктов представляется необоснованным (ввиду отсутствия соответствующих отсылочных норм в статьях ФЗ РФ от 21.04.2010 г.).

¹³См.: СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2411.

¹⁴См.: СЗ РФ. 2018. № 26. Ст. 3932.

¹⁵См.: РГ. 2011. 11 февраля.

¹⁶См.: РГ. 2017. 29 декабря.

**ABOUT THE PURPOSE OF EXPERT RESEARCH IN
CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA
(HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)**

**О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Pavel Mikhailovich Murashev,
legal expert, Director of "Scientific-consulting expertise center»

Nodari Darchoevich Eriashvili,
doctor of Economics, candidate of juridical Sciences, candidate of historical Sciences, laureate
of RF Government prize in science and technology

Павел Михайлович Мурашев,
судебный эксперт, директор ООО «Научно-консультационный экспертный центр»

Нодари Дарчоевич Эриашвили,
доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники
professor60@mail.ru

Для цитирования: П.М. Мурашев, Н.Д. Эриашвили. О предназначении экспертных исследований в уголовном процессе России (историко-правовой аспект) // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 22-24.

Annotation In the article based on the analysis of legal literature and legislation on the purpose of expertise in the criminal process of Russia several judgments are made: normative legal acts in the Soviet Russia (1917) is not systematic, in some of them (in Department regulations) regulated expert studies; criminal procedural law in Soviet Russia were codified and presented in the form of the RSFSR code of criminal procedure; expert status, as a subject of the criminal process was first established in the code of criminal procedure.

Keywords: state, Soviet Russia, Russian socialist Federative Soviet Republic, Union of Soviet Socialist Republics, Russian Soviet Federative socialist Republic, legislation, normative legal act, doctrine of priority of state interests over the interests of society and the individual, expert research, expertise, expert

Аннотация. В статье на основе анализа юридической литературы и законодательства о предназначении экспертиз в уголовном процессе России высказано несколько суждений: нормативные правовые акты в Советской России (с 1917 г.) не систематизированы, в отдельных из них (в ведомственных актах) регулировались экспертные исследования; уголовно-процессуальное законодательство в Советской России кодифицировалось и представлялось в виде УПК РСФСР; статус эксперта, как субъекта уголовного процесса впервые закреплялся в УПК РФ.

Ключевые слова: государство, Советская Россия, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, Союз Советских Социалистических Республик, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, законодательство, нормативный правовой акт, доктрина приоритета интересов государства над интересами общества и личности, экспертное исследование, экспертиза, эксперт

Предметом данной статьи является предназначение экспертных исследований в уголовном процессе России (с 1917 г.).

Первоначально о состоянии теории.

Так, В.М. Плескачевским рассматривались «процессуальные вопросы назначения и проведения судебно-баллистической экспертизы с применением исследования на месте

происшествия, а также методические основания использования следователем и судом результатов такой экспертизы»¹.

Г.А. Корниловым и Т.З. Имаковым предложена «типология экстремистских проявлений»².

Авторы – единомышленники (С.М. Колотушкин, А.А. Сафонов и И.А. Варченко) рас-

смотрели «основы деятельности сотрудников правоохранительных органов при различных ситуациях: получение информации об угрозе взрыва, обнаружении взрывного устройства, тактических особенностях осмотра места взрыва, особенностях назначения и производства соответствующих ситуациям экспертных исследований»³.

Г.П. Шамаев исследование посвятил «проблемам производства экспертных исследований по установлению причин пожара в автомобилях»⁴.

С.А. Смотров обосновал следующее суждение: «В практике экспертно-криминалистического сопровождения расследования и раскрытия уголовных дел более актуальным вопросом при производстве диагностических судебно-трасологических экспертиз по следам обуви является вопрос об установлении по следу внешнего вида рельефного рисунка подошвы обуви, оставившей его, и вероятно верху обуви. Постановкой данного вопроса, по нашему мнению, и следует заменить ставящийся на разрешение экспертов вопрос о пригодности следа подошвы обуви для идентификации»⁵.

Ю.Г. Плесовских предложены «правовые, теоретические, методологические и информационные основы производства «судебно-экспертных исследований»⁶.

В советском законодательстве⁷ также регулировались производство судебных экспертиз, в том числе и в уголовном процессе.

В Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, предложенном Народным Комиссариатом Юстиции с поправками, внесенными в него Сессией, принятым и введенным в действие с 1-го июля 1922 г.⁸, имелись положения об экспертных исследованиях: «Доказательствами являются показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого» - ст. 62; «Свидетели и эксперты допрашиваются на месте производства следствия, для чего вызываются к следователю.

Вызов производится порядком, указанным в ст. 133 Проц. Кодекса» - ст. 165; «При вызове экспертов число их определяет следователь. В случае требования обвиняемого следователь помимо избранных им экспертов может вызвать и эксперта, указанного обвиняемым; отказ в таком вызове может после-

довать, если следователь признает, что вызов указанного эксперта невозможен, или же грозит затянуть предварительное следствие» - ст. 172; «Перед допросом экспертов следователь удостоверяется в их самоличности и предупреждает о необходимости давать заключение, строго согласное с обстоятельствами дела и данными тех специальных знаний для которых вызван эксперт; при этом следователь предупреждает об ответственности за отказ от дачи заключения и за дачу ложного заключения» - ст. 173.

Аналогичные положения закреплялись и в УПК РСФСР от 15 февраля 1923 г.⁹.

В УПК РСФСР, введенном в действие с 1 января 1961 г., в ст. 67 закреплялись обстоятельства для отвода эксперта: «Эксперт не может принимать участия в производстве по делу:

1) при наличии оснований, предусмотренных статьей 59 настоящего Кодекса; предыдущее его участие в деле в качестве эксперта не является основанием для отвода;

2) если он находился или находится в служебной или иной зависимости от обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика;

3) если он производил по данному делу ревизию, материалы которой послужили основанием к возбуждению уголовного дела;

3а) если он участвовал в деле в качестве специалиста, за исключением случая участия врача - специалиста в области судебной медицины, в наружном осмотре трупа;

4) в случае, когда обнаружится его некомпетентность».

С 1 июля 2002 г. в Российской Федерации действует Уголовно-процессуальный кодекс РФ¹⁰.

В УПК РФ отдельная статья впервые посвящалась эксперту: «1. Эксперт - лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. 2. Вызов эксперта, назначение и производство судебной экспертизы осуществляются в порядке, установленном статьями 195 - 207, 269, 282 и 283 настоящего Кодекса. 3. Эксперт вправе:

1) знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;

2) ходатайствовать о предоставлении ему

дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;

3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;

4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;

5) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права;

6) отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения.

Отказ от дачи заключения должен быть заявлен экспертом в письменном виде с изложением мотивов отказа. 4. Эксперт не вправе:

- без ведома дознавателя, следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;

- самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования;

- проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств;

- давать заведомо ложное заключение;

- разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса;

- уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд. 5. За дачу заведомо ложного заключения эксперт несет ответственность в соответствии со статьей 307

Уголовного кодекса Российской Федерации. 6. За разглашение данных предварительного расследования эксперт несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» – ст. 57.

Таким образом, историко-правовые исследования экспертиз в уголовном процессе России необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, нормативные правовые акты в Советской России (с 1917 г.) не систематизированы, в отдельных из них (в ведомственных актах) регулировались экспертные исследования.

Во-вторых, уголовно-процессуальное законодательство в Советской России кодифицировалось и представлялось в виде УПК РСФСР.

В-третьих, статус эксперта, как субъекта уголовного процесса впервые закреплялся в УПК РФ.

¹Плескачевский В.М. Судебно-баллистические экспертные исследования на месте происшествия: Автореферат дисс. канд. юрид. наук. М., 1970. С. 5.

²См.: Корнилов Г.А., Имаков Т.З. Экспертные исследования и судебные экспертизы в теории и практике выявления и раскрытия преступлений экстремисткой направленности: Научно-практическое пособие. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2014. С. 2.

³См.: Колотушкин, Сафонов А.А. Варченко И.А. Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных со взрывом. Часть 2. Новороссийск, 2018. С. 5.

⁴Шамаев Г.П. Экспертные исследования по установлению причин и обстоятельств возникновения пожаров в автомобилях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 59 - 62.

⁵Смотров С.А. Экспертное исследование следов обуви в целях определения их пригодности для идентификации // Эксперт-криминалист. 2006. № 2.

⁶Плесовских Ю.Г. Судебно-экспертное исследование: правовые, теоретические, методологические и информационные основы производства. Монография. М.: Юрист, 2008.

⁷О содержании советского законодательства подробнее см.: Галузо В.Н. Институт власти прокуратуры в советской России (1917—1991). Часть III. Забвение права: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020.

⁸См.: СУ РСФСР. 1922. №№ 20 – 21. Ст. 230.

⁹См.: СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

¹⁰См.: СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

THE CAUSAL FACTOR COMPLEX OF MISCONDUCT IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: WAYS TO SOLVE THE PROBLEM

ПРИЧИННО-ФАКТОРНЫЙ КОМПЛЕКС ПРАВОНАРУШЕНИЙ ЗАКОННОСТИ СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Mirzo Sangimurod Sharifzoda,

Adjunct Academy of Management, Ministry of Internal Affairs of Russia, police colonel
Sharifzoda.mirzo@mail.ru

Мирзо Сангимурод Шарифзода,

Адъюнкт Академия управления МВД России, полковник милиции

Научная специальность: 12.00.11-судебная деятельность, прокурорская, правозащитная и правоохранительная деятельность

Для цитирования: М.С. Шарифзода. Причинно-факторный комплекс правонарушений законности служебной дисциплины в органах внутренних дел Республики Таджикистан: проблемы и пути решения // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 25-28.

Annotation. The article discusses some of the causes and factors of violations of law and official discipline in the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan; effective measures are given to overcome and reduce the manifestations of professional deformation of employees, mental and physical overload in the performance of official duties; disciplinary action is being considered.

Keywords: legality, official discipline, employee of internal affairs bodies, professional deformation, disciplinary charter, disciplinary sanction

Аннотация. В статье рассматривается ряд причин и факторов нарушений законности и служебной дисциплины в органах внутренних дел Республики Таджикистан; предлагаются эффективные меры по преодолению и снижению проявлений профессиональной деформации сотрудников, связанных в том числе и с психическими, а также физическими перегрузками при исполнении служебных обязанностей; рассматривается практика применения мер дисциплинарного воздействия.

Ключевые слова: законность, служебная дисциплина, сотрудник органов внутренних дел, профессиональная деформация, дисциплинарный устав, дисциплинарное взыскание, причинно-факторный комплекс правонарушений, органы внутренних дел Республики Таджикистан

На всех исторических этапах государственного развития органы внутренних дел Республики Таджикистан всегда занимали значительное место в системе органов государственной власти, оказывая соответствующее влияние на общественно-политическую ситуацию в государстве и в области борьбы с преступностью.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан отметил основные направления укрепления законности и служебной дисциплины в органах внутренних дел, подчёркивая, что стабильный прогресс в государстве и обществе прежде всего строится на обеспечении безопасности, верховенстве закона, укреплении общественного правопорядка, соблюдении прав и свобод

граждан¹.

Реформирование МВД Республики Таджикистан и его территориальных органов, совершенствование системы гарантий прав и основных свобод граждан, приводит к повышенному вниманию государства и общества к вопросам правового статуса сотрудников органов внутренних дел, в том числе – к повышенным требованиям по соблюдению законности и служебной дисциплины личным составом.

Вместе с тем, несмотря на принимаемые профилактические меры, на сегодняшний день прослеживается тенденция повышения нарушений законности и служебной дисциплины в органах внутренних дел. Проведённое исследование (2019 г.) показывает, что 93% данных нарушений, допущенных со-

трудниками органов внутренних дел, носит корыстный характер.

Отметим, что нарушения законности и служебной дисциплины сотрудниками органов внутренних дел вызывают общественный резонанс и критику в адрес МВД Республики Таджикистан со стороны общественности в целом, что способствует формированию негативного отношения граждан к органам правопорядка. Представляется возможным выделить ряд факторов, носящих «объективно-субъективный» характер, оказывающих отрицательное влияние на состояние законности и служебной дисциплины. В их число следует отнести такие как:

1. Профессиональная деформация:

- среди сотрудников органов внутренних дел данный фактор обусловлен влиянием криминогенной среды и выражается в цензурной брани, пренебрежении, унижении человеческого достоинства в общении с коллегами, заключёнными и другими гражданами, нечувствительности к нравственно-психологическим травмам, человеческому несчастью;

- профессиональная деформация руководителей обусловлена властью сотрудников органов внутренних дел и проявляется в неограниченности властных полномочий, нетерпимости к мнению других и конструктивной критике, чиновничеству, отсутствию доброжелательных служебно-деловых отношений;

- депривационная² деформация характеризуется заменой неудовлетворённых потребностей другими, более доступными, это тот случай, когда духовно-нравственные ценности заменяются материальными.

Отметим, что, как правило, быстрота наступления профессиональной деформации зависит от особенностей личности сотрудника органов внутренних дел, скорость деформации увеличивается после 5 лет профессиональной деятельности, после 10 лет она происходит глубже.

Предложим эффективные, на наш взгляд, профилактические меры, направленные на преодоление и снижение проявлений профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел. Данные меры включают в себя методы воспитательного и психологического характера и направлены на: выработку высокой культуры в работе; раз-

витию нравственно-психологической устойчивости; формированию установки на следование кодексу профессиональной чести; формирование морально-психологического климата в подразделении.

Вместе с тем, считаем необходимостью проведения психологического мониторинга профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел с последующей коррекцией, эти меры являются важными для укрепления законности и служебной дисциплины среди личного состава.

2. Психические и физические перегрузки:

- психофизические перегрузки сотрудников органов внутренних дел вызваны нестабильным графиком работы, длительным лишением сна, резкими колебаниями вынужденной активности или, напротив, монотонностью деятельности и продолжительными дежурствами, работой в неудобное или сверхурочное время. Отметим, что такие условия труда несут за собой либо перенасыщенность информацией, либо сенсорную изоляцию. Как следствие, организм не успевает адаптироваться к быстро меняющимся условиям труда, что снижает качество деятельности и повышает вероятность нарушений законности и служебной дисциплины.

Считаем уместным предложить и пути повышения психофизической устойчивости профессиональной деятельности сотрудника:

- тщательный подбор кадров для прохождения службы в органах внутренних дел Республики Таджикистан, то есть кандидаты должны соответствовать культурно-нравственным, интеллектуальным и психофизиологическим параметрам ведомственных требований; подбор должен осуществляться на основе научно-обоснованных, профессиональных и психологических критериев;

- достойное социально-экономическое обеспечение сотрудников органов внутренних дел, создание благоприятного социально-психологического климата в коллективе и оптимизация условий службы;

- включение в воспитательную работу с личным составом аспектов формирования эмоционально-волевых и моральных качеств личности, которые позволили бы ей не только подавлять эмоции, но и управлять ими.

3. Применение мер дисциплинарного

воздействия:

Дисциплинарный устав органов внутренних дел Республики Таджикистан является основным и специальным документом, который обеспечивает соблюдение законности и служебной дисциплины и обязателен для исполнения сотрудниками ОВД.³

Данный Устав определяет:

- сущность служебной дисциплины в органах внутренних дел Республики Таджикистан (преамбула);

- обязанности сотрудников по соблюдению и поддержанию служебной дисциплины (п. 5);

- обязанности и права руководителей (начальников) по поддержанию служебной дисциплины (ст. 7);

- обязательность исполнения приказов и распоряжений руководителя (начальника);

- порядок применения мер поощрения;

- порядок наложения и исполнения дисциплинарных взысканий;

- порядок учета мер поощрения и дисциплинарных взысканий;

- порядок обжалования дисциплинарных взысканий.

Начальник органа внутренних дел, его заместитель по работе с личным составом обязаны обеспечить безапелляционное знание всеми подчиненными руководителями их прав и обязанностей по применению мер поощрения и взыскания, как и иных мер, добиваться строгого соблюдения установленного порядка использования дисциплинарных прав.

С одной стороны, институт дисциплинарной ответственности является средством обеспечения законности и служебной дисциплины, с другой – выступает как юридическая гарантия защиты правового статуса сотрудника органов внутренних дел. Оптимизация дисциплинарной практики и защита сотрудников от произвольного применения мер дисциплинарного воздействия обуславливает необходимость совершенствования этого института⁴

Представляется, что эффективность дисциплинарной практики заключается в умении руководителя предъявлять обоснованные требования к личному составу, справедливо выносить поощрения за достижения в службе и налагать взыскания за нарушения законности и служебной дисциплины, объ-

ективно проверив характер, обстоятельства, последствия проступка.

Вместе с тем, при определении взыскания необходимо принимать во внимание: прежнее поведение сотрудника, признание им своей вины за имевшие ранее проступки (если они имели место быть), его отношение к службе, результаты деятельности, наличие либо отсутствие не снятого дисциплинарного взыскания и др.

Успешность применения перечисленных мер профилактики нарушений законности и служебной дисциплины сотрудников органов внутренних дел, во многом зависит от позиции, занимаемой руководителями различного уровня. В том случае, если руководитель не демонстрирует образец ответственного и дисциплинированного отношения к службе, тем самым, не утверждая свой авторитет, вместо него влияние на коллектив будет оказывать неформальный лидер.

Отметим и важную роль руководителя в осуществлении ежедневной воспитательной работы с подчиненными, направленную на формирование у личного состава таких нравственных качеств, как чувство долга и ответственности, совести и непримиримости к антиобщественным проявлениям.

Конечно, рассмотренные нами факторы, не охватывают всего многообразия отношений и сложных ситуаций, возникающих в деятельности сотрудников органов внутренних дел в ходе прохождения службы.

Но учитывая влияние этих и других факторов, причин и условий, составляющих в совокупности целый причинно-факторный комплекс, подчеркнем необходимость проводить активную работу по соблюдению и укреплению законности и служебной дисциплины по основным, обозначенным автором направлениям.

Список литературы

1. Дятлова Д. В., Каляшин А. В. Дисциплинарная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: особенности привлечения и правового регулирования // Молодой ученый. — 2019. — № 47. — С. 283-285. — URL <https://moluch.ru/archive/285/64343/> (дата обращения: 19.03.2020).

2. Гольцева Т. П. Особенности профессиональной деятельности сотрудников полиции,

влияющие на возникновение негативных психических состояний // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). - 2012. - 6 (121). С. 226.

3. Законность и правопорядок в современном обществе. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 04 июня 2018 г.). - Стерлитамак: АМИ, 2018. - 114 с.

4. Лозовицкая Г.П. Генезис формирования кадровой политики МВД России: научно-исследовательский аспект // Российская полиция: три века служения Отечеству Сборник статей Юбилейной международной научной конференции. В 2-х частях. Под редакцией В.Л. Кубышко. Академия управления МВД России, 2019. С. 116-126.

5. Мальцев Е. П. Нарушение служебной дисциплины сотрудниками органов внутренних дел: актуальность проблемы, причины и некоторые пути её решения // Молодой ученый. — 2012. — №12. — С. 382-384. — URL <https://moluch.ru/archive/47/5874/> (дата обращения 19.03.2020 г.).

6. Основы работы по укреплению служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел: Учебное пособие / Под общ. ред. кандидата педагогических наук В.Л. Кубышко. – М., ЦОКР МВД России, 2008, с. 80.

Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 26.12.2018 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/ru/node/19089> (Дата обращения 19.03.2020).

²Депривация (лат. *deprivatio* — потеря, лишение) — психическое состояние, при котором люди испытывают недостаточное удовлетворение своих потребностей. В социологии используются понятия абсолютной и относительной депривации. В социальной психологии используют понятие относительной депривации и фрустрации. Подробнее см., например: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/89589> (Дата обращения 19.03.2020).

³Дисциплинарный Устав. Принят Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 7 сентября 2006 года, № 424. Введен в действие Дисциплинарный Устав Органов внутренних дел Республики Таджикистан 1 октября 2006 года. Объявлен Приказом Министра внутренних дел Республики Таджикистан от 25.09.2006 года № 666.

⁴См., например: В.К. Русаков, Л.М. Колодкин, Г.П. Лозовицкая и др. Теоретические основы и практика работы кадровых подразделений органов внутренних дел Российской Федерации по вопросам прохождения службы. Учебно - практическое пособие // М.: Академия управления МВД России, 2017; Кильмашкина Т.Н., Лозовицкая Г.П., Чиркина Р.В., Дегтярев А.В. Теоретическое обоснование курса повышения квалификации в области управления конфликтами в организации // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 6. С. 130–140. doi:10.17759/pse.2017220612; Тарасов Ю.Ю., Закатов В.В., Сердюк Н.В., Лозовицкая Г.П., Фомин А.Г., Семченко А.С., Боева О.В., Байков Д.М. Педагогика высшего образования МВД России: учебное пособие / [Ю.Ю. Тарасов и др.] ; под ред. канд. пед. наук В.В. Закатова // М. Академия управления МВД России, 2018.

¹Послание Лидера нации, Президента Республики

CORRELATION OF FORM AND CONTENT IN THE CONCEPTUAL APPARATUS
OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

СООТНОШЕНИЕ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ В ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Stanislav Vasilievich Bazhanov,

Doctor of Law, Professor, Academician of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Retired Colonel of Justice

Станислав Васильевич Бажанов,

доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств, полковник юстиции в отставке

svb-1956@mail.ru

Для цитирования: С.В. Бажанов. Соотношение формы и содержания в понятийном аппарате российского уголовно-процессуального законодательства // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 29-35.

Annotation. In this article, the author submits a highly relevant problem to scientific analysis, which consists in the need for a more thorough development of the criminal procedural legislation of the Russian Federation and its implementation in law enforcement practice. The author believes that parliamentarians are obliged to be more thoughtful in the culture of writing, preserving and justifying the further development of the sectoral conceptual apparatus.

Keywords: criminal process, procedural decision, procedural action, procedural document, procedural act, determination, sentence, decision, stage of execution of the sentence, procedural form, criminal procedural activity, investigator, judge, federal law

Аннотация. В настоящей статье автор подвергает научному анализу крайне актуальную проблему, состоящую в необходимости более тщательной разработки уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, его внедрении в правоприменительную практику. Автор считает, что парламентарии обязаны вдумчивее относиться к культуре письменной речи, сохранению и обоснованному дальнейшему развитию отраслевого понятийного аппарата.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальное решение, процессуальное действие, процессуальный документ, процессуальный акт, определение, приговор, постановление, стадия исполнения приговора, процессуальная форма, уголовно-процессуальная деятельность, следователь, судья, федеральное законодательство

Досудебное производство по уголовным делам можно рассматривать как череду следственных ситуаций, алгоритм поступательной трансформации которых наглядно прослеживается в частных (конкретных) методиках расследования преступлений. В каждой из них правомочными должностными лицами принимаются промежуточные и итоговые решения, видовое разнообразие которых представлено тематическими криминалистическими классификациями. Среди них выделяют решения процессуальные, оформляемые постановлениями (определениями), и тактические, не требующие особой письменной формы.

Старания российского ученого сообщества в части поддержания культуры письменной речи парламентариев, проявляющейся в текстах принимаемых ими федеральных законов,

должны окупаться сторицей, упреждая всевозможные нарушения, допускаемые, часто по недоразумению, участниками уголовного процесса в условиях психологических конфликтов между ними, что умалывает случаи их последующего обжалования в прокуратуру или в суд. Для этого, собственно, и предусмотрена письменная процессуальная форма, воочию фиксирующая обстоятельства, приведшие к противостоянию сторон, и, в равной мере, правомерность решений и действий представителей исполнительной (следственной) и судебной власти.

Вкупе с термином «процессуальный документ» в теории уголовно-процессуального права употребляются и другие словообразования: «процессуальное решение», «процессуальный акт» и «процессуальное действие».

Первый из перечисленных означает любой документ, приобщенный к материалам уголовного дела (подшитый в нём). К этой же категории относятся: заключение эксперта, обвинительное заключение, приговор. Наличествуют и акты: постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт. Отдельную группу составляют протоколы следственных и судебных действий, отражающие их ход и результаты; они носят удостоверительный характер.

Особняком от названных документов стоит отдельное поручение следователя, направляемое им в оперативно-розыскные органы в порядке, предусмотренном п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ, несмотря на то, что предложения о необходимости его оформления, по общему правилу, постановлением, в юридической литературе конца 70-х годов прошлого века высказывались.

В настоящей статье исследуется юридическая природа, главным образом, процессуальных решений, за вычетом других, относящихся к сфере оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения предварительного расследования и судебного разбирательства.

Письменная форма решений, принимаемых следователями или судьями, служит надежной гарантией от злоупотреблений с их стороны, обусловливаемых вынужденным вторжением в сферу прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений. Цели, вынашиваемые властными участниками уголовного процесса при планировании и проведении следственных (судебных) действий, достигаются ими, как правило, в условиях повышенного риска тактико-правовых ошибок, заметно снижающегося в бесконфликтной обстановке (до-) судебного производства.

Немалое значение имеет наличие у следователя (судьи) профессиональных знаний, достаточного опыта и устойчивых навыков в работе с доказательствами, особенно при осуществлении различного рода тактических комбинаций и их комплексов.

Риск воспринимается обычно как нежелательный, но неизбежный компонент расследования (судебного разбирательства). Он (абстрактно) форматирует правовое поле для подготовки и принятия следователями (судьями) альтернативных вариантов решений и действий, если, конечно, таковые в их распоряже-

нии имеются.

Всякое решение ориентировано на достижение назначения уголовного процесса, очерченного в ст. 6 УПК РФ. «Материализующее» его постановление состоит из вводной, описательной и резолютивной частей. Оно должно отвечать требованиям законности, обоснованности, мотивированности и юридической точности формулировок, комментировать суть которых автор настоящей статьи в данном контексте не будет; вопрос этот не является оригинальным.

Согласно п. 33 ст. 5 УПК РФ, процессуальным признаётся решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке, установленном настоящим Кодексом [1]. Скоропалительная подготовка, несвоевременное принятие и небрежное его оформление порождают ненадлежащее исполнение. Способствует этому не только несовершенство федерального законодательства [11, с. 19-26], ведомственных нормативных правовых актов, но и махровый нигилизм, свойственный отдельным представителям следственной, прокурорской и судебной власти.

В числе отличительных черт, приписываемых процессуальным решениям, как правило, выделяют:

- принятие их правомочными должностными лицами, ответственными за производство по уголовному делу;
- отражение в них властного веления закона;
- порождение и прекращение ими уголовно-процессуальных правоотношений;
- обоснование в них ответов на ключевые вопросы предварительного или судебного следствия;
- вынесение их в установленном законом порядке, в определенной технико-юридической форме.

Процессуальные документы и решения, как понятия, нередко отождествляются, что не так безобидно, как может показаться на первый взгляд. Так, в преамбуле постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» отмечается, что приговором является постановленное именем Российской Федерации решение суда по уголовному делу о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении от наказания

[21].

Вдумчивое осмысление приведенного тезиса свидетельствует о смешении в нём ключевых понятий «приговор» и «решение». Можно ли с этим согласиться? В принципе – нет, без принципа – конечно. Однако подобное уравнивание различных, по юридической формуле, терминов порождает далеко идущие последствия, особенно тогда, когда описываемая практика приобретает массовый характер.

Подтверждением сказанному являются положения ст. 1 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», где декларируется, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется оперативными подразделениями государственных органов (далее – органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность) [2]. Нетрудно убедиться в том, что в комментируемой норме понятия «орган» и «подразделение» трактуются как взаимозаменяемые. Это вызывает серьезные возражения с позиций теории управления.

Не менее противоречивую тенденцию обозначил профессор Б.Я. Гаврилов. В одной из своих публикаций он подверг предметному обсуждению практику возбуждения следователями в рамках текущих производств уголовных дел о дополнительно выявляемых преступлениях, совершенных тем же обвиняемым или другими лицами, не вовлеченным до поры в уголовный процесс в подобающем качестве (при условии, конечно, что вновь выявленные эпизоды находились в причинно-следственной связи с ранее установленными) [14, с. 150-165].

Среди ученых, к сожалению, поутихли дискуссии на предмет несоответствия процессуальной формы постановления о привлечении в качестве обвиняемого его содержанию. Современная модификация названного процессуального акта в лучшую сторону не изменилась. Права обвиняемому, как и прежде, разъясняются после предъявления обвинения, о чём делается отметка на оборотной стороне постановления, в конце страницы [22].

Реже данный факт отражается в отдельном протоколе, приобщаемом к уголовному делу после выполнения рассматриваемой процедуры. В тоже время разъяснение обвиняемому его прав (знать, в чем обвиняется, пользоваться услугами защитника, представлять доказательства, заявлять отводы, и т.д.) должно осуществляться до предъявления обвинения с

тем, чтобы он мог своевременно ими воспользоваться. Отметку об этом логичнее было бы делать во вводной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Двусмысленные понятия и представления, внедряемые разработчиками законопроектов в «светлые головы» парламентариев, впоследствии образуют источники права, умножающие, в смысле сказанного, бесполезный труд властных участников уголовного процесса, и исподволь потворствуя сверхнормативной формализации следственно-судебного производства.

Работа в судебных архивах, проведенная автором настоящей статьи в начале нулевых годов, среди прочего, показала, что во многих следственно-судебных материалах встречались, так называемые, «отсекающие постановления», число которых колебалось от одного-двух до пяти-семи на одно уголовное дело.

Доходило до смешного: следователи выносили указанные постановления по поводу того, что ножницы не являются, видите ли, холодным оружием. В других ситуациях оценка давалась действиям преступника, прибывавшего на место не запланированного (ситуационного) преступления с компанией, оставшейся в машине и никаких преступных действий не совершавшей. Иногда в таких процессуальных документах отвергался хулиганский мотив в развитие дела частного обвинения, умысел на убийство при причинении тяжкого вреда здоровью пострадавшего с применением ножа, и т.п. Аналогичные примеры с лихвой иллюстрированы в следующих уголовных делах: № 1-91/00, № 1-581/00; № 1-521/00; № 1-581/00 [19].

Механическое восприятие следователями «буквы закона», начертанной «Эзоповым языком», хорошо прослеживается в названиях процессуальных документов, составившихся ими (в отсутствие бланков) самостоятельно. Исходя из установлений ст. 171-175 УПК РФ, ими выносились: постановление о прекращении уголовного дела «по эпизоду» (УД № 1-667/99), постановление «о квалификации действий обвиняемого» (УД № 256319; суд. № 2-391/99); УД № 254380; суд. № 2-388/399) [20].

Подобный «опыт» избыточен; он поощряет непроизводительный труд. Почему? Ответ на этот вопрос можно найти в названиях комментируемых процессуальных документов: (просто) постановление; постановление о прекращении уголовного дела (преследования);

постановление о прекращении уголовного дела в части; частичное прекращение уголовного дела.

Незавершенность последней, наиболее приближенной к тексту закона, формулировки, произвольно интерпретирующей положения, точнее – название ст. 175 УПК РФ, и способствует широкому распространению данной традиции в следственно-судебной практике. Если ознакомиться с содержанием ч. 2 ст. 175 УПК РФ, то никаких оснований для инсинуаций по её свободному толкованию обнаружить не удастся; читаем: «Если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения, то следователь своим постановлением прекращает уголовное преследование в соответствующей части, о чем уведомляет обвиняемого, его защитника, а также прокурора».

Стало быть, законодатель прямо указывает на то, что постановление о прекращении уголовного дела в части предъявленного обвинения должно наличествовать в его материалах лишь в том случае, если ранее инкриминированный обвиняемому эпизод уже включался в описательную часть постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В противном случае, даже тогда, когда признаки преступления, предполагавшегося к последующему вменению, указывались в резолютивной части постановления о возбуждении уголовного дела, обязанности выносить постановление о прекращении уголовного дела (преследования) «в части», у следователя не возникает.

Следует исходить из того, что в описательной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого дается (должна даваться) исчерпывающая квалификация противоправных действий обвиняемого, основывающаяся на анализе всех формальных доказательств, полученных на первоначальном этапе предварительного следствия. В случае её неполноты или некачественности прокурор, а затем и суд первой инстанции обязаны обратить внимание следователя на допущенные им нарушения. В дальнейшем не исключается их исправление в стадиях апелляционного, кассационного и судебно-надзорного производства, посредством чего реализуется многоступенчатая система надзора (контроля), предмет которого составляет обоснованность промежуточных и итоговых процессуальных решений, принимаемых должностными лицами органов уголовной

юстиции [6, с. 52-54].

Безграничному разрастанию в следственно-судебной практике означенных различий потворствует и сам законодатель, не расставляющий должных акцентов в декларируемых им нормах. Подтверждением этому является некорректное название ст. 175 УПК РФ «Изменение и дополнение обвинения. Частичное прекращение уголовного преследования»; формулировка «частичное прекращение уголовного преследования» должна выглядеть иначе: «прекращение уголовного преследования в части предъявленного обвинения», на что, собственно, и обращает внимание сам законодатель в ч. 2 ст. 175 УПК РФ.

На важность соблюдения культуры письменной речи, приверженности устоявшимся языковым стандартам в части уголовно-процессуального понятийного аппарата автор настоящей статьи неоднократно указывал и ранее [7, с. 172-174].

Для подтверждения актуальности этого вопроса к месту будет привести критические замечания к разъяснениям отдельных понятий, упоминаемых в ст. 5 УПК РФ.

Так, в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ провозглашается, что результатами оперативно-розыскной деятельности являются сведения о признаках преступления. Возникает вопрос, как это результатами оперативно-розыскной деятельности могут являться сведения о признаках преступления, которые обычно выступают в качестве формального повода для её начала?

Адекватная неверная интерпретация прослеживается в ведомственном нормативном правовом регулировании (МВД), где результатами процессуальной проверки предписывается подчас признать признаки преступления, изначально являвшиеся поводами к ней [9, с. 11-15; 10, с. 47-51].

В п. 38 ст. 5 УПК РФ розыскные меры определяются как меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления. Подобные комментарии некорректны, ибо розыскные меры ориентируются на установление места нахождения скрывшегося подозреваемого, обвиняемого, то есть известного участника уголовного процесса.

В п. 38.1 ст. 5 УПК РФ руководитель следственного органа позиционируется как долж-

ностное лицо, возглавляющее следственное подразделение, хотя понятия «орган» и «подразделение», как уже отмечалось, взаимосключающие.

В соответствии с п. 50 ст. 5 УПК РФ судебным заседанием признаётся процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства. В данном случае неясно, о чем речь, поскольку правосудие в досудебных стадиях уголовного процесса не осуществляется.

В п. 56 ст. 5 УПК РФ словосочетание «уголовное судопроизводство» истолковывается как синоним досудебного и судебного производства, несмотря на то, что с точки зрения семантики изречение «уголовное судопроизводство» означает уголовно-процессуальную деятельность и правоотношения, складывающиеся исключительно в суде (П.С. Элькин).

Апофеозом интеллектуальной мысли законодателя выступает содержание п. 58 ст. 5 УПК РФ, где участники уголовного судопроизводства подаются как лица, принимающие участие в уголовном процессе.

Вырванными из общего контекста выглядят положения ст. 53.1 – 53.3 УПК РФ, которые автор настоящей статьи специально оставил напоследок. Так, согласно п. 53.1 ст. 5 УПК РФ, судебным решением признаётся приговор, определение и постановление, в то время как приговор следовало бы, строго говоря, декларировать как процессуальный документ или, по крайней мере, решение, облеченное в процессуальную форму.

Аналогичные замечания допустимы в отношении п. 53.2 УПК РФ, согласно которому итоговое судебное решение расценивается как приговор, иное решение, вынесенное в ходе (по результатам – С.Б.?) судебного разбирательства. (Итоговое) решение содержится в резолютивной части приговора, что имеет принципиальное значение.

В п. 53.3 УПК РФ промежуточные судебные решения, определения суда, постановления судьи в понятийном аспекте уравниваются, хотя они разнятся (как форма и содержание). Привередливый читатель мог бы, наверное, упомянуть крылатое изречение известного философа о том, что форма - это уже содержание (Гегель). «Темна вода», - так характеризовал вождь мирового пролетариата подобные оригинальные заключения.

Качество нормативного правового регу-

лирования оказывает прямое воздействие не только на эффективность правоприменительной практики, но и на выбор оптимального вектора совершенствования федерального законодательства. Применительно к теме разговора, вынесенной в заголовок настоящей статьи, суть проблемы сводится к утверждению очевидного, но мало кем замечаемого, факта: исполняется не приговор (процессуальный документ) и даже не содержащееся в его резолютивной части решение (интеллектуально-волевой акт), исполняется наказание, провозглашенное судом в приговоре. Именно поэтому стадию исполнения приговора логичнее было бы именовать стадией исполнения наказания [12, с. 32-34], которая к уголовно-процессуальному законодательству отношения не имеет и должна быть из него исключена.

Учеными юристами данная «нетрадиционная» стадия уголовного процесса (ст. 396–401 УПК РФ), обрамленная нетипичными процедурными сроками, давно подвергалась критическому осмыслению [15, с. 46-48]. Высказывались заслуживавшие одобрения и поддержки суждения об окончании уголовно-процессуальных правоотношений в момент вступления приговора суда в законную силу (В.В. Николук).

Специфика неоднозначного нормативного правового регулирования стадии исполнения приговора в кодифицированных законодательных актах уголовно-правового блока, такова, что многие ученые, пытавшиеся проникнуть в юридическую природу соответствующих правоотношений, с различными оговорками, но признавали её относительную самостоятельность от традиционного уголовного процесса. Это позволяло им высказывать аргументированные соображения о необходимости наименования данной стадии «особым» (Т.Н. Добровольская) или «дополнительным» (Ю.К. Якимович) производством.

Тем не менее, по справедливому замечанию Л.Ф. Мартыняхина, дальнейшие попытки совершенствования законодательной регламентации судебного порядка разрешения отдельных вопросов в рамках стадии исполнения приговора представляются малоперспективными, как и реализация предложений о её разделении на две самостоятельные: приготовления судебного решения к его исполнению и решение вопросов, возникающих в процессе реализации решения или после такового (В.Д. Адаменко).

Подобного «косметического ремонта», убежден процитированный автор, явно недостаточно в условиях реформирования судебной системы [16, с. 54-57].

За целесообразность более четкого законодательного определения компетенции суда в стадии исполнения приговора выступал упоминавшийся выше В.В. Николук [18, с. 85]. Карательно-восстановительный аспект исправительного процесса выделял А.Л. Реминсон; об исправительно-трудовом процессе писали А.Е. Наташев и Н.А. Стручков [17, с. 90]. На назревшую потребность разграничения смежных правовых институтов уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, касающихся обсуждаемых здесь вопросов, настаивает автор настоящей статьи [5, с. 52-55], ратуя за разработку автономной отрасли Уголовно-исполнительного процессуального права [3, с. 95-99; 4, с. 51-52].

С формально-этической точки зрения, приведенные соображения должны распространяться и на порядок обращения приговора к исполнению, в силу чего ст. 393 УПК РФ было бы полезно переименовать. В качестве рабочей версии её обновленного названия можно было бы предложить следующее: «Порядок обращения к исполнению назначенного приговором суда наказания».

Таким образом, автор настоящей статьи присоединяется к мнению ученых об окончании уголовно-процессуальных правоотношений в момент вступления приговора суда в законную силу. Круг процессуальных вопросов, обыкновенно рассматривавшихся в стадиях судебной надзорной деятельности и возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, мог бы разрешаться в рамках уголовно-исполнительного судебного процесса (на эту тему надо подумать отдельно).

К слову заметим, что в названии главы 49 УПК РФ употребляются слова «новые» и «вновь», которые, несмотря на предполагаемые различия, понятные сами по себе, являются синонимами.

В последние годы некоторые ученые стали утверждать, что УПК РФ был принят без должных научных обсуждений (согласительных процедур), вследствие чего в него за последние годы и было внесено огромное количество поправок и дополнений, что деформировало структуру его Общей и Особенной части. Ис-

ходя из указанных соображений, глашатаи «обновления» отраслевого законодательства начали инициировать скорейшую подготовку «другого» Уголовно-процессуального кодекса (РФ). Очень хотелось бы, чтобы разработчики очередного кодифицированного законодательного акта не забывали о культуре письменной речи, о понятийном аппарате, составляющем его корневую основу.

Думается, что указанное направление совершенствования государственно-правовой политики Российской Федерации в области борьбы с преступностью достойно считаться приоритетным для фундаментальных научных изысканий ближайшего обозримого будущего.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя» // СЗ РФ. 2016. № 1 (Ч. 1). Ст. 60.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. Бажанов С.В. Уголовно-исполнительный процесс: право на самоопределение / Концепция исполнения наказаний и пенитенциарная система в период реформирования России: сборник научных докладов. Владимир, ВЮИ МВД РФ. 1998.
4. Бажанов С.В. К вопросу о субординации норм Уголовно-исполнительного и Уголовно-процессуального законодательства России // Пенитенциарная система: настоящее и будущее: сборник материалов научно-практической конференции 28.12.2000. М.: НИИ УИС Минюста России. 2001.
5. Бажанов С.В. Уголовно-процессуальная политика, экономика и право: монография. Владимир, ВЮИ Минюста России. 2003.
6. Бажанов С.В. Чрезмерная формализация следственного производства // Законность. 2004. № 11.
7. Бажанов С.В., Морохова О.А. Юрислингвистика и проблемы юридической терминологии // Вестник Владимирского юридического института. 2006. № 1.
8. Бажанов С.В. Семантическая несостоятель-

- ность термина «недопустимые доказательства» // Российский следователь. 2007. № 17.
9. Бажанов С.В. Несовершенство нормативно-правового регулирования налоговых проверок организаций и физических лиц как фактор, способствующий их легальному противодействию расследованию преступлений в сфере экономической деятельности // Противодействие расследованию преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности: материалы межвузовской научно-практической конференции 22.12.2008 / отв. ред. С. В. Бажанов. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2009.
10. Бажанов С.В. Правовой режим проверок финансово-хозяйственной, торговой и предпринимательской деятельности экономических субъектов Российской Федерации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 11.
11. Бажанов С.В. Несовершенство уголовно-процессуальных норм как фактор, предопределяющий их свободное толкование в правоприменительной практике // Следственная практика. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Вып. 197.
12. Бажанов С.В. Целесообразность смыслового разграничения понятий «исполнение приговора» и «исполнение наказания» // Мировой судья. 2016. № 1.
13. Володина Л.М. Решения в уголовном судопроизводстве // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): межвузовская научно-практическая конференция 23,24.04.2015 г. М.: Академия управления МВД России, 2015. Ч. 1.
14. Гаврилов Б.Я. Возбуждение уголовного дела: реалии судебного правоприменения // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): международная научно-практическая конференция 23, 24.04.2016 г. М.: Академия управления МВД России. 2015. Ч. 1.
15. Коломиец В.К. О надежности доказательств исправления // Проблемы надежности доказательств в советском уголовном процессе. М., 1984.
16. Мартыняхин Л.Ф. «Пенитенциарный» суд в системе уголовной юстиции // Применение нового законодательства в области борьбы с преступностью. Домодедово, 1994.
17. Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967.
18. Николук В.В. Взаимосвязь и взаимозависимость уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного кодексов // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 1998.
19. Архив Ленинского районного суда г. Владимира.
20. Архив Московского городского суда.
21. Российская газета. Федеральный выпуск от 7.12.2016 г. № 277 (7145).
22. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34520/75efe637e4a03f285246dae34b456781022039e7/ (дата обращения – 16.12.2019).

CONSTITUTIONAL PROVISION OF NATIONAL SECURITY
IN FOREIGN COUNTRIES

КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Nodari Darchoevich Eriashvili,

doctor of Economics, candidate of juridical Sciences, candidate of historical Sciences,
laureate of RF Government prize in science and technology

Нодари Дарчоевич Эриашвили,

доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники
professor60@mail.ru

Для цитирования: Н.Д. Эриашвили. Конституционное обеспечение национальной безопасности в зарубежных странах // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 36-38.

Annotation: In the article on the basis of the analysis of the legal literature and legislation on ensuring national security in foreign countries several judgments are made: safety is a prerequisite of sovereignty of every state; the legal basis for the security of any state, as a rule, is the law on the public device; for use in the Russian Federation positive experience of ensuring the security of foreign States is the provision of article 15 of the Constitution.

Keywords: state, Russian Federation, legislation, regulatory legal act, Constitution of the Russian Federation, Federal law of the Russian Federation, Federal law of the Russian Federation «On security» of December 7, 2010, bezopasnot

Аннотация. В статье на основе анализа юридической литературы и законодательства об обеспечении национальной безопасности в зарубежных государствах высказано несколько суждений: безопасность является неперенным условием суверенитета всякого государства; правовой основой для обеспечения безопасности всякого государства, как правило, является законодательство о государственном устройстве; для использования в Российской Федерации позитивного опыта обеспечения безопасности зарубежных государств является положение статьи 15 Конституции РФ.

Ключевые слова: государство, Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ, федеральный закон РФ, Федеральный закон РФ «О безопасности» от 7 декабря 2010 г., безопасность

Предметом данной статьи является позитивный опыт обеспечения национальной безопасности в зарубежных государствах и использование его в Российской Федерации¹.

Первоначально о состоянии теории.

Так, В.В. Маклаков сфокусировал внимание на гарантиях целостности государств, правда, исключительно для «федеративных стран»².

Авторы – единомышленники (В.И. Червонюк, И.В. Калинин и А.Ю. Мелехова) лишь фрагментарно рассматривают национальную безопасность «зарубежных стран» и систему органов, ее обеспечивающих³. Кстати, в этой же публикации авторы ошибочно оперируют термином «Федеративная Республика Германия»⁴.

Этот же недостаток обнаруживаем и в публикации Р.М. Дзидзоева⁵.

По существу, аналогична и по форме, и содержанию публикация В.П. Григониса и А.Н. Тулаева⁶.

В публикации Н.Н. Кулешовой и Е.И. Христофоровой в рубрикаторе «Словарь терминов» представляет интерес разъяснение термина «суверенитет»: «Государственный суверенитет – верховенство, самостоятельность и независимость государственной власти как внутри государства, так и вне его.

Национальный суверенитет – право каждой нации самой решать свою судьбу вплоть до отделения от данного государства и образования своего государства. Народный суверенитет – принадлежность верховной власти народу, который является ее источником и может осуществлять эту власть непосредственно и через избранные им органы»⁷.

Ю.И. Мхитарян проанализировал «угрозы национальной безопасности в строительной отрасли» («Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. В числе основополагающих принципов,

формирующих законодательство о градостроительной деятельности, важно рассматривать обеспечение безопасности личности, экономической, электромагнитной, информационной безопасности - всех форм безопасности при комплексном планировании территорий, создании и эксплуатации объектов капитального строительства.

2. Создание доктрины (концепции) национальной безопасности в строительной отрасли придаст новый вектор развития системе управления строительной отраслью, позволит комплексно подойти к решению актуальных задач, формированию нормативных правовых актов.

3. Обязательное саморегулирование строительной отрасли - неотъемлемая составляющая обеспечения безопасности территорий и объектов капитального строительства.

4. Качественное саморегулирование - это система организационных, правовых, экономических и информационных мер, обеспечивающих безопасность, качество объектов капитального строительства и создающих условия для эффективной деятельности субъектов права. Оно зависит от успешности деятельности саморегулируемых организаций, национальных объединений, органов государственного управления.

5. В условиях рыночной экономики конкурентоспособность и эффективность субъектов права определяются уровнем эффективности законодательных и локальных норм права.

6. Угрозы национальной безопасности возникают в строительной отрасли независимо от организационно-правовых форм субъектов права. Устранение угроз национальной безопасности объектов капитального строительства обеспечивается формированием обязательных требований к техническим, технологическим, организационным условиям деятельности, развитием обязательной системы саморегулирования, должно быть направлено на предотвращение угроз всех форм национальной безопасности объектов капитального строительства.

7. Качественная система саморегулирования в строительной отрасли зависит от многих факторов. ...

8. Устранение государственного контроля со стороны Минстроя России за деятельностью национальных объединений саморегулируемых организаций позволит повысить независимость и самостоятельность национальных объединений саморегулируемых организаций в строительной отрасли. Национальные объединения совместно

с саморегулируемыми организациями получат возможность самостоятельно определять правила предпринимательской деятельности, что позволит повысить национальную безопасность в строительной отрасли и создаст возможность более эффективно совершенствовать систему саморегулирования»⁸.

Вероятно, не столь совершенные результаты научных изысканий относительно обеспечения безопасности предопределены и несовершенством конституционного (государственного) законодательства

В первую очередь обращаем внимание на нормативный правовой акт с наивысшей юридической силой на территории Российской Федерации⁹. Это – Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.¹⁰ («1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. 2. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. 3. Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. 4. общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» - ст. 15).

Положения Конституции РФ детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой. В особенности, обращаемся к Федеральному закону РФ «О безопасности» от 7 декабря 2010 г.¹¹ («Настоящий Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации ..., полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государствен-

ной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области безопасности, а также статус Совета Безопасности Российской Федерации ...» - ст. 1).

Федеральным законом РФ «О ратификации Конвенции о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала» ратифицирован международный договор¹²: «Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала» (заключена в г. Нью-Йорке 9 декабря 1994 г.13) («1. Настоящая Конвенция применяется в отношении персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала и операций Организации Объединенных Наций в соответствии с определениями, содержащимися в статье 1. 2. Настоящая Конвенция не применяется к операции Организации Объединенных Наций, санкционированной Советом Безопасности в качестве принудительной меры на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, в которой какой-либо персонал задействован в качестве комбатантов против организованных вооруженных сил и к которой применяется право международных вооруженных конфликтов» - ст. 2).

Таким образом, обеспечение национальной безопасности является приоритетом для всякого государства.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, безопасность является непрерывным условием суверенитета всякого государства.

Во-вторых, правовой основой для обеспечения безопасности всякого государства, как правило, является законодательство о государственном устройстве.

В-третьих, для использования в Российской Федерации позитивного опыта обеспечения безопасности зарубежных государств является положение статьи 15 Конституции РФ.

мин «Российская Федерация» (см. об этом, например: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именованья государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

²Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для студентов вузов. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 830-836.

³См.: Червонюк В.И., Калинин И.В., Мелехова А.Ю. Конституционное право зарубежных стран: Учебник. 3-е изд., дополн. В двух частях. /М.: Московский университет МВД РФ, 2018.

⁴Подробнее об этом см.: Автономов А.С., Галузо В.Н., Райан Джеймс. О наименованиях некоторых европейских государств в Российской Федерации (юридический аспект) // Государство и право. 2016. № 4. С. 45-51.

⁵Дзидзоев Р.М. Конституционное право зарубежных стран: Учебник. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019.

⁶См.: Григонис В.П., Тулаев А.Н. Конституционное право зарубежных стран: Курс лекций в конспективном изложении. С.-Пб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС РФ, 2019.

⁷См.: Кулешова Н.Н., Христофорова Е.И. Конституционное (государственное) право России и зарубежных стран: Учебное пособие. Рязань: Рязанский государственный университет, 2019. С. 112.

⁸Мхитарян Ю.И. Национальная безопасность строительной отрасли и развитие саморегулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 31 - 37.

⁹О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30.

¹⁰См.: См.: СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102.

¹¹См.: СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2; 2015. № 41 (часть II). Ст. 5639.

¹²См.: О международных договорах Российской Федерации: ФЗ РФ от 16.06.1995 г. // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757; 2007. № 49. Ст. 6079; 2012. № 53 (часть I). Ст. 7579; 2014. № 11. Ст. 1094.

См.: СЗ РФ. 2001. № 34. Ст. 3478.

¹Мы разделяем суждения тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно тер-

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF «NATIONAL SECURITY»
AND «LAW AND ORDER»

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»
И «ПРАВОПОРЯДОК»

Vasilii Nikolaevich Galuzo,

PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science vgrmn@yandex.ru

Василий Николаевич Галузо,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки
vgrmn@yandex.ru

Для цитирования: В.Н. Галузо Соотношение понятий «национальная безопасность» и «правопорядок» // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 39-43.

Annotation. In the article on the basis of the analysis of literature and legislation on the correlation of the concepts of «national security» and «law and order» several generalizing judgments are made: from the use of the concept of «national security» to violate the rules of formal logic, in the legal literature and legislation must be abandoned; alternatively, the concept of «national security» it is expedient to use the concept of «state security» and the corresponding concepts of «public safety» and «security of person»; the basis of the use of the concepts of «state security», «security» and security of the person» is the doctrine of parity in the interests of the state, society and the individual; from the use of the concept of «law and order», as not corresponding to the rules of formal logic, in the legal literature and legislation should be abandoned; as an alternative to the concept of «law and order» it is advisable to use the concepts of «legal state», «law as an exclusive regulator of public relations», «lawful behavior».

Keywords: Russian Federation; the laws; normative legal act, the Constitution of the Russian Federation; Federal law of the Russian Federation «On security» of December 7, 2010; «national security»; «state security»; «security»; «security of person»; the doctrine of parity in the interests of the state, society, and personality»; «law and order»; «state of law», «law as the exclusive regulator of public relations», «good behavior»

Аннотация. В статье на основе анализа литературы и законодательства о соотношении понятий «национальная безопасность» и «правопорядок» высказано несколько обобщающих суждений: от использования понятия «национальная безопасность», как не соответствующее правилам формальной логики, в юридической литературе и в законодательстве необходимо отказаться; в качестве альтернативы понятию «национальная безопасность» целесообразно использовать понятие «безопасность государства», а также корреспондирующие ему понятия – «безопасность общества» и «безопасность личности»; основу использования понятий «безопасность государства», «безопасность общества» и «безопасность личности» составляет доктрина паритета в обеспечении интересов соответственно государства, общества и личности; от использования понятия «правопорядок», как не соответствующего правилам формальной логики, в юридической литературе и в законодательстве необходимо отказаться; в качестве альтернативы понятию «правопорядок» целесообразно использовать понятия «правовое государство», «право как исключительный регулятор общественных отношений», «правомерное поведение».

Ключевые слова: Российская Федерация; законодательство; нормативный правовой акт; Конституция РФ; Федеральный закон РФ «О безопасности» от 7 декабря 2010 г.; «национальная безопасность»; «безопасность государства»; «безопасность общества»; «безопасность личности»; доктрина паритета в обеспечении интересов государства, общества и личности; «правопорядок», «правовое государство», «право, как исключительный регулятор общественных отношений», «правомерное поведение»

Предметом данной статьи являются понятия «национальная безопасность» и «правопорядок» и их соотношение.

Первоначально о состоянии теории.

Так, Е.С. Папрыгин в своем научном исследовании, предметом которого является «качественные характеристики правового порядка, определяемые его связью с различными поли-

тико-правовыми режимами», обосновал следующее «положение»: «4. Правопорядок имеет политическую (как оформление властной государственной воли), социальную (потребность в общественном порядке) и собственно правовую (потребность в справедливости) природу.

В каждом реальном правопорядке его природа заключена в сложном и неравномерном соче-

тании данных трех компонентов»¹.

Е.В. Воробьева исследовала «институционально-правовой порядок, генезис представлений о природе, специфике и социально-политическом значении правопорядка в обществе» («Поиск национальной модели институционально-правового порядка, адекватного государственно-правовому и духовно-нравственному развитию российского общества не только оправдан с точки зрения теоретических исследований, но и необходим в плане практического существования единой и целостной государственности, восстановления стабильности и предсказуемости развития общественных отношений»)².

Авторы-единомышленники (А.А. Бондарев и С.В. Клевцов) обосновали следующее обобщающее суждение: «Поведение человека в сфере правового регулирования есть сложное социальное, психологическое и правовое явление, широкое по объему, неоднородное по характеру и формам проявления. С позиции права поведение оценивается по-разному и выделяются следующие основные его виды: правомерное, противоправное, объективно противоправное и злоупотребление правом»³.

Е.В. Свинин умозаключает: «Законность и правопорядок выступают фундаментальными категориями юридической науки. В них отражаются результаты действия права, поэтому верное представление о содержании и соотношении этих категорий имеет огромное значение для понимания социального предназначения права и специфики его регулятивного воздействия»⁴.

В научном исследовании К.С. Сердобинцева, предметом которого «выступает логика функционирования и развития общественно-государственной системы России, проявляющаяся в различных моделях взаимодействия государственных институтов, в том числе правоохранительной системы, и социума, включая институты гражданского общества», обосновал следующее «положение»: «2. Взаимодействие государства и гражданского общества, основанные лишь на его нормативном характере, не могут привести к желаемому результату, т.е. подлинному взаимоположению этих важнейших элементов социетальной системы»⁵.

А.В. Степанов исследовал «миграционный правопорядок» («Подводя итог анализу определений «национальной безопасности» представляется возможным сформулировать авторскую позицию на определение национальной безопасности, под которой в современных услови-

ях можно понимать государственной-правовой институт, включающий комплекс механизмов и структур по обеспечению состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз в различных сферах (военной, государственной, общественной, в том числе миграционной, пограничной, продовольственной, экономической, экологической, информационной, а также науки, технологий, образования, культуры и повышения качества жизни российских граждан)»⁶.

М.Б. Смоленский раскрыл «характерные черты и особенности поддержания правопорядка и организации безопасности в Российской Федерации»⁷.

А.Д. Асеев обосновал следующий «вывод»: «Особенность существующей в России системы обеспечения безопасности заключаются в специфике президентской формы правления, определенных Конституцией Российской Федерации полномочиях должностных лиц и органов, отвечающих за состояние национальной безопасности. Свои особенности в систему обеспечения национальной безопасности приносят существенные характеристики национальных интересов и целей Российской Федерации, определяемых ее геополитическим положением, исторической самобытностью, традициями»⁸.

В.П. Беляев и С.Ю. Чапчиков провели «комплексный общетеоретический анализ понятия, сущности и содержания национальной безопасности, а также механизма ее обеспечения в современной России» («Проблема правового регулирования национальной безопасности в настоящее время представляется для России одной из ключевых, являясь, по сути, как условием, так и целью проведения реформирования во всех сферах государственной и общественной жизни, что в конечном итоге должно быть подчинено всестороннему укреплению суверенитета России, сохранению ее территориальной целостности и обеспечению национальных интересов»)⁹.

И.И. Климин и Д.Р. Ерофеев взаимоувязали региональную и национальную безопасность¹⁰.

Проведенный научный анализ, по мнению группы авторов (П.П. Фантров, В. Гуль, Н.А. Соловьева и В.М. Шинкарук), «позволит внести определенный вклад в развитие теории и практики исследования проблем взаимодействия государства и гражданского общества и использования ими технологий в процессе совместной деятельности по обеспечению национальной безопасности России»¹¹.

А.В. Безруков провел «системный анализ категорий правопорядка и безопасности»: «Резюмируя сказанное, подчеркнем, что категории правопорядка и безопасности, имея собственное социально-правовое содержание и природу, вместе с тем находятся в тесной диалектической взаимосвязи и взаимозависимости, обладают единой социальной обусловленностью, практически совпадающими предметными сферами и субъектным составом их обеспечения, во многом схожими конституционно-правовыми основами, предназначением и конституционным измерением.

Таким образом, правопорядок - это состояние упорядоченности общественных отношений, результат правотворческого и правореализационного процессов, а безопасность есть состояние защищенности личности, общества, государства. Качественное обеспечение безопасности и укрепление правопорядка достигаются посредством эффективной консолидированной работы всех органов публичной власти»¹².

Вероятно, не столь совершенные результаты научных изысканий относительно соотношения понятий «национальная безопасность» и «правопорядок» и их содержания предопределяют и несовершенство законодательства Российской Федерации¹³.

В первую очередь, обращаемся к нормативному правовому акту с наивысшей юридической силой на территории Российской Федерации¹⁴: к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.¹⁵.

В Конституции РФ термин «безопасность» в том или ином значении использован в статьях 13 («5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»), 37 («3. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы»), 55 («3. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных инте-

ресов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»), 56 («1. В условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия»), 71 («В ведении Российской Федерации находятся: ... м) оборона и безопасность; оборонное производство; определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества; производство ядовитых веществ, наркотических средств и порядок их использования;»), 72 («1. В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: ... б) защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон; ... д) природопользование; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры;»), 74 («2. Ограничения перемещения товаров и услуг могут вводиться в соответствии с федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей»), 82 («1. При вступлении в должность Президент Российской Федерации приносит народу следующую присягу: «Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу»), 83 («Президент Российской Федерации: ... ж) формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, статус которого определяется федеральным законом;»), 98 («1. Члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы обладают неприкосновенностью в течение всего срока их полномочий.

Они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, а также подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей»), 114 («1. Правительство Российской Федерации: ... д) осуществляет меры по обеспечению обо-

роны страны, государственной безопасности, реализации внешней политики Российской Федерации;»).

Положения Конституции РФ детализованы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой. В особенности, обращаемся к Федеральному закону РФ «О безопасности» от 7 декабря 2010 г.¹⁶ («Настоящий Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации, полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области безопасности, а также статус Совета Безопасности Российской Федерации ...» - ст. 1).

Положения Федерального закона РФ от 7 декабря 2010 г., а также действовавшего до его принятия Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г.¹⁷ фактически детализованы в нормативных правовых актах с равной юридической силой, что не может не вызывать возражений ввиду наметившейся тенденции на вульгаризацию права как регулятора общественных отношений¹⁸: Федеральный закон РФ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 1 декабря 1999 г.¹⁹; Федеральный закон РФ «О федеральной службе безопасности» от 22 февраля 1995 г.²⁰; Федеральный закон РФ «О радиационной безопасности населения» от 5 декабря 1995 г.²¹; Федеральный закон РФ «О транспортной безопасности» от 19 января 2007 г.²²; Федеральный закон РФ «О безопасности дорожного движения» от 15 ноября 1995 г.²³; Федеральный закон РФ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 20 июня 1997 г.²⁴; Федеральный закон РФ «О безопасности гидротехнических сооружений» от 23 июня 1997 г.²⁵; Федеральный закон РФ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» от 6 июля 2011 г.²⁶; Федеральный закон РФ «Об открытии банковских счетов и аккредитивов, о заключении договоров банковского вклада, договора на ведение реестра владельцев ценных бумаг хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение для оборонно-промышленного комплекса и безопасности Российской Федерации, и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 4 июля 2014 г.²⁷;

Федеральный закон РФ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» от 23 декабря 2009 г.²⁸.

Таким образом, понятия «национальная безопасность» и «правопорядок» ввиду их многозначности необходимо признать неустоявшимися.

Изложенное также позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, от использования понятия «национальная безопасность», как не соответствующего правилам формальной логики, в юридической литературе и в законодательстве необходимо отказаться.

Во-вторых, в качестве альтернативы понятию «национальная безопасность» целесообразно использовать понятие «безопасность государства», а также корреспондирующие понятия – «безопасность общества» и «безопасность личности».

В-третьих, основу использования понятий «безопасность государства», «безопасность общества» и «безопасность личности» составляет доктрина паритета в обеспечении интересов соответственно государства, общества и личности.

В-четвертых, от использования понятия «правопорядок», как не соответствующего правилам формальной логики, в юридической литературе и в законодательстве необходимо отказаться.

В-пятых, в качестве альтернативы понятию «правопорядок» целесообразно использовать понятия «правовое государство», «право, как исключительный регулятор общественных отношений», «правомерное поведение».

¹Папрыгин Е.С. Правопорядок в государствах с различными формами политико-правового режима: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8, 11.

²Воробьева Е.В. Правопорядок в современной России: Монография. Ростов-на-Дону, 2010. С. 2, 104.

³См.: Бондарев А.А., Клевцов С.В. Правовое поведение и правопорядок: Учебное пособие. Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2013. С. 87.

⁴Свинин Е.В. Законность и правопорядок в правовой жизни российского общества: Учебное пособие. Вологда: ВИПЭ ФСИН РФ, 2012. С. 68.

⁵Сердобинцев К.С. Гражданское общество и государственный правопорядок (социально-философский анализ): Автореферат дисс. ... докт.

философских наук. М., 2013. С. 7, 11.

⁶Степанов А.В. Национальная безопасность, миграционная безопасность, миграционный правовой порядок (теоретико-правовой анализ): Монография. Пермь: ФКОУ ВПО Пермский институт ФСИН РФ; Владимир: ВЮИ ФСИН РФ, 2015. С. 2, 242.

⁷Смоленский М.Б. Правопорядок и безопасность в Российской Федерации и роль структур государства и институтов гражданского общества в их укреплении: Монография. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2016. С. 2.

⁸Асеев А.Д. Национальная безопасность и геополитика России: Учебное пособие. М.: Институт государственного управления и права, 2017. С. 196.

⁹См.: Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. Национальная безопасность и механизм ее обеспечения (общетеоретический ракурс): Монография. М.: Юстицинформ, 2018. С. 2, 233.

¹⁰См.: Климин И.И., Ерофеев Д.Р. Региональная и национальная безопасность: Учебное пособие. С.-Пб.: Издательство Политехнического университета, 2018.

¹¹См.: Фантров П.П., Гуль В., Соловьева Н.А., Шинкарук В.М. Национальная безопасность России (контroversы общества и государства): Монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. С. 176.

¹²Безруков А.В. Правопорядок и безопасность: сущность, соотношение и конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 59 - 67.

¹³Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именованья государства // Вестник Московского

университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

¹⁴О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30.

¹⁵См.: СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102.

¹⁶См.: СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2; 2015. № 41 (часть II). Ст. 5639.

¹⁷См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

¹⁸Нами на это обстоятельство уже обращалось внимание (см, например Батюк В.И., Галузо В.Н. Право и политика в Российской Федерации: допустимо ли смешение? // Право и жизнь. 2018. № 2. С. 43-56).

¹⁹См.: СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150; ...; 2018. № 18. Ст. 2571.

²⁰См.: СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269; ...; 2018. № 11. Ст. 1591.

²¹См.: СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 141.

²²См.: СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 837.

²³См.: СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

²⁴См.: СЗ РФ. 1997 № 30. Ст. 3588.

²⁵См.: СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3589.

²⁶См.: СЗ РФ. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4604.

²⁷См.: СЗ РФ. 2014. № 30 (часть I. Ст. 4214.

²⁸См.: СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 5.

**PERSONAL CHARACTERISTICS OF MINORS
AND INDIVIDUAL PREVENTION**

**ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА**

Eugenii Semenovich Zhigarev,

Professor, Department of criminology, Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot-doctor of technical Sciences, Professor Honorary member (academic) Russian Academy of Sciences natural Sciences (RAEN)

Евгений Семенович Жигарев¹,

профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя доктор технических наук, профессор, Почетный член (академик) Российской академии естественных наук (РАЕН)

Для цитирования: Е.С. Жигарев. Личностные особенности несовершеннолетних и индивидуальная профилактика // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С.44-47.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, до 2020 года, утвержденной Указом Президента², одним из источников угроз государственной и общественной безопасности, безусловно, является и криминализация несовершеннолетних. Хотя тенденция за последние годы свидетельствует о снижении числа выявленных несовершеннолетних преступников, однако их доля в общей массе остается стабильной.

Здесь уместно также заметить, что уголовная статистика не отражает изменения, происходящие в демографическом соотношении возрастных категорий населения, в частности, несовершеннолетних, взрослых и престарелых людей. Доля последних ежегодно увеличивается, а несовершеннолетних уменьшается.

И еще: если бы на самом деле было все так благополучно в среде несовершеннолетних, тогда эта проблема не волновала общественность и Правительство Российской Федерации. Не случайно 27 июня прошлого года состоялось совместное заседание двух Межведомственных рабочих групп, одна из которых при Правительственной комиссии для подготовки предложений по мероприятиям, направленным на предотвращение случаев противоправного поведения несовершеннолетних, представляющих угрозу жизни и (или) здоровью людей.

На заседании было обращено внимание на необходимость расширения перечня категорий несовершеннолетних, в отношении которых необходимо проводить индивидуальную воспита-

тельную работу сотрудникам ПДН ОВД.

Но эта работа может быть гораздо эффективнее, если сотрудники ОВД, осуществляя индивидуальное профилактическое воздействие, будут учитывать и психические особенности личности несовершеннолетних правонарушителей. Именно в этом контексте и подготовлена данная статья.

Однако к личности человека достаточно долгое время было весьма упрощенное отношение, которое внедрили в наше сознание советские апологеты марксистского учения. В этой связи криминологи той поры свое внимание заострили лишь на единственной идеологеме, что личность, как и человек, представляет собой совокупность общественных отношений. А. Б. Сахаров в своей последней монографии, изданной в 1991 г., можно сказать, накануне идеологического многообразия, писал, что «в философии личность рассматривается как социальная сущность человека».

Как будто бы научное сообщество не понимало, что так трактует личность только марксистская философия. Потому что она основана на монизме, признающем одно начало – материю. Подобный примитивный взгляд на личность существенно повлиял и на развитие криминологической теории личности преступника.

Однако классики монистического учения марксизма в то же время говорили диаметрально противоположное, т. е. правильные слова, относящиеся к характеристике личности. В ином их представлении она уже рассматривалась носи-

тельницей психических свойств, которые индивидуализируют человека. Разве можно не согласиться, что каждый человек не только личность, но также индивидуум?

Индивидуальное в человеке – это его психический склад, переживания, мотивы поведения, которые, казалось бы, у всех одинаковые, но они переживаются и оцениваются по-разному, лично; а также таланты и способности, особенности нервной системы и протекания внутренних процессов – все это тоже откладывает отпечаток на формирование определенного типа личности индивида.

Однако она, как категория трансцендентная, не доступна наблюдению и эмпирическому исследованию. В этой связи криминологи и практические работники ОВД судят о личности конкретного человека по его действиям, поступкам и отношению к моральным ценностям и установленным правилам поведения в обществе.

Если бы законодатель не имел в виду, что личность человека – это самостоятельная психическая субстанция, формирующаяся, как отмечали те же апологеты учения марксизма, по иным, психологическим, законам, тогда в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» не говорили бы об индивидуальной профилактике.

Ведь в определении «индивидуальная» заключен конкретный смысл, что профилактические меры должны иметь личный характер, ибо каждый правонарушитель – это неповторимая индивидуальность.

Разумеется, и это понимает каждый криминолог, невозможно познать особенности каждой личности правонарушителя по отдельности. Однако можно и нужно учитывать в воспитательном воздействии ряд общих негативных психических признаков, связанных с правонарушающим поведением несовершеннолетних.

Отечественные ученые выявили следующие психические особенности, проявляемые несовершеннолетними в отклоняющемся поведении и противоправных поступках.

1. Гиперактивность или двигательная расторможенность, которая может сочетаться с другими отклонениями.

Повышенная эмоциональная возбудимость или аффективное поведение, характеризующее склонность несовершеннолетних к острым и разрушительным эмоциональным состояниям. Сопровождается, как правило, проявлениями

упрямства, необузданных эмоций, импульсивности поступков и т. п.

2. Аутичность – погружение в себя, отчужденность от окружения. Несовершеннолетние с подобной особенностью психики относятся также к категории «трудных», поскольку обычные способы взаимодействия и профилактического воздействия не всегда ими принимаются.

3. Негативизм, как правило, проявляется в немотивированном сопротивлении любому влиянию, исходящему от сотрудников ПДН (полиции). В литературе по психологии выделяются две формы негативизма – пассивный, выражающийся в отказе выполнять предъявляемые требования, и активный, при котором несовершеннолетний правонарушитель, вдобавок, совершает и противоположные требуемым действия. Такие действия при длительном эмоциональном неблагополучии личности несовершеннолетнего могут оформиться в поведенческую привычку.

4. Жестокость и агрессивность обычно выражаются в драках, оскорблениях, брани, стремлении деспотизма к слабым сверстникам или мученичестве животных.

5. Повышенная внушаемость. Несовершеннолетние с подобной психической особенностью легко поддаются постороннему воздействию и готовы подчиниться требованию лидера неформальной группы антиобщественной направленности поведения.

6. Страсть к бродяжничеству может быть патологическим влечением психопатических и истерических личностей несовершеннолетних. Однако при неоднократных побегах из дома по причине физического насилия над несовершеннолетним может стать его привычкой.

7. Бесцельное воровство – зачаточная форма явления, которое психологи называют kleptomанией. Она развивается на почве определенных психических заболеваний и впоследствии такие действия становятся обычными, постоянными.

Все эти и другие особенности³, проявляемые несформировавшейся психикой несовершеннолетнего, свидетельствуют о том, что они не приобретенные из среды, а прирожденные. Среда лишь их усугубляет или, наоборот, может затормозить развитие.

В связи со сказанным криминологам нужно поменять монистическое представление о человеке и рассматривать его как трихотомическое образование, состоящее из неразделимых элементов: тела, души и духа. Правда, сложность такого представления заключается в том, что на-

блюдению и криминологическому исследованию личность поддается лишь как предметно-пространственный объект со своими демографическими и социальными характеристиками.

Личность же как субъект, выражаемая трансцендентными категориями «душа» (нравственная основа) и «дух» (разумная основа), проявляет себя только в поступках, поведении и отношении, т. е. раскрывает себя в материализовавшихся действиях и, конечно, не полностью, а частично. Ведь индивидуальное профилактическое воздействие направлено именно на нравственную основу человека – личность, на невидимом глазу душу, качества которой индивид проявил в криминальном поступке.

Но советские, а теперь и постсоветские криминологи продолжают утверждать: чтобы родившийся человек стал личностью, он должен пройти соответствующие стадии биологического и социального развития⁴. А то, что личность – категория метафизическая, представляющая собой духовно-нравственную основу человека, его психическое содержание, эти авторы, как кажется, даже не подозревают.

Потому на этой основе только и могла возникнуть концепция социального (объективного) детерминизма, которая утверждает невообразимое: что содержательная сторона человека, т. е. все, что характеризует его как личность – мировоззрение, нравственные и этические ценности, стремления, интеллект и воля, – не обусловлено психически, а имеет социальное происхождение⁵. Отсюда, по их утверждению, и индивидуальная профилактика должна быть направлена не на воспитательное воздействие, а на разрешение неких противоречий между личностью, в том числе и личностью несовершеннолетних, и обществом⁶.

Кстати, апологеты учения марксизма, являющегося методологией для криминологов, подготовивших шесть аналогичных по содержанию изданий данного учебника, не согласны с такой точкой зрения, позиционирующей антагонизм (противоречие) личности и общества, личного и общественного⁷. И это правильно. Потому что и общество, и все происходящие в нем явления – все это произведено человеком, все является результатом его деятельности. Следовательно, общество без человека – пустая фраза и не более. Поэтому каков человек – таково и общество, а не наоборот.

Таким образом, качественное состояние общества и его разнообразных отношений на-

прямую связаны с уровнем духовности и нравственности личности людей, его формирующих и развивающих. Это непреложная истина.

Кроме того, индивидуальная профилактика была бы невозможной, если бы личность не обладала главной особенностью – свободой воли, благодаря которой она «конструирует» себя сама. В то же время смешивать внутреннюю свободу личности, особенно проявляемую в несовершеннолетнем возрасте, когда не сформированы ею осознанно сдерживающие факторы, с «объективно детерминированным спектром возможностей»⁸ нельзя, ибо это методологически безграмотно.

Внутренняя свобода всегда субъективна и ограничивается самой личностью человека. Например, действия, поступки (в том числе и криминальные), вызванные внутренними побудительными причинами (мотивами), индивид вполне может приостановить самолично на любой стадии их развития.

Внешняя же свобода объективна и всегда ограничивается принятыми в обществе моральными и правовыми нормами.

Сложно представить индивидуальное профилактическое воздействие на личность несовершеннолетних, если бы она была несвободной. Тогда бы терялся смысл профилактики, меры которой преследуют цель исправления, перевоспитания правонарушителя. А этот процесс должен происходить индивидуально, с учетом и прирожденных, и приобретенных психических особенностей и качеств несовершеннолетнего.

И последнее. В профилактической деятельности ОВД в отношении правонарушителей (и в первую очередь несовершеннолетних) используются два метода воздействия: главный – убеждение и вспомогательный – принуждение. В данном случае термин «убеждение» понимается как деятельность сотрудников ПДН, возбуждающая у профилируемого лица веру в свои силы и стремление встать на путь исправления. А теперь представим, что личность правонарушителя не свободна, а подчинена и зависима от пресловутых общественных отношений. Ведь авторы приведенного учебника считают личность социальной категорией, которую образуют признаки, обусловленные общественными отношениями.

Из этого тезиса вытекает логический вывод: зависимую личность невозможно убедить, если ее сознание, чувства и воля не свободны. И применение метода убеждения путем проведения задушевных бесед, используя аргументированные

слова и положительные примеры из жизни профилактируемого, отпадает само по себе.

Однако именно его в первую очередь применяют сотрудники ОВД, осуществляя индивидуальную профилактику. Следовательно, практика подсказывает этим криминологам, позиционирующим социальный детерминизм, что они не правы, когда пропагандируют личность социальной категорией.

Метод убеждения пронизывает весь процесс воспитательного воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя, достигая следующих целей: недопущения совершения повторных противоправных деяний и антиобщественных проступков; развития имеющихся у правонарушителя положительных качеств; и ограничения проявлений отрицательных черт и свойств характера, о которых говорилось выше.

Профилактическое воздействие поэтому и называется индивидуальным, потому что законодатель признает человека личностью неповторимой, имеющей духовно-нравственную основу, отличающую его от животных, действующих рефлексивно (т. е. произвольно), и определяющую поведение и поступки человека рефлексивно (т. е. осмысленно).

Таким образом, и теория, и практика однозначно подтверждают, что личность несовершеннолетних – категория духовно-нравственная, метафизическая, поэтому воочию наблюдать ее не может. Но она проявляет себя в виде психических особенностей характера, на которые нужно обращать внимание при анализе неадекватных поступков и противоправных форм поведения

несовершеннолетних.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2019 года // URL: <https://мвд.пф/reports/item/18556721> (дата обращения 05.11.2019).
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»: // URL.: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2019).
3. Познышев С. В. Детская преступность и меры борьбы с ней. М.: Издание общества, 1911.
4. Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 // URL.: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2019).

¹© Жигарев Е. С., 2020

²Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета, 2009. 19 мая.

³Педагогика: учебник / Л. П. Крившенко, М. Е. Вайндорф-Сысоева и др. / под ред. Л. П. Крившенко. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 408409.

⁴Криминология: учебник для студентов вузов / [Г. А. Аванесов и др.]; под ред. Г. А. Аванесова. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 285.

⁵Криминология. 6-е изд. С. 257.

⁶Там же. С. 289.

⁷Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. – М.: Политиздат, 1963. С. 235.

⁸Криминология. 6-е изд. С. 314.

**PREVENTION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES, AS PART OF THE
PREVENTION OF ADMINISTRATIVE TORT BY URBAN MEASURES**

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, КАК
ЧАСТЬ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОЯВЛЕНИЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЛИКТ-
НОСТИ МЕРАМИ УРБАНИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА**

Gleb Nikolaevich Vasilenko,

Deputy head of the Department administrative law
Moscow University of the MIA of Russia named after Vladimir Kikot,
candidate of legal Sciences, associate Professor

Глеб Николаевич Василенко¹,

заместитель начальника кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Для цитирования: Г.Н. Василенко. Предупреждение административных правонарушений, как часть профилактики проявлений административной деликтности мерами урбанистического характера // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 48-51.

Качество современной городской жизни во многом определяется уровнем безопасности, который способна обеспечить система государственной и муниципальной власти, а также общественность.

Безопасность давно перестала быть сферой интересов исключительно государственных правоохранительных структур. Современные реалии наглядно демонстрируют, что приемлемый для комфортного существования и развития людей уровень безопасности в городе можно обеспечить лишь совместными усилиями управленцев, экономистов, экологов, энергетиков, планировщиков городских пространств и транспортных систем, специалистов, обеспечивающих нормальное функционирование социальной и жилищно-коммунальной инфраструктуры, и многими другими.

Одной из самых масштабных угроз безопасности в городе является административная деликтность. Высокая степень латентности не позволяет назвать точное количество административных правонарушений, совершаемых в городах, однако сама природа административного деликта и многообразие его проявлений (от перехода проезжей части на запрещающий сигнал светофора до ограничения конкуренции органами местного самоуправления) не оставляет сомнений в грандиозном по своему охвату воздействию на

нормальное развитие общественных отношений во всех без преувеличения сферах жизни города. Административная деликтность – это отрицательное, асоциальное, исторически обусловленное явление. Ее трудно контролировать и еще сложнее ей противостоять. В ближайшей перспективе основная цель государства и общества в этой части состоит в недопущении развития и дальнейшего роста административной деликтности, нейтрализации влияния этого негативного фактора на общественные отношения.

При разработке и введении в действие возможных механизмов противодействия административным правонарушениям в части их профилактики необходимо, на наш взгляд, в первую очередь учитывать следующие обстоятельства:

- степень общественной вредности административного правонарушения или группы однородных правонарушений на отдельно взятой городской территории.

Универсальных средств для профилактики совершения административных правонарушений не существует, действовать необходимо точно, понимая, что именно критически негативно в определенный период времени способно воздействовать на правопорядок и безопасность жителей (посетителей) города и его инфраструктуру.

В этой связи очевидна необходимость

создания системы мониторинга состояния городской (районной) безопасности, обладающей помимо прочих свойствами моментальной объективности, информационной мобильности, доступности для широкого круга лиц – источников информации; защищенности передаваемых сведений;

- финансовую целесообразность и экономический эффект от применения мер профилактики. Квалифицированное обоснование указанных критериев обязательно должно предшествовать процессу их реализации;

- наличие независимого общественного контроля и соответствующей научно обоснованной методики оценки результатов применения мер профилактики;

- открытость и доступность результатов и хода применения мер профилактики;

- нормативно-определенная персональная, в том числе материальная, ответственность лиц, уполномоченных принимать решения в рамках подготовки и реализации мер профилактики;

- наличие единого органа управления процессом подготовки и реализации конкретных мер профилактики на городском уровне;

- наличие «гибкой» нормативно-правовой базы, позволяющей оперативно, без длительных согласительных процедур регулировать процессы подготовки и реализации мер профилактики.

Приведенные выше обстоятельства должны найти свое отражение в городских программах профилактики административных правонарушений, в концептуальных документах, содержащих принципиальные основы указанной деятельности.

В развитие темы статьи обратим внимание на то, что предупреждение следует отличать от профилактики.

Профилактика административных правонарушений – это комплекс сил и средств, направленный на недопущение возникновения проявлений административной деликтности. Профилактика – это не правовая категория.

Предупреждение административных правонарушений – это форма нормативно-установленного административно-правового воздействия уполномоченных должностных лиц на потенциальный источник угрозы безопасности путем частной и публичной првенции.

Предупреждение, исходя из положений

законодательства об административных правонарушениях, достигается только через наложение на виновное лицо административного наказания. Это, взятое в отдельности от системы профилактики, средство, с нашей точки зрения, не имеет должного эффекта и не влияет на уровень безопасности так, как этого требует общество в лице жителей города.

В этой связи полагал бы целесообразным в интересах противодействия административной деликтности рассматривать предупреждение как неотъемлемую, но не обязательную часть системы профилактики совершения административных правонарушений.

На сегодняшний день отсутствует государственная система противодействия административной деликтности в части предупреждения административных правонарушений на уровне городов, механизмы профилактики разрознены и работают не эффективно [1].

Подобное положение вещей можно наблюдать в сфере транспортной, экологической безопасности, в сфере охраны собственности, массовый характер носят административные правонарушения, посягающие на общественный порядок, и многие другие.

В сложившихся условиях необходима разработка новых способов противодействия проявлениям административной деликтности, и, в первую очередь, в городских населенных пунктах, где число правонарушенийкратно больше, чем в сельской местности.

Наука «административная деликтология» связана с административно-правовыми нормами, при этом основное ее внимание уделяется явлениям реальной жизни: правонарушениям, их субъектам, причинам и условиям совершения проступков, мерам борьбы с ними. Значительная часть таких мер реализуется в условиях современной урбанизации [2].

Многие преобразования, характерные для настоящего времени, обусловлены историческим процессом повышения роли городов в развитии общества, который охватывает социально-профессиональную, демографическую структуру населения, его образ жизни, культуру, размещение производительных сил, расселение и т. д.

Проблема урбанизации и ее последствий

на протяжении длительного периода времени обсуждается социологами, экономистами, демографами, географами, криминологами и, конечно, ученые административисты не могли оставить этот вопрос без внимания. Сегодня остро актуальным следует признать вопрос переосмысления самого явления административного деликта, его социальной природы, его содержания в условиях современного развития общества.

Учитывая высокий уровень деликтности в городах, выделяют два направления профилактики административной деликтности в таких населенных пунктах:

- общие урбанистические меры (направленные на снижение уровня административной деликтности в целом);
- специальные урбанистические меры (направленные на снижение числа административных правонарушений в конкретной сфере).

В целях иллюстрации возможностей общих мер урбанистического характера рассмотрим озеленение районов как способ профилактики административных правонарушений.

Еще в 1285 г. английский король Эдуард I издал указ, по которому обочины дорог полагалось очищать от деревьев и кустарников, чтобы грабителям было неудобно нападать на путешественников из засады.

Как известно, преступники редко нарушают закон в людных местах, потому что чем больше вокруг людей, тем больше вероятность оказаться замеченным. Озеленение способствует тому, чтобы жители домов выходили во дворы и проводили там существенную часть своего свободного времени.

Простая статистика наглядно показывает, что чем больше во дворах деревьев и зелени, удобно благоустроенных мест отдыха, тем больше людей там находится. Родители гораздо охотнее приходят на игровые площадки со своими детьми, если они окружены зелеными деревьями и кустарниками. Таким образом, озеленение способствует тому, чтобы общественные пространства внутри жилых районов городов постоянно находились под надзором их жителей.

В подтверждение вышесказанного позволим себе упомянуть об одном исследовании, которое в начале 2000-х годов провели американские урбанисты Френсис Куо и Уильям

Салливан. Их исследование касалось зависимости количества совершаемых правонарушений от озеленения в городах.

Исследователи отобрали чуть меньше сотни одинаковых домов с равным количеством жителей, но разной степенью озеленения. Затем они запросили у полиции отчеты о правонарушениях, совершенных там за последние два года. Учет велся по трем показателям: общее количество всех правонарушений, насильственные правонарушения (нападения, драки, грабежи и убийства) и имущественные правонарушения (кражи, угоны автомобилей и велосипедов, взломы квартир и поджоги).

Простой подсчет показал, что чем больше озеленения внутри отдельного квартала, тем меньше там совершалось правонарушений – и имущественных, и насильственных, и всех остальных.

По результатам исследования было установлено, что в домах и дворах с хорошим озеленением происходило в среднем на 52 % меньше правонарушений, чем в домах и дворах без озеленения. При этом количество насильственных правонарушений благодаря озеленению сокращается на 56 %, а количество имущественных правонарушений – на 48 %.

Общие меры урбанистического характера связаны с городской средой, с ее инфраструктурой – на первый взгляд незначительные изменения могут привести к существенным успехам в противодействии административной деликтности. Примерами урбанистических мер общего характера являются городское освещение, системы видеонаблюдения, тревожные кнопки в общественных местах, спроектированные с учетом необходимости предупреждения административных правонарушений общественные городские пространства и многое другое. Задача городских властей – организовать и систематизировать работу по выработке таких мер с учетом проводимых научных исследований.

Обращаясь к специальным урбанистическим мерам, нельзя обойти стороной область безопасности дорожного движения, так как огромное значение для города имеет транспорт. Чем выше плотность автомобильных и железных дорог, тем более развита материальная база транспортного обслуживания населения. В то же время выше показатели,

характеризующие деликтность.

При этом большинства этих трагедий можно было избежать, если бы в России изменились подходы к проектированию городских улиц. Обратив внимание на то, как спроектированы улицы в Лондоне, Берлине, Париже, Амстердаме, сразу видно, насколько там безопаснее ездить на велосипеде, переходить дорогу.

Водители ездят спокойнее, правила нарушают намного реже. Очень важно делать город безопасным. Проектировать улицы и пешеходные переходы так, чтобы они не провоцировали никого нарушать правила. Когда в центре города строится многополосное шоссе без светофоров, не стоит удивляться потом, что водители на нем устраивают гонки.

Следует согласиться с популярным блогером И. Варламовым, занимающимся вопросами организации городской среды, который безоговорочно отдает приоритет в городе пешеходам. В городе не должно быть внеуличных переходов, самый безопасный переход в городе – это зебра. На трассе, естественно, внеуличные переходы целесообразны – там автомобильное движение не должно пересекаться с пешеходным [3].

В законодательстве об административной ответственности в области дорожного движения присутствует избыточность административно-правовых составов, прямо не влияющих на обеспечение безопасности дорожного движения, что является одной из причин роста административной деликтности. Ужесточение санкций стало основным и весьма сомнительным способом «решения проблемы» обеспечения безопасности дорожного движе-

ния. При этом размеры действующих наказаний не обоснованы научными исследованиями. Исключительно карательное воздействие на нарушителей не способно предупреждать специальные административные деликты – необходим комплекс мер, большую часть которых должны составлять меры урбанистического характера.

Список литературы

1. Шурухнова Д. Н., Муратов А. А. Перспективы развития регионального административно-деликтного законодательства. В кн.: Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича: в 3 ч. 2017. С. 131-137.
2. Лобанова И. К. Предупреждение совершаемых юридическими лицами административных правонарушений, посягающих на трудовые права граждан. Сборник статей по материалам XV Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения). Ч 2. 2019. С. 142-146.
3. Мараев К. Е. Актуальные вопросы применения закрытого способа определения поставщика // Вестник экономической безопасности, 2016. № 3. С. 23-26.

¹© Г.Н. Василенко, 2020

USE OF ELECTRONIC PAYMENT SYSTEMS FOR CRIMINAL PURPOSES

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ
ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ**

Nikolay Leonidovich Denisov,

associate Professor of criminal law at Moscow state University Candidate of law

N. Yu. Romashkina,

4th year cadet of the faculty of training employees for economic security and anti-corruption units of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

Николай Леонидович Денисов¹,

доцент кафедры уголовного права Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

кандидат юридических наук

Н. Ю. Ромашкина²,

курсант 4 курса факультета подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Для цитирования: Н.Л. Денисов, Н. Ю. Ромашкина. Использование электронных платежных систем в преступных целях // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С.52-54.

Использование электронных платежных систем, электронных платежей и виртуальной валюты сегодня обусловлено необходимостью быстрого и экономически выгодного сотрудничества большого количества организаций как внутри страны, так и с иностранными партнерами. Рынок стал функционировать все больше в телекоммуникационном пространстве, что само по себе порождает необходимость в использовании технологий для осуществления расчетных операций.

Правовым основанием осуществления такого рода отношений сегодня является Федеральный закон «О национальной платежной системе». Данным нормативным актом определены предмет регулирования, т. е. сами отношения, возникающие в процессе осуществления платежей, участники отноше-

ний, основные требования и осуществление надзора за данной областью общественных отношений.

Однако, несмотря на существование закона, использование электронных платежных систем как способ совершения преступления сегодня проявляется во все большем количестве преступных посягательств различного характера.

Так, например, по статистике Генеральной прокуратуры, по ст. 159.3 УК РФ, которая непосредственно устанавливает уголовную ответственность за преступление, связанное с использованием электронных платежных систем, просматривается рост преступлений к 2018 году: их количество почти совпадает с аналогичным в 2013 году, когда норма только вступила в силу³. (табл. 1)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Янв.– июнь 2017	Янв.– июнь 2018
Мошенничество с использованием электронных средств платежа, ст. 159.3 УК РФ	–	85	1297	925	565	266	228	110	741

Однако электронные платежные системы используются и при совершении других преступлений, которые непосредственно не связаны с посягательством на такие системы.

Например, сегодня зачастую операции по незаконному обороту наркотических средств, уголовная ответственность за который предусмотрена ст. 228 УК РФ, стали производиться через электронные платежи. Данный способ оплаты выбирается преступниками, поскольку имеет ряд преимуществ:

- простота и удобность осуществления расчетных операций;
- высокий уровень портативности: возможность осуществления расчетов с любого устройства, в любом месте, нет необходимости транспортировать большие суммы наличных денег;
- конфиденциальность расчетов: транзакции защищены от доступа к ним третьих лиц;
- быстрота проведения расчетов и пр.

При рассмотрении правоприменительной практики сотрудников правоохранительных органов, которые специализируются на выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом запрещенных веществ с использованием средств электронного платежа, было выявлено, что электронные платежные системы выполняют вспомогательную роль, обусловленную потребностями современного рынка реализации наркотических средств, использующего современные средства осуществления процесса купли-продажи.

Также процесс сбыта наркотиков посредством электронных платежных систем позволяет преступным сообществам препятствовать осуществлению правоохранительными органами оперативно-разыскных мероприятий, например, проверочной закупки.

Стоит сказать, что наибольшую роль электронные платежи играют в преступлении, которое обычно следует за незаконным оборотом наркотических средств – в легализации доходов, полученных в результате сбыта (или полученных в результате совершения иных преступлений).

Существующие банковские финансовые инструменты, которые предоставляют возможность участникам рынка осуществлять операции по купле-продаже товаров и услуг с помощью безналичных расчетов, имеют в качестве посредника какое-либо финансовое

учреждение (банк) или эмитента банковской карты. При этом электронные платежные системы функционируют без участия кредитной организации, что ограждает проведенную транзакцию от обязательной проверки, поэтому снижается риск обнаружения следов преступления, а также снижаются затраты на само совершение операции и создаются некоторые условия для повышения экономической конкурентоспособности.

Средства, инструменты, современные технологии и существующая последовательность действий, которые применяют преступники для легализации доходов, полученных посредством совершения интернет-преступлений, не только разнообразны, но и быстро модернизируются. Для эффективности осуществления преступных схем необходимо, чтобы правоохранительным органам не были известны все инструменты, поэтому они должны перманентно обновляться.

Перечислим всего лишь некоторые, наиболее известные формы отмывания денежных средств через интернет-технологии:

- создание и использование счетов, зарегистрированных на «подставных» лиц;
- использование фирм-однодневок;
- осуществление ряда расчетных операций через несколько различных счетов в банке посредством удаленного доступа;
- обналичивание денежных средств через банкоматы;
- использование национальных и международных электронных платежных систем;
- использование электронных денег и осуществление платежей через электронные кошельки;
- конвертация незаконных доходов в товары путем приобретения последних через сеть «Интернет»⁴.

Таким образом, сегодняшний уровень развития электронных платежных систем позволяет осуществлять различного рода платежи, при этом сохраняя конфиденциальность лиц, сущности операций и сумм. Удобство в использовании данного способа осуществления расчета позволяет преступникам быстро и максимально скрыто от правоохранительных органов осуществлять незаконную деятельность, практически не оставляя следов.

Данная проблема сегодня все больше стала касаться экономических преступлений,

поскольку в ходе таковых преступник получает незаконный доход, который необходимо легализовать, либо осуществляет само незаконное получение денежных средств через электронные платежные системы в результате мошеннических действий.

Регулирование данных общественных отношений, как уже говорилось ранее, основывается на ФЗ «О национальной платежной системе». Однако существует и ряд других нормативных актов, которые затрагивают данную сферу, например, ФЗ «О связи», ФЗ «О персональных данных», ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и т. д. В Уголовном кодексе Российской Федерации также содержатся нормы, устанавливающие уголовную ответственность за преступления с использованием электронных платежных систем.

Однако, на наш взгляд, действующих норм недостаточно, чтобы охватить все преступные посягательства, которые сегодня совершаются при расчетах электронными платежами. Возможно, законодателю стоит рассмотреть вопрос о введении новых норм, уточняющих способ совершения преступления – с использованием электронных платежных систем – и дополнить Уголовный кодекс соответствующими статьями. Например, ст. 174.2 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, с использованием электронных платежных систем» и пр. На наш взгляд, это не только облегчит инкриминирование статей, поскольку будет уточнен способ совершения преступления, но также это может иметь профилактическое воздействие.

Список литературы

1. Криминология и предупреждение преступлений: учебник для студентов образовательных учреждений СПО / [Е. А. Антонян и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 335 с.
2. Европейская Конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве). Будапешт, 23 ноября 2001 г.
3. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной преступности с участием несовершеннолетних: / С. В. Иванцов, О. Н. Ивасюк, И. В. Калашников: учебно-методическое пособие / М., 2015. – 135 с.
4. Войде Е. Г. Правовые средства реализации прав человека // Вектор развития общеправовой теории как векторы правопонимания: Сборник научных статей. – М.: Издательская группа «Граница». 2013. С. 72-83.

¹© Денисов Н. Л., 2019.

²© Ромашкина Н. Ю., 2019.

³Генеральная прокуратура предоставила «АГ» расширенную статистику преступлений, совершаемых с использованием современных технологий [Электронный ресурс] / Е. Зубова // Адвокатская газета, 2018. – (13.11.2018). – URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/kiberprestupleniy-stanovitsya-vse-bolshe-odnako-ikh-raskryvaemostumenshaetsya/> (дата обращения: 15.09.2019).

⁴Слегина К. А., Назарова Ю. О. Отмывание денег через интернет-технологии // Студенческий: электрон. научн. журн. 2018. № 9 (29). URL: <https://sibac.info/journal/student/29/105442> (дата обращения: 15.09.2019).

**ON THE CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF ROAD TRAFFIC CRIMES AND
OFFENSES IN VIETNAM**

**К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И ПРАВОНАРУШЕНИЙ ВО ВЬЕТНАМЕ**

Elena Aleksandrovna Solomatina,

associate Professor of criminology

V. Ya. Kikotya Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia candidate of law, associate Professor

Dao Phuong Bin,

cadet of the faculty of training foreign specialists

Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia

named after V. Ya. Kikot

Елена Александровна Соломатина¹,

доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

Дао Фьонг Бинь²,

курсант факультета подготовки иностранных специалистов

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Для цитирования: Е.А. Соломатина, Д.Ф. Бинь. К вопросу о криминологических аспектах дорожно-транспортных преступлений и правонарушений во Вьетнаме // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 55-59.

На сегодняшний день Российская Федерация в целом и Министерство внутренних дел Российской Федерации в частности активные участники международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Необходимость расширения и углубления международного сотрудничества в предупреждении различных видов преступлений обусловлена качественными и количественными изменениями различных видов преступности, международной (транснациональной) преступности.

Следует отметить, что координация усилий государств в противодействии отдельным видам уголовных преступлений издавна предусматривалась в международных соглашениях. И само международное сотрудничество в противодействии преступности определилось как объединение усилий государств и других участников международных отношений с целью повышения эффективности предупреждения преступлений и исправления правонарушителей.

Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью и охраны правопорядка, обеспечения защиты прав и свобод человека

в настоящее время осуществляется на разных уровнях. Сотрудничество на двустороннем уровне позволяет на сегодняшний день учесть характер отношений между двумя государствами, их интересы по каждой проблеме.

На данном уровне наибольшее распространение получило оказание правовой помощи по уголовным делам, выдача преступников, передача осужденных лиц для отбывания наказания в то государство, гражданами которого они являются.

В целом международное сотрудничество в противодействии преступности осуществляется в следующих основных направлениях: заключение и реализация договоров о противодействии преступлениям, представляющим международную опасность; оказание правовой помощи по уголовным делам, включая экстрадицию.

К основным формам такого сотрудничества традиционно относят:

- обмен информацией о готовящихся или совершенных преступлениях и причастных к ним лицах;
- исполнение запросов о проведении оперативно-разыскных мероприятий и следствен-

ных действий;

- розыск лиц, скрывающихся от уголовного преследования или исполнения приговора, а также лиц, без вести пропавших;
- получение свидетельских показаний; содействие в предоставлении задержанных или других лиц в даче свидетельских показаний, предоставление судебных документов;
- предоставление информации о вещественных доказательствах;
- предоставление оригиналов или заверенных копий материалов уголовных дел;
- обмен информацией о новых видах преступлений;
- обмен опытом работы, в том числе проведение стажировок, консультаций и семинаров;
- обмен законодательными и иными нормативными правовыми актами.

Необходимо отметить, что указанные направления и формы по мере развития сотрудничества могут дополняться, уточняться и т. д., но всегда с соблюдением законодательства и международных обязательств своих государств.

На сегодняшний день органы внутренних дел осуществляют сотрудничество на основе заключенных соглашений между соответствующими подразделениями различных стран. В настоящее время МВД России взаимодействует с правоохранительными органами более 40 зарубежных государств.

Так, например, 27 марта 2002 г. в г. Ханой было заключено Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам.

В этом Соглашении стороны договорились, что будут взаимодействовать по таким направлениям, как: поддержание общественного порядка; обеспечение безопасности дорожного движения и др.

В целях реализации положений ст. 2 настоящего Соглашения Стороны будут осуществлять сотрудничество в следующих формах:

- обмен представляющей интерес информацией о готовящихся или совершенных преступлениях и причастных к ним лицах;
- исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- розыск лиц, скрывающихся от уголовного преследования или исполнения приговора, а также лиц, без вести пропавших;
- обмен информацией о новых видах нарко-

тических средств и психотропных веществ, появившихся в незаконном обороте, о технологиях их изготовления и используемых при этом веществах, а также о новых методах исследования и идентификации наркотических средств и психотропных веществ;

- розыск и возвращение в установленном порядке предметов (вещей), имеющих номера или специфические отличительные признаки;
- обмен опытом работы, проведение стажировок, консультаций и семинаров;
- обмен нормативными правовыми актами, статистическими данными, научно-технической литературой и другой информацией по вопросам деятельности.

Координация мероприятий по сотрудничеству Сторон в рамках настоящего Соглашения была возложена с российской стороны на Управление международного сотрудничества Министерства внутренних дел Российской Федерации, с вьетнамской стороны - на Управление международных связей Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам.

Особенно хотелось выделить актуальность международных соглашений в вопросах сотрудничества обеспечения безопасности дорожного движения и предупреждения автотранспортных преступлений.

Актуальность обуславливают многолетние криминологические российские и международные исследования, которые говорят о том, что в статистике неосторожных преступлений наибольшую долю составляют именно автотранспортные преступления.

Отметим, что автотранспортные преступления собирательное криминологическое понятие, охватывающее составы предусмотренных уголовным законом преступлений, содержащихся в гл. 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» (ст. 263-271.1 УК РФ).

В общей структуре дорожно-транспортных преступлений криминологи обычно выделяют преступления, совершенные водителями индивидуальных транспортных средств. Особо при этом отмечая, что противоправное поведение водителей, выражающееся в нарушении правил дорожного движения, во многом определяется личностью водителя. Это тоже уже стало многолетним предметом криминологических исследований.

Как правило, структура автотранспортных

преступлений включает несколько их видов, соответствующих нарушениям таких правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, как: ошибка в выборе скорости, обгон, проезд перекрестков, запрет управлять транспортным средством в состоянии опьянения, переход дороги в неполюженном месте и т. п.

Эти нарушения вызывают последствия в виде столкновений с другими автотранспортными средствами (велосипедами, гужевым транспортом), с животными; наездов на людей; опрокидывания транспортных средств и выпадения людей из них. Две трети автотранспортных преступлений (и три четверти аварий) связаны с нарушением только со стороны водителей; треть со «смешанной виной» в совершении нарушений с другими участниками движения.

Самое тревожное, что каждый третий водитель, согласно статистике, находится в момент преступления в состоянии опьянения [1]. Криминологическая характеристика личности участников неосторожных дорожно-транспортных преступлений показывает, что в своем большинстве они относятся к категориям ситуативных и неустойчивых преступников. Вместе с тем, определенная их часть, как и лиц, совершающих неосторожные преступления других видов, соответствует по своим личностным качествам, систематичности и злостности нарушений типу злостных преступников (разумеется, с некоторыми отличиями от умышленных преступников этого типа).

Безусловно, сложная ситуация с дорожно-транспортными правонарушениями, преступлениями и их последствиями складывается во многих странах мира. В Социалистической Республике Вьетнам предотвращение, сокращение и минимизация случаев дорожно-транспортных происшествий является также серьезной проблемой.

Дорожно-транспортные происшествия и их последствия оказывают серьезное влияние на экономику страны, особенно в период, когда экономика Вьетнама находится на пути интеграции и развития. В настоящее время, хотя правительство и применяет много мер для решений этой проблемы, существенных изменений не произошло. Городской транспорт с каждым годом «вносит» значительный вклад в экономику и развитие страны. Особенно в таких индустриально развитых городах, как Ханой и Хошимин. В этих городах вопрос стремительного развития транспорта стоит особенно остро [2].

Признавая важную роль порядка и безопасности дорожного движения, Вьетнамское государство выпустило много руководящих и правовых документов, таких как: Директива № 22-СТ / TW от 22 апреля 2003 г., Директива № 18-СТ / TW от 4 сентября 2012 г. Центрального секретариата; Закон о дорожном движении в 2001 г. и 2008 г.; Постановление Национального Собрания № 14/2002 / NQ-QH11 от 16 декабря 2002 г.; Постановление № 32/2007 / NQ-CP от 29 июня 2007 г. и Резолюция № 88/2011 / NQ-CP от 24 июня 2011 г.

Существующий план развития автомобильного транспорта Вьетнама до 2020 г. и ориентация его развития до 2030 г. был разработан для установления дорожной дисциплины и поэтапной стабилизации ситуации с безопасностью дорожного движения по всей стране. Однако с точки зрения транспортной инфраструктуры в целом инфраструктура дорожного движения в частности не отвечает требованиям социально-экономического развития. Экономический рост и развитие дорожной инфраструктуры в стране привели к быстрому увеличению числа дорожных транспортных средств, особенно мотоциклов.

Объем и интенсивность дорожного движения транспорта быстро увеличиваются, что приводит к возникновению связанных с этим проблем, таких как: дорожные конфликты, дорожно-транспортные происшествия, городские пробки и дорожно-транспортные происшествия в сельских районах. С другой стороны, осведомленность о соблюдении требований безопасности участников дорожного движения и сообщества все еще остается низкой.

По данным статистики Национального комитета по безопасности дорожного движения Вьетнама, в 2017 г. произошло почти 20180 дорожно-транспортных происшествий, в том числе более 9770 так называемых «особенных» дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибли 8279 человек и были ранены 5587 человек. [3].

В сравнении с 2017 г., в 2018 г. количество дорожно-транспортных происшествий уменьшилось на 7 %, количество погибших уменьшилось на 4,7 % и количество пострадавших уменьшилось на 9,6 %.

В среднем за один день в стране происходит 55 дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибает примерно 23 человека.

Эта ситуация обусловлена некоторыми из следующих объективных и субъективных причин:

1. Текущее состояние развития инфраструктуры в стране не удовлетворяет потребность в ежедневном и ежемесячном увеличении трафика в период индустриализации и модернизации страны. Из-за особенностей жилищного планирования во Вьетнаме нет возможности строить широкие дороги. Мотоциклы являются типичными видами транспорта в стране. На центральных улицах г. Ханоя средняя ширина составляет всего около 25 м. Государство не может пойти по пути расширения дорог из-за огромных затрат на освобождение домов в центре города. В часы пик (с 6 ч. до 7 ч. утра и с 6 ч. до 7 ч. вечера) часты так называемые «пробки» на дорогах.

2. Большинство дорожно-транспортных происшествий вызваны личной неосведомленностью участников дорожного движения. Большинство участников дорожного движения превышают допустимую скорость, используют стимуляторы и алкоголь при участии в дорожном движении, не соблюдают дорожно-транспортные правила переезда светофоров.

3. Особенно серьезной причиной правонарушений и преступлений являются водители, употребляющие наркопрепараты и алкоголь при управлении транспортными средствами. Таким образом, во Вьетнаме эти детерминанты указаны одними из важнейших в дорожно-транспортных происшествиях.

Интересны дорожно-транспортные преступления в законодательстве Вьетнама, которые представляют собой общественно опасные действия для общества и причиняют ущерб общественным отношениям.

Так, например, дорожно-транспортные преступления во Вьетнаме заключаются в совершении действий, запрещенных уголовным законодательством, а именно: а) нарушение правил управления транспортными средствами, наносящие ущерб жизни, ущерб здоровью и имуществу других лиц; б) действия, препятствующие дорожному движению, наносящие ущерб жизни, серьезный ущерб здоровью и имуществу других лиц; в) использование средств дорожного движения, не обеспечивающих безопасность технических параметров транспортных средств, наносящих ущерб жизни или серьезный вред здоровью человека.

В Уголовном кодексе Вьетнама содержатся, например, такие статьи, которые влекут серьез-

ную уголовную ответственность, например: «Нарушение правил участия в дорожном движении» (ст. 260 УК СРВ) влечет наказание от 2 до 15 лет лишения свободы, «Преступные действия, препятствующие дорожному движению» (ст. 261 УК СРВ); «Нарушение ввода в эксплуатацию специализированных дорожных и мотоциклетных перевозок, означающих несоответствие техническим стандартам безопасности дорожного движения» (ст. 262 УК СРВ); «Мобилизация людей, не имеющих права управлять транспортными средствами, для участия в дорожном движении» (ст. 263 УК СРВ); «Организация нелегальных гонок» (ст. 265 УК СРВ) влечет, например, такое наказание, как пожизненное лишение свободы в случаях: причинения смерти трем лицам; причинения вреда здоровью трем лицам с частотой травм у каждого от 61 % и более; причинения ущерба имуществу в сумме от 1 млрд донгов VND; «Нелегальные гонки» (ст. 266 УК СРВ) [4]. Особенностью санкций является их постоянная доработка законодателями (почти каждый год), чтобы они соответствовали реальной ситуации в стране.

Целью установления довольно строгой уголовной ответственности виновных лиц во Вьетнаме за такие преступления является осуществление вопросов общей и частной превенции. Ведь только осознание необходимости соблюдения законов и правил социалистической жизни, пример привлечения виновных к уголовной ответственности позволяют гражданам уважать букву закона в стране.

За каждое нарушение, связанное с нарушением порядка и безопасности дорожного движения, правонарушителей ждет только основное наказание (исправительные работы, принудительные работы, ограничение свободы, лишение свободы), но также может быть наложено одно или несколько дополнительных, например, штраф, максимальный размер которого может достигать до 1 млрд 500 млн донгов VND.

При этом очень распространена практика рассмотрения при назначении наказания судами так называемых смягчающих обстоятельств, связанных с плохим состоянием дорог, мостов, автомобилей, а также психологических личностных факторов водителей (небольшой опыт вождения, наличие психического кратковременного расстройства и т. д.).

Таким образом, наказание во Вьетнаме является уголовной мерой, используемой государством в качестве инструмента предупреждения

дорожно-транспортных преступлений.

Поэтому, безусловно, вопросы обмена опытом России и Вьетнама в вопросах обеспечения охраны общественного порядка, безопасности дорожной обстановки на улицах населенных пунктов, обмен опытом по указанной проблеме могут сдерживать рост количества дорожно-транспортных происшествий, правонарушений и преступлений, снизить колоссальный ущерб жизни, здоровью, имуществу граждан. Работа по предупреждению дорожно-транспортных правонарушений и преступлений является длительной работой государственных структур и всего общества, требует усилий всех уровней и систем уполномоченных органов и требует строгого соблюдения законов от каждого гражданина в обществе.

Обеспечение порядка и безопасности дорожного движения является важной задачей государства, имеющей значение для социально-экономического развития, а также способствующей обеспечению общественного порядка и безопасности людей.

При исследовании судебной практики во Вьетнаме указывается, что пробелы в действующем уголовном законодательстве привели к неправильным решениям и, как следствие, к особо серьезным последствиям. Некоторые положения в конкретных статьях Уголовного кодекса на самом деле не являются конкретными, четкими, это приводит к различной трактовке сущности и характера деяния. Плюс существует несоответствие между положениями Уголовного кодекса Вьетнама и некоторыми другими правовыми актами.

Для повышения эффективности мер предупреждения дорожно-транспортных происшествий в настоящее время требуются некоторые конкретные решения, например: принятие положений закона о нарушениях правил дорожного движения, а также ряда документов, регламентирующих реализацию норм Уголовного кодекса Республики Вьетнам в вопросах дорожно-транспортных преступлений; усиление пропаганды и распространения юридического образования и правовой осведомленности граждан в области дорожного движения; усиление патрулирования и своевременного устранения всех нарушений безопасности дорожного движения, а также строгого и своевременного рассмотрения дел в этой области.

Список литературы

1. Криминология: Учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2014.
2. Нгуен Конг Данг. Учебник о юридическом праве – 2018.
3. Директива № 24 «Об условиях осуществления решений для обеспечения безопасности в дорожном движении: от 23.08.2018 № 24/СТ-ТТg».
4. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам: от 23.07.2013 № 15/VBHN-VPQH с изм. 20.06.2017 г. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018 №. 01/VBHN-VPQH.

¹© Соломатина Е. А., 2020

²© Дао Фыонг Бинь., 2020

THE FUTURE OF ORGANIZED CRIME
IN A VIRTUAL ENVIRONMENT

БУДУЩЕЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Tatyana Vitalyevna Molchanova,

associate Professor of criminology at The V. Ya. Kikotya Moscow University of the Russian Interior Ministry, PhD in law, associate Professor

Татьяна Витальевна Молчанова¹,

доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

Для цитирования: Т.В. Молчанова. Будущее организованной преступности в виртуальной среде // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 60-61.

Организованная преступность за последнее десятилетие существенно изменилась, стала более информативной. Сфера информационных технологий все чаще используется организованной преступностью в своих целях, что еще более затрудняет процесс расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами и преступными сообществами.

Организованные преступные группы и сообщества в условиях цифровой трансформации приобрели новый формат своей деятельности и, по сути, являются разновидностью высокотехнологической преступности. Возникновение и формирование организованной преступности современного формата — это качественно новый этап эволюции преступности².

Так, на конференции «Двадцатки» в 2016 г. в Ханчжоу (Китай), на заседании Давосского форума 2017 г. и конференции Всемирного банка, посвященной институциональным проблемам и рискам мировой экономики, участники выделили наиболее острые международные проблемы и риски в мировой экономике, среди них и организованную преступность. В результате этих международных форумов их участники выделили основные сферы деятельности организованной преступности в настоящее время и на ближайшие 10 лет:

- финансовые преступления, включая незаконное обогащение, легализацию (отмывание) и преступное перемещение финансовых ресурсов, капиталов и активов;
- производство, хранение, транспортировка и продажа контрафактной продукции;
- хищение и противозаконное использование интеллектуальной собственности;
- преступная деятельность, связанная с про-

изводством, хранением, оборотом и сбытом наркотиков;

- незаконная торговля оружием;
- работоторговля;
- незаконное изъятие, хранение, транспортировка и использование человеческих органов для трансплантации;
- организованная педофилия;
- незаконный игорный и лотерейный бизнес, включая создание виртуальных казино, противозаконных компьютерных игр, предполагающих безлицензионную монетизацию; и т. п.

Следует отметить, что сегодня организованная преступность действует не только в криминальной экономике, но и в легальной, особенно в финансовом секторе, привнося туда криминальные методы. Имеется достаточное количество примеров такого рода сочетаний криминальной и легальной экономик, который становится все более характерным для глобальной мировой экономики: реализация контрафактных товаров, продажа на легальных рынках интеллектуальной собственности, использование инсайдерской информации в операциях на фондовых рынках и т. д. Такого рода взаимосвязь криминальной и легальной экономик будет формировать криминальное поле организованной преступности.

На увеличение численности организованной преступности оказывает влияние феномен появления небольших высокотехнологичных преступных групп, работающих на криминальных рынках, зависящих исключительно от Интернета. Как правило, в таких группах меньшинство являются профессиональными преступниками, а основной контингент составляют работники IT-компаний, банковских структур, и т. п.

Действующие организованные преступные

группы и преступные сообщества в основном отказываются от традиционных иерархических структур времен Аль Капоне, а представляют собой динамичные сетевые информационные структуры. Виртуальная организованная преступность и традиционная организованная преступность существуют в разных реалиях и не взаимодействуют между собой. Нынешние преступные группы сами разрабатывают информационные продукты и технологии, используют их как отдельный бизнес и реализуют через свои легальные предприятия. Также особенностью современной организованной преступности является акцент на исследования и разработки в своей преступной деятельности.

С появлением сети «Интернет» и приходом в нее не только продвинутых пользователей, бизнеса и среднего класса появились первые киберпреступные организованные группы. В основе их организации лежал и лежит сетевой принцип. В отличие от традиционной организованной преступности участников организованных преступных групп не обязательно связывают длительные личные отношения и даже просто очные знакомства. При этом практически обязательным условием вхождения в состав подобных организованных преступных групп и преступных сообществ является длительный бэкграунд в различных подпольных форумах, чатах. Кроме того, широко распространен институт рекомендательщиков. Для вхождения в состав сетевой организованной преступной группы или преступного сообщества требуется, чтобы кто-то, лично знающий руководителей такого рода групп или сообщества, порекомендовал потенциального кандидата, с которым встречался на различных хакерских конференциях, неформальных встречах и т. п.³

Важнейшим направлением развития деятельности организованных преступных групп являются их усилия по повышению результативности легализации (отмывания) преступных доходов, их вложения в деятельность законной экономической деятельности. Криминальные сети и группы постоянно стремятся использовать новейшие технические разработки, такие как криптовалюты и анонимные способы оплаты. Быстрая обработка транзакций и распространение эффективных инструментов анонимизации затрудняют деятельность правоохранительных органов по доказательной идентификации реальных бенефициаров - доходов от преступной деятельности.

В настоящее время правоохранительным органам необходимо осуществлять противодействие в двух направлениях: традиционном и нетрадиционном методах выявления, расследования и раскрытия преступлений. При этом вся правоохранительная система будет не успевать вовремя реагировать в своих ответных действиях на цифровизацию «преступного мира». В ближайшее время все правоохранительные органы должны быть ориентированы на работу с ис-

пользованием искусственного интеллекта и метода «больших данных» в передаче информации, ее визуализации, идентификации потенциальных лиц и организации «цифрового контроля» за их поведением в рамках криминологической защиты.

В широком смысле слова криминологическая защита от организованной преступности в сфере информационных технологий во многом идентична обеспечению информационной безопасности в сфере государственной, общественной и экономической безопасности. На сегодня имеются национальные законодательные инструменты, которые содержатся в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., реализуются в мероприятиях программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Основные направления обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности определены «Доктриной информационной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 646 от 5 декабря 2016 г.

В апреле 2020 г. в Японии (Киото) состоится 14 Конгресс ООН по предупреждению преступности. В рамках дискуссий и усиления контроля над преступностью предложено уделить особое внимание, в том числе, и борьбе с организованной преступностью в виртуальной среде. В этой связи предупреждение современной организованной преступности входит в новую фазу своей трансформации и требует нового теоретического и практического осмысления.

Список литературы

1. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Норма-Инфра-М, 2018, С. 209.
2. Молчанова Т. В., Гаджимурадов Ш. А. Статистическое измерение преступлений, совершенных организованной преступной группой и преступным сообществом в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. № 4, 2019. С.53.
3. Материалы Специального комитета по искусственному интеллекту-КААИ Совета Европы // URL : <http://www.coe.int/>.

¹© Молчанова Т. В., 2020

²Молчанова Т. В., Гаджимурадов Ш. А. Статистическое измерение преступлений, совершенных организованной преступной группой и преступным сообществом в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. № 4. С. 53

³Овчинский В. С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Норма-Инфра-М, 2018. с. 209.

REASONS FOR THE REHABILITATION OF NAZISM
IN THE RUSSIAN FEDERATION

ПРИЧИНЫ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

A. V. Marayeva,

adjunct faculty of teaching and scientific personnel of the Department of criminology
Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. ya. Kikot

А. В. Мараева¹,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Для цитирования: А.В. Мараева. Причины реабилитации нацизма в Российской Федерации // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 62-63.

Важность исследования причин преступности имеет фундаментальный характер. Это связано с устойчивым ростом преступности и с возросшей потребностью личности, общества и государства в защите от нее. Отсюда следует, что для эффективного обеспечения назревшей потребности совершенно необходимо установление причин преступности с целью их последующего устранения.

Проблема установления причин реабилитации нацизма не является исключением, так как территориальные границы этого преступления существенно расширились и вышли за пределы городов и субъектов федерации.

В последние десятилетия деятельность разного рода нацистских и близких к ним группировок и объединений резко активизировалась в России. Неонацистская активность становится серьезным фактором, влияющим не только на общую политическую, но и на криминальную ситуацию в стране.

Рассматривая вопрос о распространении нацизма в России, Ю. М. Антонян выделяет следующие причины данного явления:

- нерешенность многих жизненно важных проблем и бедность значительной части населения порождают неверие в возможности власти поднять страну на требуемый уровень – поэтому появляется надежда, что сделать это можно с помощью «твердой, решительной, беспощадной руки»;

- содержательная близость нацизма и большевизма, причем следы последнего не утеряны в сознании людей;

- отсутствие демократических традиций в истории России;

- неадекватная реакция правоохранительных органов и судов на

- факты нацистских проявлений;

- отсутствие в средствах массовой информации постоянного воздействия на аудиторию в целях формирования устойчивых антинацистских установок.

Таким образом, проявление и распространение идей нацизма, а также попытки искажения событий ВОВ привели общественность и специалистов к пониманию значительной опасности этого противоправного явления и необходимости установления ответственности за реабилитацию нацизма. Криминализация реабилитации нацизма была необходима и стала оправданным способом противодействия данному противоправному явлению.

Так, А. Ю. Иванов выделил и обосновал ряд факторов, которые подчеркивают необходимость и своевременность криминализации реабилитации нацизма, а именно:

1. Фактор «идеологической вседозволенности».

2. Фактор «экономической катастрофы 1990-х».

3. Фактор «политической децентрализации».

4. Фактор «ослабления исторической памяти».

5. Фактор «инострannого влияния».

Рассматривая указанные факторы и переходя к основным причинам реабилитации нацизма в Российской Федерации, стоит отметить, что фальсификация исторической истины о событиях ВОВ направлена на разрушение исторической памяти, подрыв национальной идентичности, внушения таких представлений о прошлом, ко-

торые позволят тем или иным силам достигнуть определенных целей в настоящем.

Сегодня переписывание истории путем ее искажения или фальсификации идет по нескольким основным направлениям. Первое - это предыстория конфликта (когда ставятся на одну плоскость Советский Союз и гитлеровская Германия). Второе - о событиях и способах ведения войны (при котором войска СССР несли исключительно потери, а наши военачальники были необразованными и бесталантными). Третье - все важнейшие победы мы одержали только с западной помощью. Четвертое - не было никакого освобождения Европы, а была новая оккупация Восточной Европы со стороны Советского Союза. Освобождение якобы проходило только Западом. Пятое - попытка переписывания итогов Второй мировой войны, реабилитация нацизма.

Для достижения цели искажения исторической памяти и реабилитации нацизма активно используются различные средства: создаются и продвигаются в средствах массовой информации, преимущественно в социальных сетях, исторические мифы, не имеющие ничего общего с исторической истиной; производится изъятие из исторического контекста ряда спорных фактов, вокруг которых выстраиваются заведомо ложные умозаключения; вводятся без надлежащего научного обоснования новые понятия и термины; производятся необоснованные манипуляции с историческими событиями и личностями.

Таким образом, возникает риск подмены и потери истинных исторических знаний, историко-культурных ценностей. Получая широкое распространение в СМИ и сети «Интернет», искажение и фальсификация истории ВОВ способна разрушить установленные общественные ценности.

Происходит изменение приоритетов молодого населения страны, меняются взгляды молодежи на отдельные исторические события, что, в конечном счете, способно полностью разрушить государство через уничтожение патриотизма как поощряемого явления.

Таким образом, основными причинами, способствующими совершению такого противоправного деяния, как реабилитация нацизма, будут являться:

1. Широкое распространение и пропаганда идей национализма, нацизма и неонацизма (в том числе среди молодежи и несовершеннолетних). На сегодняшний день можно особо отметить активизацию радикальных идей в молодежной среде.

2. Ассоциативное влияние сверстников и внешней среды.

3. Вовлечение в антиобщественную среду, сопровождаемое навязыванием нацистской идеологии.

4. Искаженное восприятие патриотизма.

5. Искажение исторической истины о событиях Второй мировой войны и роли СССР в ней, отсутствие культуры.

6. Недостаток образованности.

7. Отсутствие надлежащего контроля со стороны государства за деятельностью политических движений националистической направленности.

8. Негативное влияние СМИ.

9. Недостаток освещения в СМИ проблемы реабилитации нацизма как реальной угрозы для общества.

10. Разрушение моральных и духовных устоев и традиций.

Список литературы

1. Антонян Ю. М. Антинаучные попытки оправдания нацизма в современной России // Российский криминологический взгляд. 2008. № 4. С. 184-188.

2. Мараева А. В. История становления законодательства об ответственности за реабилитацию нацизма в Российской Федерации. / Вестник Московского университета МВД России. 2018; (6) : с. 140–143.

3. Иванов А. Ю. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2017.

4. Электронный ресурс: URL: <https://tass.ru/opinions/6829876> (дата обращения: 03.09.2019).

¹© Мараева А. В., 2020

**CRIMES COMMITTED BY MINORS
IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION -
FEATURES AND PROBLEMS OF QUALIFICATION**

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ -
ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ**

Anna Alexandrovna Semochkina,

teacher of the Department of criminal law Moscow University of the MIA
of Russia named after V.Ya. Kikot, PhD

Анна Александровна Семочкина¹,

преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

Для цитирования: А.А. Семочкина. Преступления, совершаемые несовершеннолетними в сфере компьютерной информации - особенности и проблемы квалификации // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С.64-66.

Эпоха перемен, ознаменовавшаяся сменой столетий, привнесла целый ряд изменений в мироустройство. Повсеместно происходят межнациональные розни и конфликты между государствами, нациями, социальными группами и отдельными людьми на различной почве.

Бушуют природные катастрофы и катаклизмы, изменяя мировоззрение людей лучшим образом, заставляя их объединяться и укреплять единство, напоминая при этом, что общество, социум – это часть природы, которая отделилась от нее, но сохранила тесную, зависимую связь. Все это приводит к тому, что век за веком человечество наблюдает, как стираются с лица Земли целые государства и образуются новые, сменяются общественно-экономические формации, изменяя конституционную сущность отдельных государств.

Наконец, поддавшись веянию времени, изменяется главный регулятор общественных отношений – законодательство. Неизменным остается лишь одно – желание одних представителей социума занимать нишу преступников, а особенность других – склонность к раскрытию виктимологических качеств своего внутреннего мира.

Вместе с тем, совершенствуются и модернизируются способы, методы, средства и орудия совершения преступления, используются современные технологии.

Соответственно либо видоизменяется содержание отдельных признаков элементов состава

преступления в силу того, что учащаются преступления, совершаемые с использованием новейших технологий и открытий, т. е. тех средств, которые ещё не попали под законодательное регулирование, либо субъекты, которые совершают данные преступления, до сих пор не находят своего конкретного места в уголовно-правовых отношениях².

Именно такими преступлениями и являются общественно опасные деяния в сфере компьютерной информации, и как особенность таких преступлений – совершение их несовершеннолетними.

Вдаваясь в теоретические подробности использования понятия компьютерной информации в теории уголовного права³, стоит, прежде всего, обратить внимание на Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее по тексту – ФЗ № 149), в котором информация представляется как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Следовательно, компьютерная информация определяется как сведения (один из видов информации), используемые в машинном носителе, системе ЭВМ или их сети.

Именно определение из вышеназванного Федерального закона имеет место быть в теоретической части диспозиций отдельных статей Особенной части УК РФ. К тому же, ч. 1 ст. 16 ФЗ № 149 гласит, что «защита информации представля-

ет собой принятие правовых, организационных и технических мер».

Рассуждая над содержанием компьютерной информации, необходимо отметить, что последняя выступает, к тому же, как объект правовых отношений. Это прямо указывает нам на то, что компьютерная информация может «свободно использоваться любым лицом и передаваться одним человеком – другому».

В совокупности их следует преобразовать в единую научную парадигму, выдвигаемую профессором Н. Г. Кадниковым, который обозначает данные общественно опасные деяния не иначе, как «предусмотренное уголовным законом виновное нарушение чужих прав и интересов в сфере автоматизированной обработки данных, совершенное во вред подлежащим правовой охране правам и интересам физических и юридических лиц, общества и государства (личные права и неприкосновенность частной сферы, имущественные права и интересы, общественная и государственная безопасность, конституционный строй)»⁴.

Первоначальной особенностью совершения данных преступлений именно несовершеннолетними является их ограниченный перечень. Связано это с тем, что сами подростки способны совершать лишь преступления, предусмотренные ст.ст. 272 и 273 УК РФ, потому как в остальных составах их роль как исполнителя не представляется возможной.

Так, например, в ст. 274 УК РФ законодателем предусмотрено наличие специального субъекта, т. е. «должностного лица, имеющего доступ к средствам хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационным сетям и окончному оборудованию, а также к информационно-телекоммуникационным сетям и обязано соблюдать установленные для них правила эксплуатации»⁵.

Это означает, что несовершеннолетний в возрасте до 16 лет в силу особенностей трудовых и гражданско-правовых отношений не имеет возможности быть должностным лицом, а равно субъектом преступления, предусмотренного диспозицией ст. 274 УК РФ. Аналогичная ситуация возникает с квалификацией деяний по ст. 274.1 УК РФ, введенной в уголовное законодательство 1 января 2018 г. на основании Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ. Особенность заключается в том, что сугубо с теоретической точки зрения возможно смоделировать такие

общественно опасные деяния (например, создание вирусной программы), совершаемые несовершеннолетним, которые бы причиняли вред автоматизированным системам и телекоммуникационным сетям, используемым в целях государственного управления, обеспечения обороноспособности и безопасности страны.

Однако практическая составляющая данного вопроса⁶ дает нам понять, что в настоящее время преступность среди несовершеннолетних не достигла такого уровня развития.

Говорить о преступлениях, касающихся неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру, следует в том случае, когда речь идет, скорее, о террористической киберпреступности, носящей глобальный, мировой характер. Именно поэтому законодательство в указанной сфере ужесточается повсеместно во многих государствах. Минувя проблему, связанную с наличием такого критерия, как специальный субъект, в ст.ст. 274 и 274.1 главы 28 УК РФ правоприменитель сталкивается с проблемой, связанной с привлечением к уголовной ответственности лиц, возраст которых находится ниже отметки 16 лет.

Судебная практика насчитывает массу примеров привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, подпадающих под признаки общего субъекта.

Но зададимся вопросом: как правоприменителю привлечь к уголовной ответственности лицо, при этом не создавая дисбаланс в психике и оставив шанс на исправление и благополучное будущее после отбывания наказания, и в то же время ответить целям наказания при вынесении судебного решения?

Ведь цели наказания предусматривают, что последнее применяется для «восстановления социальной справедливости, а также для исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений»⁷, что усиливает ответственность лиц, ведущих уголовное преследование в отношении несовершеннолетних, и судей за принимаемые решения, равно как и усиливает ответственность всей системы правосудия в целом. Нельзя забывать о биполярности использования сферы компьютерной информации в преступной деятельности.

Известно, что спектр возможностей лица, грамотно использующего компьютерные технологии и имеющего в основе своей деятельности преступный умысел, практически не ограничен. В данном случае речь идет о том, что преступле-

ния могут совершаться как несовершеннолетними, так и с использованием несовершеннолетних для преступных целей посредством вовлечения в преступную среду через телекоммуникационную сеть «Интернет». Здесь же следует указать на возрастающую статистику случаев доведения до самоубийства несовершеннолетних с использованием психического воздействия через различные социальные сети.

Приведенная в информационных источниках статистика самоубийств несовершеннолетних под влиянием «групп смерти» расходится в количественных показателях, однако среднее значение превышает отметку в 700 самоубийств за 2017 г., и с каждым месяцем она лишь увеличивается. Несмотря на то что приведенные в качестве примеров статистические данные являются предметом рассмотрения другой группы преступлений и отдельной тематикой исследования, достаточно обоснованным будет обратить внимание на многосторонность преступлений, связанных с компьютерными технологиями, что является дополнительной особенностью.

Исходя из статистических данных ГИАЦ МВД России за 2017 г., следует сделать вывод о том, что наибольший удельный вес в структуре компьютерных преступлений приходится именно на преступления в сфере компьютерной информации – более 30 %⁸. Само количество зарегистрированных преступлений в сфере компьютерной информации относительно невелико и имеет усредненные показатели на протяжении последних 5 лет, однако стремительно уменьшается количество раскрытых преступлений в силу того, что методика раскрытия требует особого подхода и знаний в определенной области, а способы совершения преступлений, связанных с компьютерными технологиями, с каждым днем развиваются и становятся сложнее.

Подводя итог, целесообразно отметить и еще раз подчеркнуть, что основной особенностью уголовно-правовых норм, связанных с преступлениями в сфере компьютерной информации, совершаемых несовершеннолетними, является активное участие лиц, не достигших 14-летнего возраста. Исходя из этого, возникают те самые правовые конфликты и правовые коллизии, основанные на том, что общественно опасное деяние имеет место быть, а дать объективную уголовно-правовую оценку в связи с особенностями такого элемента состава преступления, как субъект, не представляется возможным. И объясняется это тем, что эти преступления относительно новые, а

судебная практика не дает общего представления ввиду малого количества уголовных дел, поэтому и встает вопрос об актуальности и необходимости исследования представленной тематики.

Список литературы

1. Денисов Н. Л., Ромашкина Н. Ю. Анализ и оптимизация для единообразия правоприменения современного понимания киберпреступления // В сборнике: Противодействие преступлениям, совершенным с использованием информационно-коммуникационных технологий: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. 2018. С. 121-126.
2. Кадников Н. Г., Ветров Н. И., и др. Уголовное право. Общая и особенная части.- М.: Городец, 2006.
3. Боженок С. А., Ермакова Л. Д., Грачёва Ю. В. «Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации». М.: Проспект. 2018 г. С. 838–839.
4. Бегишев И. Р. Преступления в сфере обращения цифровой информации: состояние, пробелы и пути их решения // Информационное право. 2010. № 2. С. 18-21.
5. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной преступности с участием несовершеннолетних: / С. В. Иванцов, О. Н. Ивасюк, И. В. Калашников : учебно-методическое пособие / М., 2015. 135 с.
6. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/reports/item/12167987/> (дата обращения 15.04.2019).

¹© Семочкина А. А., 2020

²Криминологическая характеристика и предупреждение организованной преступности с участием несовершеннолетних: / Иванцов С. В., Ивасюк О. Н., Калашников И. В.: Учебно-методическое пособие / М., 2015. С. 65-66.

³Денисов Н. Л., Ромашкина Н. Ю. Анализ и оптимизация для единообразия правоприменения современного понимания киберпреступления // В сборнике: Противодействие преступлениям, совершенным с использованием информационно-коммуникационных технологий: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. 2018. С. 121-126.

⁴Кадников Н. Г., Ветров Н. И., и др. Уголовное право. Общая и Особенная части.- М.: Городец, 2006.

⁵Боженок С. А., Ермакова Л. Д., Грачёва Ю. В. «Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации». М.: Проспект. 2018. С. 838-839.

⁶Бегишев И. Р. Преступления в сфере обращения цифровой информации: состояние, пробелы и пути их решения // Информационное право. 2010. № 2. С. 18-21.

⁷См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. Ст. 43 «Понятие и цели наказания».

⁸[Электронный ресурс].- URL: <https://xn--blaew.xn--plai/reports/item/12167987/>

THE LAW AND THE CRIMINAL REALITIES

ЗАКОН И КРИМИНАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ

Viktor Nikolaevich Fadeev,

Professor, Department of criminology, V. Ya. Kikotya Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia, doctor of law, Professor

Виктор Николаевич Фадеев¹,

профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

Для цитирования: В.Н. Фадеев. Закон и криминальные реалии // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 67-71.

В начале статьи сразу же отметим одно принципиальное обстоятельство. Насколько можно судить, беспомощная в отношении к глобализации преступности академическая криминология, как и другие отрасли юридической науки, является одной из прикладных ветвей материалистической философии и, соответственно, базируется на ее основе, в соответствии с которой она (криминология) может в полной мере рассматривать только реальные события, уже свершившиеся деяния, в том числе криминального характера.

Вместе с тем, ностальгия по предупреждению преступности и профилактике девиантного, правонарушающего поведения, предполагающая иную философию, пронизывает очень многие профессиональные работы, но ее неуклонный рост и развитие свидетельствуют о том, что эффективной системы предупреждения преступности в обществе пока просто нет, как нет и подходов к ее созданию.

В этой связи, принятие Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» – это совершенно необходимое и давно ожидаемое событие в общественной жизни страны.

По сути – это один из первых крупных шагов в сфере предупреждения правонарушений за последние десятилетия не только в вопросах профилактики правонарушающего поведения, но и в сфере правоопределения и правозащиты в целом. Сравнительно активный характер мер, предусмотренных Законом, направленных на профилактику правонарушений, может существенно подправить ту пассивно-охранительную, по сути – сугубо оборонительную позицию, которая присуща существующей уголовно-правовой концепции.

В этом отношении Закон можно рассматривать как современную правовую модификацию аналогичных по назначению и смыслу нормативных правовых актов, которые действовали на территории СССР, но в связи с его распадом утратили свою юридическую силу. Новый Федеральный закон актуален, опирается на этот многолетний опыт и во многом учитывает коренные изменения, которые произошли в ее жизни за последние десятилетия.

Существенно, что Закон определяет основные направления и регламентирует деятельность субъектов новых общественных отношений, ориентируя их на участие в профилактике правонарушений и девиантного поведения.

Задача состоит в том, чтобы этот Закон был доработан – иначе, доведен до такой степени, чтобы все субъекты профилактики правонарушений, перечисленные в ст. 5, естественным образом следовали принципам, названным в ст. 4, и выполняли свои функции для реализации всех 16 направлений деятельности, перечисленных в ст. 6 данного Закона.

Кто и как, в какие сроки и на каких конкретных основаниях будет разрабатывать технологии его применения названными Субъектами профилактики правонарушений, контроля и оценки эффективности их работы – это отдельный вопрос, который, хотя и не оговаривается в тексте Закона, но имеет принципиальное значение и должен быть решен в совершенно обозримые сроки, каким бы трудоемким ни было это решение.

В противном случае профилактика правонарушений вырождается в чисто ведомственную задачу и утратит свой федеральный смысл и значение, поскольку в п. 1 ст. 1 данного Закона предметом его регулирования представлены не все общественные отношения и структуры, в ко-

торых формируются правонарушения, а только те из них, которые возникают непосредственно в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации.

В связи с этим и для того, чтобы этого не случилось, имеются три обстоятельства, которые надо учитывать как наиболее важные для сохранения смысла и усиления духа данного Закона, а главное – его неукоснительного и успешного выполнения.

Первое состоит в том, что в силу своего федерального значения данный Закон по определению должен ставить перед всеми социальными институтами и субъектами жизни страны всеохватывающую задачу на уровне всеобщего. Это – предупреждение правонарушений, а не просто их профилактика, которая представляется гораздо более узким или усеченным явлением по сравнению с предупреждением правонарушений на территории страны, т. е., по сути, – его частным случаем, которая является тактической формой правоохранительной деятельности, и это либо прямое указание об ограничении сферы действия данного Закона, либо серьезная недоработка его инициаторов и разработчиков.

Предупреждение правонарушений представляет собой их недопущение и искоренение из жизни общества и страны, и в этом смысле его надо понимать как стратегическую форму деятельности, которая, с одной стороны, граничит с обеспечением национальной безопасности, а с другой – защищает права и свободы как высшие ценности в соответствии со ст. 2 Конституции страны.

Пунктом 2 ч. 1 ст. 6 Закона предусмотрено осуществление предупреждения правонарушений, а из названия Федерального Закона № 182-ФЗ вытекает только профилактика правонарушений. В комментируемой статье перечислено 16 направлений профилактики правонарушений, но понятие «предупреждение правонарушений» поглощает своей сутью многие из перечисленных направлений, поэтому необходима дифференциация и систематизация норм данной статьи. Следует привести в соответствие название и содержание в целом Федерального закона.

В ст. 5 Закона перечислены субъекты профилактики правонарушений, при этом в их числе не указаны федеральные органы государственной власти, судебные органы, общественные организации и формирования, граждане Российской Федерации и средства массовой информации – как четвертая власть и один из основных источ-

ников криминологической информации.

Необходимо также отметить, что Правительство России объявило о переходе на 3-летнее планирование социально-экономического развития страны. Однако в советское время было пятилетнее, а также долгосрочное и сверхдолгосрочное планирование.

При этом должны акцентировать свое внимание на том, что программа предупреждения правонарушений в постсоветское время являлась самостоятельным разделом плана социально-экономического развития страны (в отличие от подготовки программы профилактики правонарушений, как указано в 182-ФЗ), где было предусмотрено финансовое, материально-техническое, кадровое, правовое и иное обеспечение всей системы предупреждения правонарушений в масштабах государства с максимальным вовлечением в нее субъектов предупредительного воздействия и на основе которого создавался Комплексный план борьбы с преступностью.

Все это вместе взятое и многое иное естественным образом вплетало всю систему органов власти и управления в единый комплекс борьбы с преступностью. Соответственно и уровень преступности был в разы ниже ее современного состояния.

Свидетельством этому является тот факт, что В. В. Путин на коллегии МВД России 15 марта 2016 г. высказался о том, что каждое второе преступление остается нераскрытым. Хотя имеется и иная статистика, подтвержденная соответствующими исследованиями. В частности, профессор М. П. Клейменов и И. М. Клейменов в монографии «Нераскрытая преступность» (М.: Норма, 2015) приводят данные, что в 2013 г. в нашей стране совершено около 20 млн преступлений, а раскрываемость при этом составляет 6,9 %, а не каждое второе преступление, как об этом было сказано.

Это лишь свидетельствует, во-первых, о колоссальной латентности преступности и, во-вторых – как минимум, об отсутствии системы предупреждения правонарушений в стране.

Второе обстоятельство связано с первым и состоит в том, что задача профилактики правонарушений ставится в условиях неопределенности стратегии социально-экономического и общественного развития с заранее намеченной его конечной целью на перспективу. Между тем, требуется планирование общественной жизнедеятельности как минимум на 10-15 лет и даже до середины нынешнего века, а не по оптимальному

сценарию стратегии развития, который обсуждается в настоящее время. Такая определенность жизни общества и страны в целом предполагает новое правовое поле и иные представления о правонарушениях. Так что данный Закон должен быть пересмотрен, и это надо иметь в виду при оценке его состоятельности и перспектив применения.

Необходимо подчеркнуть, что первые два обстоятельства основательно учтены в Китае, где в 2015 г. принят «Закон о национальной безопасности», который охватывает и регламентирует практически все стороны жизни населения и страны. В том числе – в плане недопущения и ликвидации таких правонарушений, которые оцениваются в соответствии с ним не просто как уголовные деяния, а как значительные угрозы национальной безопасности. Закон включает 83 нормы, из них 69 статей предусматривают высшую меру наказания ко всем ее жителям, независимо от того, какое положение в обществе и какую должность занимают, поэтому руководство страны и ее субъекты ведут себя так, чтобы это было достойным примером для всех прочих сограждан.

В отличие от вышеуказанного и других вместе взятых стран, в России, на виду у общественности, включая различного рода и уровня правоохранителей, за последние десятилетия («де-юре» и «де-факто») «исчезло» свыше 70 % национального достояния страны, которое создавалось и защищалось всем народом от внешних и внутренних врагов. В результате так называемой «приватизации и демократизации» произошли радикальные изменения, которые по своим негативным социально-экономическим и политическим последствиям проведенных «реформ» в 1992-1998 гг. в 2,5 раза превышает потери СССР в результате Великой Отечественной войны.

Например, за последние два десятилетия из страны «де-юре» выведено 50 крупнейших, носящих стратегический, градообразующий характер предприятий: металлургической, трубной, нефтегазовой, энергетической, горнорудной, жилищно-коммунальной, химической, сельскохозяйственной, транспортной, машиностроительной, строительной, перерабатывающей и многих других отраслей народного хозяйства страны, с общим оборотом десятки триллионов рублей, из них: чистой прибыли десятки миллиардов долларов США в год и свыше двух миллионов работающих, которые управляются через оффшорные компании, зарегистрированы в других странах

вне России и платят налоги в них, а не в нашей стране, так что у государства хронически не хватает денег внутри страны.

Представляется очевидным, что на глазах у народа и криминологов как представителей науки о преступности и борьбе с нею, равно как и перед взором всей правоохранительной системы и власти страна оказалась ограбленной с участием множества силовых структур и чиновников разного уровня. Но статьи в Уголовном кодексе Российской Федерации в отношении к деяниям такого рода просто нет, как нет и политической воли для восполнения этого пробела.

В то же время, с учетом введенных санкций США в соответствии с принятым законом № 3364 от 2 августа 2017 г. «О противодействии противникам Америки посредством санкций», Российская Федерация может остаться без стратегических, системообразующих отраслей промышленности и экономики.

К тому же указанный закон США прямо вмешивается в суверенитет Российской Федерации.

В связи с этим спрашивается, о нарушении какого суверенитета идет речь – государства или страны и народа?

Поэтому надо разобраться, во-первых, в вопросах финансирования, которое пока что работает не на страну и народ, а на разрушение экономики, во-вторых, в проектировании и строительстве будущего, включая решение проблемы формирования нового правового поля для всех его участников и недругов.

Но это тема отдельного обсуждения, поэтому сфокусируем внимание читателя на третьем обстоятельстве – никак не отмеченном комментируемым Федеральным Законом № 182-ФЗ – это необходимость учитывать в предупреждении правонарушений на территории страны факт внешнего управления ее жизнью и его нарастающий по масштабам и точкам приложения криминальный характер.

Это – отсутствие у государства полной и всеобъемлющей финансовой власти на территории страны и наличие существенной власти на ней обладателей доллара ФРС, в том числе за счет навязанной извне зависимости бюджета и денежного обращения внутри страны от устанавливаемых вовне ее цен, прежде всего на углеводороды, и курса доллара, относительно которого определяется фактическая ценность российского рубля как «второсортной» валюты, оцениваемой ~ 60 к 1 доллару, и все финансовые отношения и расчеты внутри страны. При этом, если рубль обеспе-

чен колоссальными природными ресурсами, то доллар ФРС, начиная с 1971 г., является ничем не обеспеченной, но якобы мировой валютой частной организации.

Это обстоятельство нужно рассматривать как одну из основных причин большинства правонарушений и преступности, связанной с финансовой стороной жизни общества и страны, которая была заложена в начале перестройки различными «советниками» и их «сателлитами» в правовое поле и в российское законодательство в виде второй статьи Закона о Центральном банке, в соответствии с которой Центробанк не отвечает по обязательствам государства, а государство не отвечает по обязательствам Центрального банка Российской Федерации.

Именно таким образом юридически оформлена взаимная безответственность этих двух субъектов Конституции и жизни страны за все денежное обращение внутри нее, с одной стороны, и особое положение Центрального банка в отношении к юрисдикции России, - с другой стороны. Так что де-факто денежное обращение и внутри, и даже вне ее, регулируется через конвертацию и обменные курсы Центральным банком как посредником между всеми его формами, является юридически бесхозным и, по сути, представляет собой идеальную площадку для неконтролируемой со стороны государства внеправовой деятельности в отношении к финансовой стороне жизни страны и ее населения.

Это делает субъектов профилактики правонарушений, перечисленных в ст. 5. Федерального Закона № 182-ФЗ совершенно бессильными в отношении к большинству из них, поскольку в отличие от учрежденных Центробанком коммерческих банков, они не обладают финансовой властью и возможностью контролировать от лица государства финансовые потоки в стране в целом и в регионах. Таким образом, этим «субъектам» не остается ничего иного, кроме как сотрудничество или даже сращивание с банками, так что они вольно или невольно превращаются либо в финансово-административные структуры, либо в административно-финансовые - в зависимости от того, насколько органы власти сохранили самостоятельность и верность букве прочих федеральных законов и Конституции страны.

В целом, власть и компетенции распределены сейчас между обладателями финансовых объемов и административным аппаратом и не могут быть сконцентрированы в руках государства. Поэтому перечисление субъектов профилактики правонарушений в ст. 5. комментируемого Закона носит чисто формальный характер и не имеет в виду спрос за эффективность этой профилактики ни в центре, ни на местах.

Кроме сказанного, надо иметь в виду, что Цен-

тральный банк находится вне правового поля и юрисдикции государства и действует на его территории без лицензии от него на банковскую деятельность, хотя лицензирует деятельность создаваемых им коммерческих банков и эмитирует деньги, действующие в России – всего лишь как Билеты Банка России, а не российские рубли, на каждой банкноте которых было бы напечатано, что «Российская Федерация отвечает золотым обеспечением или национальным достоянием».

Таким образом, не только денежное обращение, как таковое, но и все национальное достояние современной России не связано с собственной денежной системой непосредственным образом и потому оказывается доступным для этого внеправового эмитента непонятных в юридическом отношении денежных знаков. Фактически и юридически Россия и ее народ оказались лишенными права на контроль за состоянием денежного обращения и оборотом национального достояния.

Отсюда – легализация вывода капитала за пределы страны и разворовывание ее ресурсов и богатств, а также сращивание административно-хозяйственного аппарата и «чиновной хартии» с коммерческими банками, которые активно грабят страну и народ вместе с ними с помощью кредитов, которые фактически являются легализованной формой правонарушения, и в отношении которых предупреждение правонарушений невозможно в принципе.

Как отмечено выше, Центробанк не является резидентом России и потому не имеет лицензии от государства на банковскую деятельность. Соответственно, ни один коммерческий банк, созданный в Российской Федерации и получивший от Центробанка генеральную лицензию на банковскую деятельность, не имеет права на ведение кредитной деятельности и может только размещать на своих счетах деньги физических и юридических лиц.

Однако - в порядке развития общероссийского по своим масштабам правонарушения - коммерческие банки заключают с ними кредитные договоры под двенадцать и более процентов (средние ставки коммерческих банков колеблются: потребительские – 19,9-29,99 %; ипотечные – 11,9-15,9 %; автокредиты – 17-20 %), при этом передает финансовые средства под 4,25 % на депозит в ЦБ, который, во-первых, кредитует эти коммерческие банки под 8,5 % (остальное – их чистая прибыль), а во-вторых, использует эти кредитные договора как долгосрочные векселя (или долговые обязательства) заемщиков, которыми, кстати, может манкировать для банкротства и «захвата» предприятий, о чем неоднократно высказывался Советник Президента Российской Федерации академик С. Ю. Глазьев и что является одной из форм внешнего управле-

ния экономикой и развитием нашей страны.

Располагая такими долговыми обязательствами, Центробанк от лица Российской Федерации кредитует в различных международных финансовых структурах под 4-8 % и конвертирует займы в рубли по так называемому «плавающим курсу», обретая, таким образом, колоссальные денежные объемы (~ в 60 раз выше российского рубля), которые позволяют ему снова и снова кредитовать «обманутых» таким образом не только физических и юридических лиц, но и само государство, короче – это все то, что нужно, чтобы безнаказанно грабить и бесповоротно затягивать в долговую петлю страну и ее население, а в первую очередь – власть: федеральную, региональную и муниципальную.

Представляется совершенно нереальным выстроить эффективную профилактику в отношении ко всему комплексу финансовых правонарушений, заложенному в российское правовое поле и активно функционирующему в жизни страны, если действовать только в рамках комментируемого Закона. Он просто не дотягивает по уровню понимания причин и механизмов этих хорошо организованных внеправовых деяний.

Более понятной такая ситуация становится, если иметь в виду, что с этим же обстоятельством столкнулся и Президент США Дональд Трамп, который озвучил свое недоумение и неприятие такого положения, что огромная и самодостаточная страна оказалась должником частной организации, созданной банкирами и называемой ФРС, свыше 22 трлн долларов (на 2019 г.) внешнего долга, печатаемых ею же и продаваемых под процент всему миру в качестве мировой валюты с использованием на банкнотах символики этой страны, хотя США, как ранее было отмечено, в 1971 г. отказалась отвечать за них в юридическом плане и обеспечивать золотом или своей экономикой.

Таким образом, это - фальшивомонетное ростовщичество, навязанное за прошлый век всему миру, в том числе – России, и это глобальное нарушение прав стран и народов на самоопределение под предлогом глобализации, которое совершенно не учитывается комментируемым законом, словно этого нет в жизни нашей страны и ее населения.

Дональд Трамп заявлял в предвыборных речах, что намерен национализировать ФРС и выпустить в оборот настоящий американский доллар, что и будет эффективной контрмерой для этого долговременного и беспрецедентного обмана и закабаления человечества, стран и народов. Так же точно нужно поступить с Центробанком в России, что может быть сделано только верховной властью или решением всенародного референдума. Это приведет к высвобождению

из «капкана» и пут внешнего и криминального, по сути, управления к избавлению от нефтедолларовой зависимости и тем самым – к предупреждению и профилактике множества правонарушений, связанных с двойным денежным обращением в пользу доллара ФРС и его скрытых от общественности хозяев.

В свете сказанного правомерен вывод, что комментируемый Закон актуален и безусловно полезен, но не учитывает ряд важных обстоятельств и условий, в которых должен применяться, и потому обречен на ограниченность действия, недостаточную компетентность и низкую эффективность, даже если субъекты предупреждения правонарушений будут самым тщательным образом строить деятельность по указанным в нем направлениям.

В связи с этим представляется целесообразным радикально усилить натиск на все правонарушения за счет постановки и развития предупредительных в отношении к ним функций государства.

Предварительно по всему сказанному можно сделать следующий вывод: пришло время, когда становится биологически и социально необходимой разумная криминологическая экспертиза стратегий поведения человечества, обеспечивающих его выживание и сохранение жизни. Особое место должна занимать общественно-криминологическая экспертиза происхождения финансовых объемов и всего финансового обращения, поскольку в существующем варианте она работает негативным образом. От процедуры и результатов ее проведения зависят уровень сознания людей, как более или менее разумных существ, цель и характер их сотрудничества друг с другом в жизнеустройстве на Планете вообще и в России – особенно.

Список литературы

1. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Норма-Инфра-М, 2018. С. 209.
2. Молчанова Т. В., Гаджимурадов Ш. А. Статистическое измерение преступлений, совершенных организованной преступной группой и преступным сообществом в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. № 4, 2019. С. 53.
3. Материалы Специального комитета по искусственному интеллекту-КААИ Совета Европы. URL : <http://www.coe.int/>.

¹ © Фадеев В. Н., 2020

**THE USE BY ATHLETES OF DOPING
AS A GLOBAL THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF THE
RUSSIAN FEDERATION**

**УПОТРЕБЛЕНИЕ СПОРТСМЕНАМИ ДОПИНГА
КАК ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Kseniya Igorevna Khinevich,

associate Professor of the faculty of training of scientific, pedagogical and scientific personnel
Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

Andrey Borisovich Kiryukhin,

head of the Department of criminology Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot,
candidate of legal Sciences, associate Professor

Ксения Игоревна Хиневи́ч¹,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Андрей Борисович Ки́рюхин²,

начальник кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент

Для цитирования: К.И. Хиневи́ч, А.Б. Ки́рюхин. Употребление спортсменами допинга как глобальная угроза национальной безопасности Российской Федерации // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 72-74.

Употребление запрещенных препаратов и борьба с ними — сегодня один из наиболее актуальных вопросов для российского и мирового спорта.

Современные мировые проблемы допинг-контроля заключаются в следующем:

1. Определение допинга как запрещенного препарата.
2. В легализации допинга.
3. Совершенствование мер правовой ответственности за потребление допинга.
4. Предупреждение потребления спортсменами допинга.

Одно из главных препятствий для борьбы с субстанцией (допингом) сейчас состоит в том, что не всегда возможно четко определить, что именно есть допинг.

Само слово «допинг» вошло в обиход в XIX в., оно произошло от английского глагола to dope — «предлагать наркотики». По сути, первым серьезным допингом и стали наркотические препараты — кокаин и даже героин, которые не были запрещены для употребления (как спортсменами, так и далекими от физкультуры гражданами)

вплоть до 20-х годов прошлого столетия. Однако первыми массовыми потребителями допинга в его новом значении стали все те же лошади, которых в те годы стимулировали перед скачками в США.

Возьмем так называемый ЭПО - эритропоэтин. Это гормон, который способствует выработке эритроцитов. Чем больше эритроцитов в крови, тем выше содержание кислорода. Таким образом, применение ЭПО серьезно увеличивает кислородную емкость крови, а значит, способствует лучшей работе мышц и большей выносливости. ЭПО относят к допингу.

Но увеличение кислородной емкости крови также наступает после тренировок в среднегорье. Возникает вопрос: стоит ли пребывание спортсменов в горах непосредственно перед соревнованиями считать допингом?

Кроме того, существуют специальные камеры, в которых симитированы условия среднегорья. После нескольких часов в такой камере спортсмен также становится более выносливым за счет увеличения кислородной емкости крови. Приравнять ли использование камер к исполь-

зованию допинга? Случай, где допинг-проба чемпиона Европы по гребле грека Иоанниса Цамиса дала положительный результат после того, как спортсмен в течение некоторого времени принимал препарат против облысения, показывает, что данный вопрос и по сей день остается нерешенным.

5. Проблема легализации допинга.

Первая попытка запрета допинга датирована 1928 г. Именно тогда в устав Международной федерации легкой атлетики (IAAF) на конгрессе в Амстердаме впервые в истории спорта было внесено антидопинговое правило, согласно которому за применение стимуляторов, позволяющих улучшить спортивные показатели, или помощь в этом грозит исключение из спорта – как профессионального, так и любительского.

Однако новое правило никто не заметил: методики и инструменты, позволяющие ловить «нечистых» спортсменов, появились гораздо позднее, когда от допинга стали погибать сами спортсмены. В 1960 г. прямо во время олимпийской 100-километровой шоссейной гонки в Риме умер датчанин Кнут Йенсен. В 1967 г. на одном из этапов легендарной «Тур де Франс» скончался британец Томми Симпсон. В том же году во время одного из этапов веломногодневки «Тур де Франс» британский гонщик Том Симпсон за несколько километров до финиша на горе Мон-Ванту вдруг упал с велосипеда. Зрители и болельщики помогли ему подняться и продолжить гонку, но через несколько метров он снова упал и больше подняться уже не смог. Спасти Симпсона не удалось. Причиной смерти спортсмена врачи назвали сердечный приступ, который спровоцировал прием амфетаминов.

Современная наука не стоит на месте, в мире появляются все новые и новые виды допинга – продукты достижений протеомики и метаболомики. Спортсмены используют так называемый «кровяной» допинг – переливают собственную или донорскую кровь, обогащенную эритроцитами. Известно и о разработке генного допинга. Употребление стероидов с подросткового возраста сказывается на здоровье спортсменов, а также гормональных функциях организма. Показателен пример толкательницы ядра из ГДР Хайди Кригер, которая в итоге пошла на операцию по изменению пола, став Андреасом Кригером, – расплатой за допинг стала транссексуальность.

Позиция спортсменов такова, что для них самое обидное – проиграть тому, кто употреблял допинг. Это самое большое разочарование для

спортсмена, который честно тренируется, – узнать через какое-то время, что соперник его обманывал. Позиция мирового сообщества такова: если ты выходишь на старт, то должен бороться честно. (Вячеслав Фетисов, бывший глава комитета спортсменов WADA).

В Российской Федерации уже достаточно давно существует ст. 230.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за склонение спортсмена тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Есть и ст. 230.2 УК РФ, предусматривающая ответственность за использование в отношении спортсмена независимо от его согласия тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Уголовное законодательство ряда стран предусматривает ответственность за распространение и назначение наиболее серьезных допинговых субстанций, входящих в запрещенный список, включающий в себя огромное количество веществ, входящих в препараты, которые широко применяются населением в повседневной жизни и находятся в свободной продаже (такие, как капли от насморка «Ринофлуимуцил»).

Наталья Желанова, советник министра спорта Российской Федерации по антидопинговым вопросам, считает: «За весь список запрещенных веществ нельзя ввести уголовную ответственность, иначе мы просто ничего не сможем купить в аптеке.

Но у нас, как и в ряде стран, часть запрещенного списка, наиболее серьезные в плане допинга препараты, подпадает под ст. 234 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность. Неважно, спортсмен ты, тренер, врач или лицо, никак не связанное со спортом. Если подпадаешь под действие, то понесешь уголовное наказание.

Мы постоянно работаем совместно с ФСКН. Если мы понимаем, что появляется новый препарат, который подпадает под так называемый «серьезный допинг» (например GW-1516), то мы выходим в ФСКН с предложением дополнить статью УК данным препаратом. Конкретно за нарушение антидопинговых правил нет уголовной ответственности, но за распространение некоторых субстанций она предусмотрена».

Владимир Сальников, президент Всероссий-

ской федерации плавания, уверен, что наказывать необходимо и продавцов. «Уголовная ответственность, естественно, должна быть в рамках законодательства, и я считаю, что она должна охватывать все стороны – права, обязанности, ответственность каждой из сторон. Включая продавца. Мне кажется, что эта цепочка должна идти до самого конца.

То есть надо уничтожать источник, подключить все силовые структуры, чтобы этой заразы не было вообще. Возможно, стоит наказывать и нерадивых производителей препаратов, - продолжил он. - Сколько было случаев, когда спортсмены принимали витамины или биодобавки с внешне безобидным составом, но впоследствии дисквалифицировались. Как выяснялось, якобы безвредные таблетки содержали запрещенные антидопинговым кодексом вещества. Однако на коробке с препаратом их наименования почему-то указаны не были».

Таким образом, мы выяснили что в настоящий момент осталось достаточно большое количество глобальных нерешенных проблем, такие как:

1. Что является допингом? Этот вопрос так и остался спорным, так как сами сотрудники ВАДА постоянно обновляют список, составляющий запрещенные вещества.

2. Как все-таки относиться к применению допинга? Спокойно или негативно?

На мой взгляд, в любом виде допинг нарушает честность спортивных мероприятий и априори не может нести положительных черт. Необходимо бороться с допингом, как на законодательном уровне, так и на уровне воспитания и выработки у спортсменов негативного отношения к всяческим манипуляциям посредством веществ, относящихся к допингу.

3. Вопрос привлечения к ответственности - один из самых серьезных и сложных. На мой взгляд, необходима синхронность и дублирование в национальном и международном законодательстве.

Вынесенные вопросы говорят о глобальных проблемах в мире касательно допинга и о комплексном поиске их решений.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

2. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Российская газета, № 276, 08.12.2007.

3. Алексеев, С. В. Спортивное право: учебник / С. В. Алексеев ; под ред. П. В. Крашенинкова - 5-е изд., перераб. и доп.- М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. С. 34-36.

4. Всемирный антидопинговый кодекс международный стандарт [Электронный ресурс] // Запрещенный список 2018 года. URL: <http://list.rusada.ru/content/files/wadalist.html> (дата обращения 08.04.2019).

5. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/2564093/html> (дата обращения 25.03.2019).

¹© Хиневич К. И., 2020

²© Кирюхин А. Б., 2020

THE LAW ON THE PREVENTION OFFENCES AND PRACTICE

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Valerii Aleksandrovich Utkin,

Professor, Department of criminology, Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot, candidate of legal Sciences, associate Professor

Валерий Александрович Уткин¹,

профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

Для цитирования: В.А. Уткин. Законодательство о профилактике правонарушений и практика его применения // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 75-78.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»², безусловно, имеет важное научно-практическое значение, хотя и принят с опозданием.

В его разработке принимал участие широкий круг криминологов, готовя предложения к нему, критические или одобряющие публикации. Теперь профилактика преступлений легализована, и вся ее система должна быть приведена в соответствие с федеральным законом.

Особенно это относится к осуществляемой профилактике правонарушений органами внутренних дел, выполняющими большую часть профилактических мероприятий. МВД России ведется мониторинг Федерального закона «О полиции» в части конкретизации полномочий полиции.

Предстоит завершить ведомственное нормативно-правовое регулирование. Здесь возникают некоторые пробелы и несоответствия. Например, можно говорить о различии терминов и определений в нормативных актах и федеральном законе. Так, закон говорит о профилактике правонарушений, а Приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 утверждена Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений. Но эти терминологические разногласия легко устранить. Мы же обращаем внимание на более серьезную проблему – это использование всего потенциала профилактики преступлений.

Для этого есть резервы. Уместно вспомнить мнение известного французского криминолога А. Фаттаха, которое разделяем и мы, что неудачи в области предупреждения преступлений обу-

словлены сосредоточением внимания на преступление и не уделяется внимание жертве, которого она заслуживает³.

Современное состояние криминогенной ситуации в России нельзя характеризовать как благоприятное. Преступность, оцененная за 5 лет (2014-2018 гг.), держится на высоком уровне (свыше 2 млн преступлений в год). В 2017 г. снижение произошло на 4,7 %, но отмечено в 58 из 85 субъектов РФ.

Половина зарегистрированных преступлений (52 %) – хищения чужого имущества, по которым всегда есть жертвы. Раскрывается только половина регистрируемых преступлений. Лица, ранее совершавшие преступления, составляют более половины.

По экспертным заключениям, в ближайшее время тенденция к осложнению криминогенной обстановки сохранится по объективным обстоятельствам, связанным прежде всего с кризисными явлениями в экономической и социальной сферах, которые, как считают криминологи, главным образом негативно влияют на состояние преступности в стране и в регионах.

В переломе криминогенной ситуации большее внимание отводится именно профилактике, совершенствованию ее нормативной базы. Данный концептуальный подход в противодействии преступности нашел закрепление в принятом Федеральном законе № 182-ФЗ.

Что касается жертв преступлений, то в данном законе о них упоминается в основных направлениях профилактики правонарушений (п. 7 ст. 6), определении индивидуальной профилактики (п. 2 ст. 15), но только в плане влияния и оказания помощи пострадавшим от правонару-

шений или подверженным риску стать таковыми. Профилактическое значение имеет информирование граждан и организаций, направленное на обеспечение защиты гражданина, общества и государства от преступных посягательств (ст. 18).

Социологические исследования (опросы, изучение документов, мониторинг СМИ и др.), статистика преступлений и их раскрытия, жалобы и заявления граждан о правонарушениях свидетельствуют, что действующая профилактика должную защиту от преступных посягательств обеспечивает недостаточно, и их возможность противостоять преступным посягательствам не исследуется и не используется. Особенно это необходимо в общественных местах, где находится большое число людей и возрастают криминальные риски, приводящие к преступлениям.

Таким объектом исследования с позиции защиты граждан от преступлений является Московский метрополитен как сложный многофункциональный транспортный объект, выполняющий в условиях миграционной и деловой активности населения и приезжих одну из основных функций крупного города – перевозку пассажиров. Одновременно метрополитен притягивает и лиц с противоправными намерениями. На его территории нередко экстремальные ситуации, психологические конфликты, часто заканчивающиеся правонарушениями.

На метрополитене федеральными, городскими силами правопорядка принимаются меры по защите пассажиров от преступных посягательств. В результате с 2011 г. достигнуто снижение преступности на 44 %. Есть в Московском метрополитене и проблемы с преступностью. Более двух третей регистрируемых преступлений составляют хищения чужого имущества. В 2017 г. отмечен рост числа случаев хулиганства. Криминологическую ситуацию в метрополитене в значительной мере определяют приезжие, которые не только совершают преступления, но и становятся их жертвами.

Отмеченные криминологические показатели и ряд других процессов реальной жизни г. Москвы требуют поиска и приведения новых резервов профилактики преступлений и нарушений общественного порядка, на которые продолжают влиять, кроме вышеназванных, еще такие факторы, как оптимизация структуры и численности правоохранительных органов и сокращение их финансирования; беспрецедентное увеличение линий и числа станций метрополитена.

Таким образом, очевидна потребность включения в систему профилактики преступлений всего потенциала противодействия криминалу на Московском метрополитене. Нами было предложено наряду с мерами, принимаемыми полицией и службой безопасности метро, более активно использовать виктимологическое направление, суть которого в осуществлении системы действий, направленных на снижение индивидуальной и массовой виктимности пассажиров, путем устранения их виктимной предрасположенности, активизации защитного потенциала жертв преступлений в обеспечении своей безопасности.

Криминологами европейских стран в 50-е годы прошлого столетия (Хентиг, Хансафон, Фаттах и др.) теоретически основательно проработаны виктимологические возможности в профилактике преступлений, и сейчас они активно реализуются. Вклад в это направление исследования внесли российские ученые (Д. Ривман, В. Квашиш, В. Устинов, Л. Франк и др.)⁴. Но практика почему-то недооценивает защитный потенциал жертв преступлений, в организационно-правовых документах он прописан явно недостаточно или его нет вообще.

В 2016-2017 гг. авторским коллективом кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Университет) было проведено исследование «Научно-методическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по виктимологической профилактике преступлений, совершаемых на объектах Московского метрополитена» по заказу ГУ МВД России по г. Москве и Управления внутренних дел на Московском метрополитене (УВД на ММ).

В процессе исследования изучались данные о реальных и потенциальных жертвах преступлений, статистическая отчетность о преступности на метрополитене, осуществлялся контент-анализ публикаций по проблеме, проводился опрос москвичей, регулярно пользующихся метрополитеном, экспертов-специалистов органов внутренних дел, а также изучался отечественный и зарубежный опыт в этой области. Особенно результативны оказались опросы пассажиров. Была установлена готовность большинства активизировать свою личную защиту от преступных посягательств и выявлено, чего для этого не хватает. В первую очередь, это отсутствие информации о способах действий преступников и мерах безопасности в криминогенных ситуациях, которыми они могли бы себя защитить. Эксперты

этот вывод пассажиров подтвердили. Респондентами были высказаны и другие ценные предложения, которые учтены в исследовании.

Реализация результатов исследования предусмотрена в акте приемки, утвержденном начальником ГУ МВД России по г. Москве, и в акте внедрения, утвержденном начальником УВД на ММ, как имеющих новые подходы в решении задач виктимологического предупреждения правонарушений при обострении криминологической обстановки, оптимизации штата полиции, а также развития Московского метрополитена. Нормативные акты МВД обязывают разработчиков НИР осуществлять не только разработку предложений, но и осуществлять с заказчиком их авторское сопровождение при внедрении.

В процессе исследования разработана Концепция криминологической безопасности пассажиров Московского метрополитена как система мероприятий общей и индивидуальной профилактической направленности. Перспективы и проблемы реализации форм и методов воздействия на пассажиров с виктимным поведением обсуждались с руководством и сотрудниками УВД на ММ на итоговых совещаниях и изучаются на тематических занятиях, проводимых в рамках государственно-правовой подготовки сотрудниками Университета во всех подразделениях и отделах УВД на ММ.

Взаимодействие Университета с УВД на ММ позволило внедрять разработки в процессе исследования и по его выходным результатам в 2018 г. осуществлять их авторское сопровождение.

Из Стандарта безопасного поведения пассажира метрополитена, входящего в Концепцию, использовался материал для формирования слогана в общепрофилактические стикеры. Начальник УВД на ММ 16 мая 2018 г. объявил в служебном порядке и на сайте УВД на ММ свое решение информировать пассажиров о наиболее частых способах совершения преступлений в метро (особенно краж, грабежей) и способах противостоять им самим пассажирам.

Поскольку обеспечение безопасности пассажиров находится в совместном ведении УВД на ММ с ГУП «Московский метрополитен», был решен вопрос об издании стикеров с рекомендациями избегать криминогенных ситуаций в количестве, необходимом для их размещения в вагонах и на станциях. Проект «Предупрежден - значит защищен» заработал и по данным мониторинга выполняет свою профилактическую задачу, о чем мы получаем отклики и подтверждения со-

кращающейся статистикой преступлений.

По согласованию с руководством метрополитена в 2018 г. реализовано другое предложение по активизации пассажиров по личной защите и сохранности их имущества путем использования инновационной массовой и привлекающей внимание системы телевидения в вагонах подвижного пассажирского состава, осуществляемой студией «Москва-24». По материалам криминогенного характера из конкретных уголовных дел периодически транслируются постановочные сюжеты виктимологического характера, которые так или иначе замечаются пассажирами.

В качестве общепрофилактического мероприятия сотрудники Университета и УВД на ММ готовят публикации о научно-методическом обеспечении безопасности пассажиров Московского метрополитена. Такие материалы были отражены 18 января 2017 г. в газете «Известия»⁵, Федеральном агентстве новостей⁶, газете «Щит и Меч»⁷, на официальном сайте УВД на ММ⁸ и других информационных ресурсах. Данная тематика популярна у москвичей и приезжих и не сходит сегодня со страниц Интернета.

Обобщенные результаты совместной работы научного коллектива Университета и УВД на ММ по недопущению посягательств на пассажиров метро путем виктимологической профилактики направлены в МВД России для рассмотрения на заседании Правительственной комиссии по профилактике правонарушений. По решению Комиссии от 20.12.2017, протокол № 4 представители Университета включены в состав рабочей группы по проведению в 2018-2019 гг. виктимологического исследования состояния преступности и размеров причиненного вреда в целях выработки дополнительных мер профилактики преступлений, где будет использоваться положительный опыт исследования по метрополитену.

В качестве иллюстрации эффективности внедрения в оперативно-служебную деятельность УВД на ММ разработок Университета и других профилактических мер можно привести следующие результаты:

- рекомендации, содержащиеся в Концепции криминологической безопасности пассажиров метрополитена, позволили сократить число преступлений, повысить уровень реальной защищенности граждан от противоправных посягательств и правонарушений. Реализованные в оперативно-служебной деятельности рекомендации, содержащиеся в выходных документах исследования Университета и другие профилак-

тические мероприятия, служебная подготовка и инструктаж сотрудников УВД на ММ, изучение методических рекомендаций и т. п. позволили существенно улучшить криминологическую обстановку в метро.

Еще лет пять назад столичную подземку трудно было назвать благополучной в криминогенном отношении территорией: количество совершенных в метро правонарушений оставалось стабильно высоким и даже наблюдался рост по некоторым видам преступлений, в том числе тяжким⁹. В 2016 г. этот показатель сократился на 18,4 %, к 2017 г. произошло беспрецедентное уменьшение преступлений на 36,2 %.

Удержать состояние преступности на столь низком уровне сейчас - главная задача. Достигнутое снижение числа преступлений на Московском метрополитене в 2016 и 2017 гг. является резервом для поддержки благоприятной криминогенной обстановки в последующие годы.

Соцопросы отмечают укрепление общественного доверия к органам внутренних дел Российской Федерации (согласно социологическим опросам в 2017 г. доверие сотрудникам ОВД на транспорте, в том числе метрополитене, выразило 67 % респондентов – почти на 20 % выше показателей 2015-2016 гг.)¹⁰. Более половины москвичей, опрошенных сотрудниками Университета, отметили, что они сейчас чувствуют себя более защищенными в метро, чем на улицах города.

Нельзя не учесть и повышение научного авторитета ведомственной системы образования МВД России, которая активно включилась в обеспечение безопасности не только путем патрулирования метрополитена, но и проведением научных исследований по этой тематике (положительные обзоры о научной деятельности Университета опубликованы в СМИ с аудиторией свыше 20 млн человек)¹¹.

Указанные выше формы и методы профилактики применяются на Московском метрополитене как уникальной транспортной системе по масштабам перевозок, и их использование на других объектах возможно после соответствующей адаптации.

Для этого необходимо включить лиц, пострадавших от преступлений или подверженных риску стать таковыми в связи с неосмотрительным поведением, в число объектов виктимологической профилактики и нормативно закрепить это. Целесообразно также определить меры воздействия на эту категорию, направленные на из-

менение их поведения, исключение попадания в криминальные ситуации, оказание им помощи и т. п. Решить этот правовой вопрос дополнением в Федеральный закон № 182-ФЗ или ведомственную инструкцию МВД России, которые сейчас перерабатываются.

Список литературы

1. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб, 2000.
2. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
3. Общественное мнение. Работа полиции: доверие и оценки. URL: <http://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения 25.12.2017).
4. Официальный сайт информационного портала Известия IZ.ru URL: <http://iz.ru/674710/2017-11-23/izru-poluchil-premiiu-runeta> (дата обращения 25.12.2017).
5. Кодекс безопасности для пассажира. Университет МВД разработал стандарты поведения в метрополитене. URL: <http://iz.ru/news/656380> Университет МВД разработал кодекс безопасности для пассажиров метро. URL: <http://riafan.ru/596441-universitet-mvd-razrabotal-kodeks-bezopasnosti-dlya-passazhirov-metro/>.
6. Газета Министерства внутренних дел Российской Федерации «Щит и Меч» 2017 г. № 42. С. 4

¹© Уткин В. А., 2020

²Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». // URL: <http://www.consultant.ru/>.

³Фаттах А. Виктимология: что это такое и каково ее будущее. Т. 21 № 2-3. Париж. 1967.

⁴См.: Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб. 2000.

⁵Кодекс безопасности для пассажира. Университет МВД разработал стандарты поведения в метрополитене. URL: <http://iz.ru/news/656380>.

⁶Университет МВД разработал кодекс безопасности для пассажиров метро. URL: <http://riafan.ru/596441-universitet-mvd-razrabotal-kodeks-bezopasnosti-dlya-passazhirov-metro/>.

⁷Газета Министерства внутренних дел Российской Федерации «Щит и Меч» 9 ноября 2017 г. № 42. С. 4.

⁸Кодекс безопасности для пассажира. URL: <http://метро.мск.мвд.рф/news/item/9275621/>.

⁹Из интервью начальника полиции Московского метрополитена Р. А. Косарева // «Щит и меч». 2017. № 42. С. 4.

¹⁰Общественное мнение. Работа полиции: доверие и оценки. URL: <http://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения 25.12.2017).

¹¹Официальный сайт информационного портала Известия IZ.ru URL: <http://iz.ru/674710/2017-11-23/izru-poluchil-premiiu-runeta> (дата обращения 25.12.2017).

MODERN DESTRUCTIVE INFORMATION TECHNOLOGIES
YOUTH ENGAGEMENT TECHNOLOGIES IN EXTREMIST ACTIVITY

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕСТРУКТИВНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ
В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

A. A. Shuraev,

adjunct faculty of training of scientific and scientific-pedagogical staff of Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot

А. А. Шураев¹,

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Для цитирования: А.А. Шураев. Современные деструктивно-информационные технологии вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 79-82.

Современный экстремизм - это превосходно организованная, профессиональная и постоянно совершенствующаяся система, располагающая всеми современными средствами и способами осуществления своей деятельности. При этом традиционные формы экстремистской деятельности уходят в прошлое, им на смену пришли средства, технологии и методы, позволяющие целенаправленно проводить социальное разложение с помощью трансформации структуры личности человека и дезорганизации социальных институтов. Доминирующими стали «стратегия непрямых действий» и «стратегия безлидерного сопротивления», опирающиеся на глобальную сеть «Интернет» и информационные технологии.

Появление глобальной цифровой платформы, объединяющей разнообразные формы сетевого взаимодействия, позволило широко использовать деструктивные технологии² как метод манипуляции сознанием людей, направленно формировать в задаваемом формате цели, ценности и мотивы поведения как больших социальных групп, так и отдельных личностей.

В настоящее время в информационном пространстве применяются такие деструктивные технологии, как «реформирование мышления», «программирование», «несанкционированное внедрение в психику», где целью контроля над сознанием, в том числе молодого поколения, выступает формирование асоциального отношения к институтам государственной власти и обществу в целом. Учитывая в свою очередь факторы, способствующие вовлечению молодых людей в экстремистскую деятельность (низкая самооцен-

ка с постоянной, зачастую агрессивной готовностью к защите своей личности; переживание социальной несправедливости со склонностью проецировать причины своих жизненных неудач на близкое окружение или общество в целом; сильная потребность в присоединении или принадлежности к значимой группе), делают молодежь наиболее уязвимой к воздействию идеологии экстремизма. Благодатная почва для нее – юношеский максимализм, отсутствие жизненных целей, неудовлетворенность собой и окружением. Молодых людей, восприимчивых к радикальным идеям, немало. Например, в студенческой среде количество так называемой «скучающей» - недостаточно социализированной, склонной к девиантности - молодежи составляет, как правило, не менее 30 % от общего числа обучающихся. Эти 30 % - один из главных факторов, создающих риск проникновения в студенческую среду идеологии экстремизма, равно как и наркомании, суицида, сектантства, а также деструктивных молодежных субкультур.

Опасность угрозы использования деструктивных технологий для национальной безопасности Российской Федерации подчеркнута в документах стратегического планирования.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³ в качестве одной из ключевых угроз государственной и общественной безопасности выделена деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозную идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых

и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года к внешним экстремистским угрозам отнесена поддержка иностранными государственными органами и организациями экстремистских проявлений в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в Российской Федерации.

Современные информационные технологии способствовали развитию не только дистанционных технологий вербовки в террористические и экстремистские организации, но и широкому распространению бесструктурных способов вовлечения в экстремистскую деятельность. Термин «бесструктурные» в данном контексте означает возможность удаленного формирования и стимулирования противоправной активности индивидов и групп без формального их вхождения в состав экстремистских структур.

В основе таких способов воздействия лежит механизм краудсорсинга (англ. *crowdsourcing*, *crowd* - «толпа» и *sourcing* - «использование ресурсов») привлечение к решению определенных задач широкого круга лиц на добровольных началах с использованием информационно-коммуникационных технологий.

На первом этапе эволюции Интернета появились многочисленные ресурсы радикальной направленности, в которых содержались литература и публикации экстремистского характера, инструкции о способах изготовления оружия и взрывных устройств, способах совершения терактов и силовых действий в отношении сотрудников правоохранительных органов и т. п.

Такого рода информация и раньше распространялась через подпольные издания, однако именно с появлением Интернета доступ к ней получили миллионы пользователей.

Дальнейшее повышение качества и содержания экстремистских ресурсов, включающих профессионально снятые видеофильмы и ролики, высококлассные печатные издания, пособия и инструкции, создало основу для процесса саморадикализации, когда индивид приобретает экстремистские взгляды посредством потребления экстремистского контента в Сети, а также самостоятельно «осваивает» методы и средства осу-

ществления террористической и экстремистской деятельности.

Развитие мобильной связи и сетевых интернет-технологий значительно расширило возможности распространения экстремистского контента любым пользователем, а также обеспечило сторонников радикальных взглядов доступными инструментами дистанционного влияния в глобальном масштабе.

В своей совокупности описанные информационно-коммуникационные технологии обеспечили осуществимость дистанционного бесструктурного и бесконтактного управления как отдельными индивидами, так и большими массами людей, что было использовано идеологами радикальных организаций в целях экстремистской деятельности.

В Российской Федерации наиболее ярким примером применения современных сетевых технологий для организации протестных акций являются акции протеста, организуемые последние несколько лет оппозиционным деятелем А. Навальным. Смысл данных акций сводится к тому, что неопределенный круг лиц, никак не связанных между собой, благодаря различным мессенджерам собирается в одном месте, чаще всего данные лица даже не могут объяснить цель своего нахождения в том или ином месте.

Можно отметить массовые акции протеста текущего года под общим названием «За допуск независимых кандидатов на выборы в Мосгордуму», прошедшие летом 2019 г. в г. Москве и некоторых крупных российских городах.

Отличительной чертой прошедших публичных акций стало вовлечение большого количества несовершеннолетних в возрасте от 14 лет. Еще одной характерной чертой проведенных акций стало активное использование для мобилизации протестующих различных мессенджеров, в том числе «Telegram».

В частности, в столице для этой цели был учрежден специальный тематический чат «Протестная Москва 2019» (t.me/nedimon_msk), позиционирующий себя как «чат для неравнодушных жителей Москвы и России, готовых к активным действиям ради борьбы за лучшее будущее своей страны».

В нем непрерывно шло обсуждение прошедших и предстоящих протестных акций, осуществлялось их активное информационное освещение, в том числе посредством стриминговых трансляций с места событий. Данный канал продолжает работу и в настоящее время, выступая в

качестве одного из ключевых ресурсов организации протестных акций в столичном регионе.

Проведенный анализ показал, что большая часть вовлекаемых участников незаконных публичных акций не входила в состав каких-либо оппозиционных блоков, а аккумулировалась благодаря использованию современных цифровых инструментов коммуникации под различными предложениями.

Другим направлением применения краудсорсинговых технологий в экстремистской деятельности выступает стимулирование деструктивной активности со стороны отдельных неперсонифицированных лиц. В отличие от первого направления, которое реализуется за счет массового участия граждан, второе носит более целенаправленный характер и предполагает индивидуальное исполнение. Общим же для этих форм является то, что вовлечение лица в противоправную деятельность происходит без непосредственного вхождения в организационные структуры экстремистских организаций и объединений.

Наиболее ярким примером стал игровой интернет-проект «Большая игра. Сломай систему», который впоследствии был признан экстремистским ресурсом.

В декабре 2007 г. П. Хомяков и националистическое движение «Северное Братство» (в 2012 г. признано экстремистской организацией, и его деятельность запрещена в России) заявили о создании ими интернет-игры «Большая игра «Сломай Систему». В заявлении о создании «Большой игры», говорилось: «Человечество гением своей мысли шло на взлет и к Свободе, но Система бросила в бой свой последний резерв - пришельцев. Под прикрытием силы Морока лишь внешне похожие на людей пришельцы из созвездия Южного Креста стали проникать в страны Белой силы, протаскиваемые Системой в руководство их государств и экономиками.

Так, из года в год, безропотно служа Системе, пришельцы и поныне протаскивают в страны Белой силы миллионы своих сородичей, искореняя землян». Таким образом, организаторы «Игры» использовали фантазийный сюжет, чтобы избежать ответственности за нарушения законодательства, регламентирующего противодействие экстремистской деятельности.

Однако очевидно, что под «Системой» подразумевался существующий в Российской Федерации государственный строй, под «странами Белой силы» Российская Федерация, под «земля-

нами» - представители «белой расы», а под «пришельцами из созвездия Южного Креста» - представители «небелых рас», прежде всего евреи, негры, цыгане и мигранты.

Смысл самой «Игры» заключался в осуществлении акций, направленных как на пропаганду идей «Северного Братства», так и на психологический и физический террор в отношении работников «Системы» (сотрудников правоохранительных органов) и «пришельцев» (мигрантов и лиц неславянской национальности).

В «Большой игре»^{5 6} участвовали команды единомышленников (по терминологии игры, «автономные группировки»), которые регулярно получали на свои электронные почтовые ящики списки заданий различного уровня сложности. Например, от игроков требовалось бить витрины, поджигать двери и забрасывать петардами принадлежащие «неславянам» кафе и магазины, переворачивать и жечь машины, рисовать свастики и нацистские лозунги на стенах домов, избивать и казнить «пришельцев». Игроки должны были выискивать контактные данные (домашние адреса, телефоны) местных чиновников, бизнесменов, силовиков и правозащитников и отправлять их на почту организаторов.

Выполнение каждого задания должно было подтверждаться фото- или видеозаписью, которая отправлялась на сайт «Большой игры» и за которую игрок получал баллы. Именно в этом происходил формальный переход от игры к противоправным действиям. Авторы игры признавались, что их цель - «создать сеть автономных группировок, ненавидящих Систему и постепенно увеличивающих свои умения и навыки для их последующего применения уже в прямых столкновениях с Системой». В архиве сайта «Большой игры» насчитывалось несколько десятков тысяч видеосюжетов о выполненных «заданиях», то есть о совершенных преступлениях экстремистской направленности⁷. Одним из доказанных эпизодов криминальной деятельности участников «Большой игры» является случай в г. Невинномысске Ставропольского края, где студент И. Карцев, участвуя в интернет-проекте, подложил муляж взрывного устройства к зданию УФСБ России, а впоследствии обстрелял из охотничьего ружья жителей города⁸.

В последующем проект «Большая игра» был признан экстремистским, а ее основатели осуждены за организацию экстремистского сообщества⁹.

Таким образом, бесструктурные и бескон-

тактные способы вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность в настоящее время являются наиболее опасной формой деструктивного влияния на молодежь, в связи с чем можно предположить, что в ближайшем будущем возможно появление такого понятия как «краудсорсинговый экстремизм».

Все эти факторы открывают безграничные возможности для манипулирования людьми.

Список литературы

1. Сундиев И. Ю., Смирнов А. А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»): монография. М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. С. 243-244;

2. Ларинцева А. «Большая игра» завела в колонию // Коммерсантъ. 28 января 2009 г. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1109376>.

3. Интернет-проект «Большая игра «Сломай систему» признан экстремистским // ИА REGNUM. 02.03.2010. URL: <http://www.regnum.ru/> (дата обращения: 03.03.2018).

4. Создатель интернет-проекта «Большая Игра. Сломай Систему» за планы «бархатной» революции в РФ осужден на 9 лет // Право.ги. 30 сентября 2011 г. // URL : <http://pravo.ru / news / view / 61736 />.

решении какой-либо практической задачи. Деструктивной может считаться технология, способствующая разрушению, деструкции общественного организма, порождающая правовой нигилизм, безнравственность, политическую апатию, ведущая к потере управляемости обществом.

³Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015. № 683.

⁴Утверждена Президентом Российской Федерации от 28.11.2014 № Пр-2753.

⁵Северное братство // Антикомпромат. URL: <http://www.anticompromat.org>

⁶Суть игры сводилась к следующему. В «страны Белой силы» (к которым относятся славянские государства СНГ) «под прикрытием силы Морака стали проникать внешне похожие на людей пришельцы из созвездия Южного Креста». «Пришельцы» - это коренные жители Кавказа и Средней Азии. Поддержку им оказывают некоторые «земляне» - а именно: правоохранители, чиновники и олигархи (это и есть та самая «Система», которую требуется «сломать»),

⁷Сундиев И. Ю., Смирнов А. А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»): монография. М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий. 2016. С. 243-244.

⁸Ларинцева А. «Большая игра» завела в колонию // Коммерсантъ. 28 января 2009 г. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1109376>.

⁹Интернет-проект «Большая игра «Сломай систему» признан экстремистским // ИА REGNUM. 02.03.2010. Режим доступа: <http://www.regnum.ru / news / 1258963. html?forprint> (дата обращения: 03.03.2018). Создатель интернет-проекта «Большая игра. Сломай систему» за планы «бархатной» революции в Российской Федерации осужден на 9 лет // Право.ги. 30 сентября 2011 г. Режим доступа: <http://pravo.ru/news/view/61736/>.

¹© Шураев А. А., 2020

²Любую технологию нужно оценивать с точки зрения ее влияния на общественный организм, а не только с точки зрения ее эффективности в

ECONOMIC CRIMES AND CORRUPTION AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Alexey Vladimirovich Dolbilov,

head of the Department of economic security Finance and economic analysis, Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ja. Kikot, candidate of economic Sciences

Алексей Владимирович Долбилов¹,

начальник кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук

Для цитирования: А.В. Долбилов. Преступления экономической и коррупционной направленности как угроза национальной безопасности России // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С. 83-84.

В настоящее время продолжается конфликтное взаимодействие между государствами на международном уровне за влияние на международные политические и экономические процессы. Инструментом влияния выступают политические и экономические санкции одной страны или группы стран в отношении тех государств, которые пытаются строить свои взаимоотношения с другими участниками международного сообщества, исходя из своих национальных приоритетов развития.

Более пяти лет в отношении Российской Федерации действуют политико-экономические санкции Соединенных Штатов Америки, Европейского союза и ряда других государств. Естественно, что применяемые экономические санкции наносят определенный ущерб экономическому развитию России. Однако следует отметить, что с каждым годом России удается минимизировать последствия ущерба от введенных санкций.

На сегодняшний день становится очевидным для всех, что санкционные механизмы препятствуют взаимовыгодному развитию и не способствуют достижению целей их введения. Однако продление политико-экономических санкций в отношении России Соединенными Штатами Америки, Европейским союзом и рядом других государств продолжается до сих пор. Вдобавок постоянно рассматриваются возможности для введения новых санкций.

Данное обстоятельство говорит, что раз-

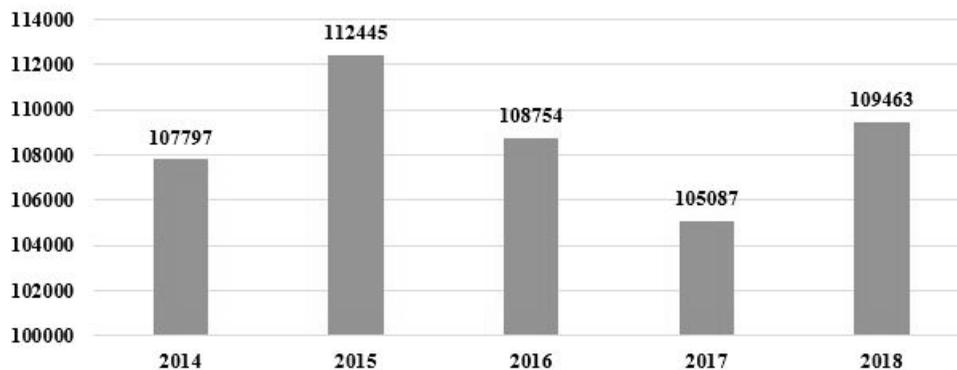
витие национальной экономики России должно обеспечиваться за счет оптимального соотношения внутренних и внешних факторов, а не упора в сторону внешних факторов.

В настоящее время добиться экономического развития возможно за счет повышения эффективности функционирования национального хозяйства. Одним из аспектов повышения эффективности должно стать повышение эффективности расходования государственных ресурсов на национальные проекты в рамках достижения национальных целей развития России на период до 2024 г., что позволило бы обеспечить вхождение России в число 5 крупнейших экономик мира.

Однако имеются факторы, которые препятствуют эффективной реализации национальных проектов и достижению национальных целей развития России. Одним из таких факторов является экономическая и коррупционная преступность, которая наносит национальной экономике невосполнимый ущерб. Все это требует также и повышения эффективности противодействия экономической и коррупционной преступности со стороны правоохранительных органов.

По сравнению с 2017 г. на 4,2 % увеличилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 109 463 преступления данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,5 %.

Динамика преступлений экономической направленности за 2014-2018 гг.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, материальный ущерб от указанных преступлений (по окончанным и приостановленным уголовным делам) составил 403,8 млрд руб.

Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 59,1 %. Подразделениями органов внутренних дел выявлено 93,2 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в

общем массиве преступлений экономической направленности составил 85,2 %.

По сравнению с 2017 г. на 2,9 % увеличилось число преступлений коррупционной направленности, зарегистрированных правоохранительными органами.

Всего выявлено 30 495 преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 1,5 %.

Динамика преступлений коррупционной направленности за 2014-2018 гг.

На сегодняшний день на органы внутренних дел приходится основная часть мероприятий по противодействию экономической преступности.

Деятельность органов внутренних дел сосредоточена на выполнении задач по снижению уровня теневой экономики и коррумпированности общественных отношений, защите от преступных посягательств приоритетных отраслей экономики, субъектов

малого и среднего предпринимательства.

Также приоритетным направлением работы органов внутренних дел является выявление фактов хищения бюджетных средств, преступлений в кредитно-банковской сфере и жилищно-коммунальном хозяйстве.

¹© Долбилов А. В., 2020

LEGALIZATION OF MONEY ACQUIRED BY CRIMINAL MEANS IN THE
CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ
ПУТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Irina Viktorovna Filatova,

associate Professor of the Department of preliminary investigation of the Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot, candidate of economic Sciences, associate Professor

Ирина Викторовна Филатова,

доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент
irina.filatova-i@yandex.ru

Научная специальность: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством

Для цитирования: И.В. Филатова. Легализация денежных средств, приобретенных преступным путем в условиях цифровизации экономики // Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики. 3/2020. С.85-88.

Annotation. The author draws attention to the fact that the legalization of money acquired by criminal means, in the conditions of digitalization and economic instability, is becoming the most serious challenge of our time. The article substantiates the conclusion that in modern conditions of development in Russia, although there has been progress in terms of reducing the number of operations with "black cash", but it is still necessary to tighten control in terms of cashing out. This is an overall global trend to tightening of the "anti-money laundering legislation".

Keywords: countering the legalization of funds acquired through criminal activity, legalization of funds obtained by criminal means, the "money laundering", "anti-money laundering system", "anti-money laundering legislation", the Federal financial monitoring service

Аннотация. Автор обращает внимание, что легализация денежных средств, приобретенных преступным путем, в условиях цифровизации и экономической нестабильности, становится самым серьезным вызовом современности. В статье обосновывается вывод о том, что в современных условиях развития в России хоть и наметился прогресс в плане снижения количества операций с «черным налом», но ужесточать контроль в части обналичивания все же необходимо. Это в целом мировой тренд на ужесточение «антиотмывочного законодательства».

Ключевые слова: противодействие легализации денежных средств, приобретенных преступным путем, легализация денежных средств, приобретенных преступным путем, «отмывание доходов», «антиотмывочная система», «антиотмывочное законодательство», Росфинмониторинг

Развитие цифровой экономики является важнейшей задачей в рамках повышения конкурентоспособности российской экономики и затрагивает все сферы общественной и хозяйственной жизни: от государственного управления, предоставления государственных услуг, до взаимодействия предприятий и физических лиц.

В условиях цифровизации экономики появились новые высокотехнологичные способы совершения безналичных расчетов и платежей (в системе электронных денег и в криптовалютной системе, в том числе с возможностью заключения смарт-контрактов), удовлетворяющие потребности интернет-сообщества: безопасность хранения и обработки информации в расчетно-платежных системах, низкая стоимость и высо-

кая скорость транзакций, простота и удобство использования, возможность проведения расчетов на небольшие суммы в виртуальном пространстве и др.

Несмотря на отсутствие (наличие слабого) нормативного правового регулирования обращения новых высокотехнологичных финансово-расчетных инструментов, ежегодно возрастают количество транзакций с их участием и объем совершаемых операций.

При этом наравне с ними в финансово-экономической сфере не менее популярными остаются традиционные способы совершения безналичных расчетов (финансовыми инструментами, имеющими материально-вещественную форму, в офисе оператора по переводу денежных средств,

в системе дистанционного банковского обслуживания).

Следует отметить, что внедрение научно-технического прогресса во все сферы общественной жизни способствовало изменению форм взаимодействия участников безналичных расчетов от личного контакта до цифрового за счет автоматизации финансовых процессов.

Однако в будущем в условиях глобализации экономики, снижения надежности мировой валютной системы, высокого уровня киберугроз в финансово-экономической сфере, напряженной геополитической обстановки в мире для повышения надежности и эффективности безналичных расчетов, противодействия легализации преступных доходов, обеспечения национальной и экономической безопасности страны целесообразно интегрированное применение традиционных и инновационных технологий в сфере расчетов и платежей как на национальном уровне, так и на международной арене.

Одной из ключевых технологий в этом контексте является блокчейн (технология распределенных реестров) и работающие на его основе виртуальные валюты (в т.ч. криптовалюты, которые в некоторых документах отделяются от общего понятия «виртуальные деньги»).

Ключевые страны мира в настоящее время ведут разработку законодательства, регулирующего создание («майнинг») и обращение виртуальных валют (цифровых денег), для тестирования использования новых технологий создаются «регуляторные песочницы».

Это, во-первых, признанные экономические лидеры – США, Китай, Великобритания, Южная Корея, Япония, Швейцария, Австралия, Франция, Испания. Во-вторых, страны, которые рассчитывают за счет быстрого освоения и внедрения новых технологий нарастить свою конкурентоспособность и стать лидерами технологического прогресса.

Среди них – Бразилия, Аргентина, Филиппины. Отдельно стоит упомянуть Эстонию, которая является лидером по проникновению цифровых технологий в систему государственного управления и также большое внимание уделяет созданию законодательной базы для использования цифровых денег.

На сегодняшний день, в России идет активное обсуждение возможностей легализации и применения блокчейн и виртуальных валют. Созданы рабочие группы при Президенте Российской Федерации и Правительстве Российской

Федерации, в выработке предложений по регулированию цифровых денег участвуют Министерство экономического развития Российской Федерации, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации. Помимо органов государственной власти в работе принимают участие частные компании и экспертные группы.

Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ внесены изменения в ст. 159.3 УК РФ, регламентирующие ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа [1].

Без определения такой сложной категории как «электронное средство платежа» невозможно применение данной нормы уголовного закона и разграничения исследуемого состава с кражей, общим составом мошенничества, мошенничеством в сфере кредитования и компьютерной информации и некоторыми иными составами преступлений.

В соответствии с п. 19 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» электронное средство платежа – это средство или способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств [2].

Операторами по переводу денежных средств являются Центральный банк Российской Федерации и кредитные организации, имеющие право на осуществление перевода денежных средств, оператором электронных денежных средств является кредитная организация, в том числе небанковская кредитная организация, имеющая право на осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов и связанных с ними иных банковских операций, предусмотренная п. 1 ч. 5 ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [3].

С каждым годом все больше появляется схем и способов легализовать нечестно полученные средства. Сегодня главным вопросом при легализации денежных средств является изобретение или формирование такой экономической дея-

тельности, которая, в свою очередь, максимально будет прикрывать нелегальное перемещение капитала. Интересен тот факт, что оптимизация политики расширения свобод влечет за собой также и развитие патологий экономики, связанной с отмыванием денег.

Стоит отметить, что опасность, с одной стороны, заключается в трудности выявления и подавления преступности, поскольку огромные финансовые ресурсы позволяют криминальным организациям покупать необходимых для их целей профессионалов в финансовой, валютной и нормативной областях, а также брать на вооружение самые передовые технологические средства.

С другой стороны, обнаруживается сложность для государства гибко следовать за темпами развития средств и методов, используемых организованной экономической преступностью.

Легализация денежных средств, приобретенных преступным путем, является распространенным преступлением, в современных условиях цифровой трансформации экономики.

При «отмывании денег» ст. 174 УК РФ используется нередко. Правда, установить факт преступления иногда бывает сложно. Преступники изобретают все новые схемы легализации, которые сложно отличить от настоящих. Можно привести пример: Гражданин П. в течение года неоднократно пополнял свой счет денежными средствами, хотя не имел постоянного места работы. Этим заинтересовалась Налоговая служба, которая попросила следствие выявить причину такой активности.

Следствие установило, что П. легализует деньги, полученные им в результате незаконной деятельности, то есть отмывает. По этому факту было возбуждено уголовное дело, П. привлекли к ответственности. Суд вынес ему обвинительный приговор, по которому П. лишился свободы на 3 года. Гражданка М. преступным путем получала денежные средства и вносила их на свой счет в банке.

При проверке ее деятельности оказалось, что таким образом она легализовала проданное имущество и деньги, хотя делала вид, что получает деньги от мужа. Следствие передало дело в суд, который вынес обвинительный приговор. В результате М. получила штраф и условное лишение свободы на 2 года. Гражданин Р. работал кредитором в банке, выдавал деньги населению, но при заполнении договора нелегально указывал пункт по включению в сумму кредита 1-2 тысяч

рублей, которые затем клал себе в карман. За год такой работы он обогатился на 500 тысяч рублей. Руководитель отдела случайно увидел данный пункт в договоре. Обратился в полицию. После следствия и суда Р. приговорили к лишению свободы на срок 6 лет, выплате штрафа и освобождению от занимаемой должности.

Стоит отметить, что для банков 2019 год был годом калибровки процессов и тестирования технологий в сфере соблюдения регулирующих норм. Банки научились проверять бизнес еще глубже и уже без ограничений для него.

У них становится все больше сведений о клиентах, уже сегодня технологии скоринга позволяют более точно оценивать бизнес клиента на стадии его входа в банк. Это значительно затрудняет процессы обналаживания. Банки взяли на себя роль союзников, которые могут внимательно оценивать транзакции клиентов и обладают достаточной экспертизой, чтобы рекомендовать им изменить свои бизнес-процессы для успешной работы в новых условиях.

Центральный банк России регулярно сообщает о снижении объемов операций с признаками обналаживания: в 2019 г. их стало в 1,9 раза меньше по сравнению с 2018 г. Аналогичный результат был в 2018 г. – снижение в 1,9 раза, в 2017 г. – в 1,6 раза.

В современных условиях развития, технологически развиваются не только банки. По темпам внедрения новых технологий им не уступают контролирующие органы, Росфинмониторинг, налоговая. Как следствие, контроль только усиливается.

Совершенствуется и нормативная правовая база. 13 июля 2020 года был подписан закон 208-ФЗ о внесении изменений в 115-ФЗ [4]. 115-ФЗ – это главный закон по контролю за отмыванием денежных средств. Его еще называют «антиотмывочный закон», на его основе блокируют счета и операции, а также отправляют информацию в Росфинмониторинг.

Закон с новыми поправками вводит контроль таких операций независимо от характера деятельности юридического лица, то есть любые подобные операции с наличными на эту сумму будут контролироваться. Кроме того, фиксировать будут и операции на сумму от 600 тыс. рублей при зачислении или списании со счета иностранной структуры без образования юридического лица, а также при осуществлении лизинговых платежей.

Согласно отчету Росфинмониторинга за 2019

год, оборот наличных денежных средств у компаний является одним из самых слабых мест современного российского бизнеса и благодатной почвой для ведения «теневого» предпринимательства. Однако, за последние годы объемы обналичивания денег в банковском секторе сократились в 3,8 раза – с 1,2 трлн рублей до 326 млрд рублей.

При этом стоит отметить, что апокалипсис, вызванный коронавирусом, либо усложнил для многих привычку соблюдать существующие правила по 115-ФЗ, либо заставил их нарушать.

Нарушать 115-ФЗ сейчас может быть даже опаснее, чем прежде. Все понимают, что кризис, пандемия и неразбериха предоставляют мошенникам широкое поле для творчества. В связи с этим Росфинмониторинг назвал сферы производства и оборота медицинской продукции, господдержки бизнеса и населения, а также благотворительной деятельности, гостиничного и туристического бизнеса, как области в наибольшей степени подверженные риску отмывания денег и предъявляет к ним повышенное внимание.

Неучтенная наличность массово выводится в зарубежные страны для приобретения низкокачественных товаров, которые потом всплывают в государственных закупках под видом российских. Наличные – это кроме «черного» импорта – питательная среда для нелегальной миграции. Поэтому если сделка или перечисление наличных денег расценивается как совершенные с целью налоговой экономии, они однозначно должны администрироваться финансовой разведкой.

В России хоть и наметился прогресс в плане снижения количества операций с «черным налом», но ужесточать контроль в части обналичивания все же необходимо.

Это в целом мировой тренд на ужесточение «антиотмывочного законодательства». По мировой практике 10 000 долларов (600 000 рублей) являются пороговой суммой, после которых операция по обналичиванию может считаться подозрительной. Для предпринимателей, если их операции можно объяснить или обосновать, проблем быть не должно.

Но это не отменяет того, что уточнения в регуляторных механизмах должны быть, и банки должны давать разъяснения клиентам, почему та или иная их операция вызвала подозрение.

В связи с этим, введенные поправки, с одной стороны, окажут положительное влияние на практику выявления незаконных операций через обналичивание, но есть и риск, что могут осложнить деятельность добросовестных предпринимателей.

Так, среди минусов отмечается необходимость предоставлять много подтверждающих документов, а также кратное повышение риска блокировки счетов, то есть теперь даже добросовестным предпринимателям придется уделять гораздо больше времени и внимания юридическому оформлению операций.

С другой стороны, на наш взгляд, полностью проблему это не решит, но действительно позволит сократить количество незаконных операций, в результате того, что легализация теневых доходов просто станет дополнительной точкой контроля.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2019) // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 10.06.2020).
3. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (последняя редакция) // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 10.07.2020).
4. Федеральный закон от 13.07.2020 № 208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» в целях совершенствования обязательного контроля». Документ вступает в силу с 10 января 2021 года, за исключением отдельных положений, вступающих в силу в иные сроки // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 10.07.2020).